

УРАЛЬСКИЙ

ледовый

10

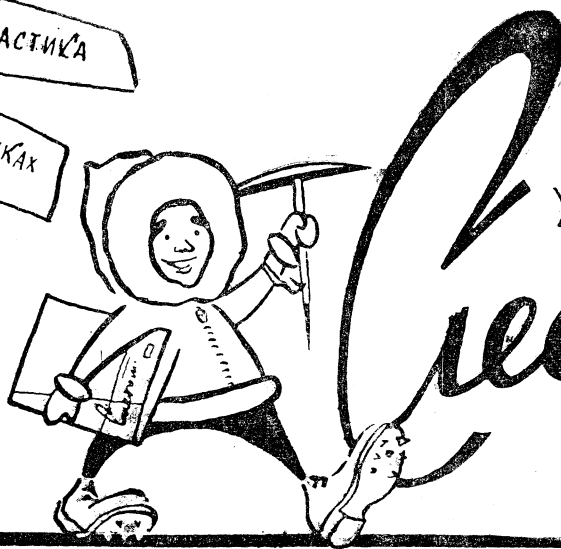
1960

Окрестности Свердловска. Озеро Шарташ

Фото Б. Буткевича

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ФАНТАСТИКА
 О ГЕРОЯХ
 РАССКАЗЫ БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ
 ЗЕМЛЯКАХ
 МЕЧТЫ СОВРЕМЕННИКОВ
 ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ
 УРАЛ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА
 КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ
 СЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ДЕЛА

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

10

ОКТАБРЬ

1960

◆ ПИСЬМА ИЗ РЕДАКЦИИ. Идем в наступление! ◆ НАША МОЛОДОСТЬ. Поэтический репортаж Льва Сорокина ◆ ЯСАК БЕ-РЕЗОВСКИЙ. Очерк Г. Мишкевича. ◆ НАШ АКТИВИСТ НИКОЛАЙ ХРУЩЕВ. ◆ ЦИОЛКОВСКИЙ В ВЯТКЕ. Заметки В. Пленкова. ◆ КУЗКА МАТЬ. Воспоминания участника гражданской войны А. Старостина. ◆ РАССКАЗЫВАЕТ МЕДВЕДЬ-КАМЕНЬ. Очерк О. Бадера. ◆ ВОЗДВИГНУТЬ НА УРАЛЕ ПАМЯТНИК ЕРМАКУ! ГДЕ СТОЯТЬ ПАМЯТНИКУ? КОГДА ПОГИБ ЕРМАК? ◆ РЕДКОСТИ БЫВШЕЙ ГЛУХОМАНИ. Записки Юрия Рябова. ◆ УРАЛ В ЛЕНИНГРАДЕ. Очерк Ю. Курочкина. ◆ ТАЙНА ТОЛИ СТАРОДУБОВА. Повесть П. Бабанского. ◆ ТИГР НАСТУПАЕТ. Окончание повести Г. Бабакова. ◆ Я ХОЧУ СТАТЬ СЛЕДОПЫТОМ. Стихотворение Е. Хоринской. ◆ СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ. ◆ СЛЕДОПЫТ РАЗЫСКИВАЕТ.

◆ На первой и четвертой страницах вклейки — рисунки А. ТУ-МАНОВА «Медведь-Камень» и «Памятник Ермаку».

Свердловское Книжное Издательство

ИДЕМ В НАСТУПЛЕНИЕ

Медвежий угол... Эти слова часто звучали в царской России, постоянно появлялись на страницах дореволюционной печати. Буквально они обозначали районы совершенно безлюдные, где медведи действительно были полными хозяевами. Но гораздо чаще слова эти употреблялись в переносном смысле. Так называли местности населенные, но захолустные. Большинство обитателей «медвежьих углов» вынуждено было вести тяжелую борьбу за кусок хлеба, обречено было царским строем на бескультурие, темноту и невежество.

«Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России, — писал в 1913 году Владимир Ильич Ленин. — И эта одичалость народных масс, в особенности крестьян, не случайна, а неизбежна при гнете помещиков...» (Соч., том 19, стр. 115).

За 43 года Советской власти в нашей стране не осталось населенных мест, которые бы отвечали названию «медвежий угол». Всюду, где живет и трудится советский человек, это название устарело.

До революции население Белоярской волости Екатеринбургского уезда подчас не знало, чем прокормиться. Около 10 процентов его занималось нищенством. Три четверти белоярских крестьян были неграмотными.

Сегодня потомки обнищавших и темных белоярских крестьян строят в своем районе одну из крупнейших в стране атомных электростанций. Строители этой станции учатся и защищают на производстве дипломы на звание инженеров и техников, чтобы управлять на станции новейшими машинами. На этой станции будет работать дипломированные рабочие!

В наших советских условиях понятие «медвежьего угла» сохранилось только

применительно к местностям девственным, человеком не тронутым. Их еще немало и у нас на Урале, и в Сибири, на Алтае, Дальнем Востоке, на севере и на юге. И никогда еще, пожалуй, не шло с такой энергией и размахом вторжение советских людей в различные «медвежьи углы» природы. Следопыты семилетки продолжают осваивать степную, хлебную целину. Тысячи и тысячи молодых строителей трудятся на целине водной, возводя в глубине Сибири небывалой мощности и красоты гидростанции. Другие тысячи у нас на Урале осваивают целину железную на Качканаре, на Соколовско-Сарбайском месторождении.

А недавно молодые следопыты семилетки двинулись на штурм целины таежной. В этом номере мы публикуем корреспонденцию о проекте газопровода, который подаст сибирский, березовский газ на Урал. В свое время мы предлагали сделать «Газстрой» комсомольско-молодежной стройкой. Это предложение осуществляется ныне. Коллектив, пробивающий в болотистой тайге трассу для будущей железной дороги и газопровода, — сплошь молодежный.

Уральский следопыт! Ты мечтаешь о романтической, захватывающей дух жизни. Она — там, на лесах атомной электростанции, на железной целине, на таежной трассе. Ты не найдешь интересной жизни на тропе джек-лондонского героя, сражающегося один на один со стужей, пространством и одиночеством. У тебя иная цель, иные средства...

Сначала — о цели.

Зачем мы зовем тебя на железную, на таежную целину, на штурм «медвежьих углов»? Чтобы ты встретил и залобанил медведя, в единоборстве с ним вышел победителем? Или, может быть, чтобы испытать твой характер: сможешь ли ты отказаться от обжитого, уютного отчего дома, от крыла матери?

Нет, не за этим!

Из одного нашего крупного северного завода в глухое село партия послала паренька-комсомольца. Кто-то умилился его самопожертвованию. Тогда парень сказал тому человеку:

— Не трудитесь восхищаться! Я еду в деревню не затем, чтобы оплакивать то, что я оставил в городе. Я еду туда затем, чтобы люди в этом селе жили по-городски — культурно и весело.

И он добился этого.

И дело, конечно, не в том, что на таежной трассе встречаются медведи и жить там приходится в палатках, а обогреваться у костра. А в том, что уже сейчас в конечном пункте этой трассы, на берегу могучей Оби, где на осыпающемся подмытом берегу лепится маленький поселок Нары Кар, проектируется город, в котором будут жить 100 тысяч человек.

Ты сможешь через несколько лет приплыть в этот город, которого пока нет, в комфортабельном корабле на подводных крыльях, приехать в вагоне-люкс, прилететь на самолете.

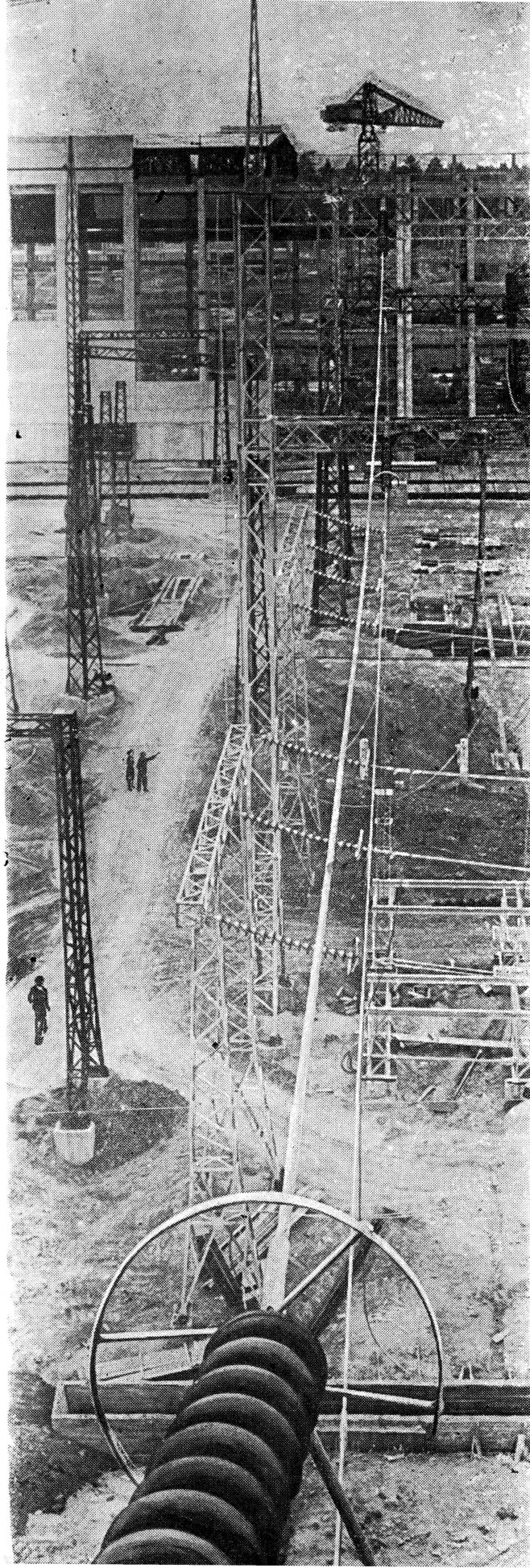
Ты можешь и прийти туда по трассе, прорубленной своими руками сквозь тайгу. И разве это, последнее, не лучше, не интереснее, не благоднее?

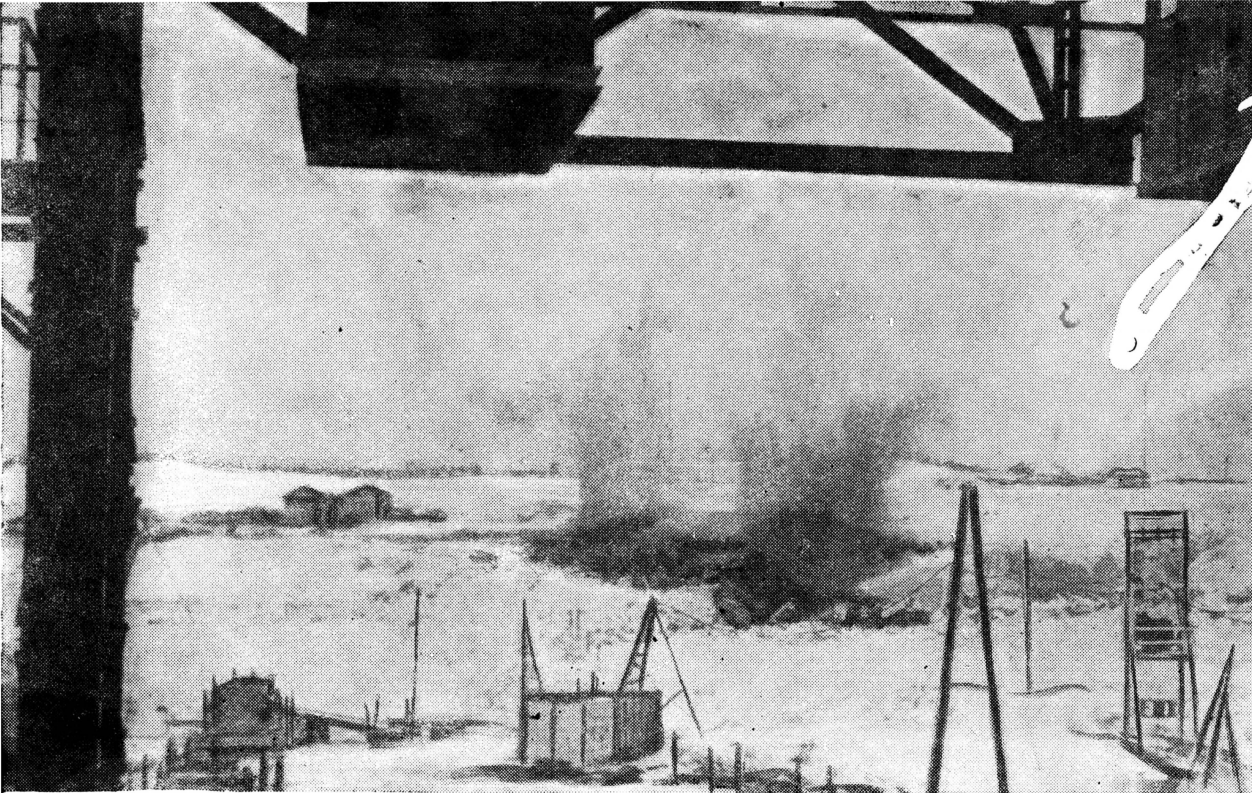
Подумай! Реши!

Недавно в газетах появилось письмо многотысячного коллектива строителей красноярских заводов Н. С. Хрущеву. Писали три тысячи молодых рабочих. Все они приехали на строительство коллективом, после демобилизации из одной военной части. Все чаще и чаще на различные стройки — Сарбай и Качканар, в Тургайскую степь и Сосьвинскую тайгу — приезжают из различных областей трудиться ребята и девушки, окончившие школу — целым классом, да и с учителями в придачу.

О чем это говорит? Случайные это факты? Нет, не случайные. И говорят они о том, что наших великих целей строительства коммунизма в одиночку не достигнешь. Они по силам большому плечу — коллективу, где один за всех и все за одного.

Мы идем по целине — степной и таежной, горной и водной, по нетронутой целине в наступление на «медвежий угол», чтобы они перестали быть «медвежьими», чтобы они стали удобны и радостны для человека, для нас с вами, советских людей.

Наша МОЛОДОСТЬ

На экраны страны вышел документальный фильм «**Наша молодость**», выпущенный Свердловской киностудией. Фильм этот о труде — подвиге комсомольцев Нижнего Тагила и молодежи всей страны, сумевших в короткий срок, в сильные морозы построить крупнейшую в Европе домну.

Стихи об этих замечательных ребятах и девчатах написал для кинофильма поэт **Лев Сорокин**.

Строителям Нижне-Тагильской
комсомольской домны.

1

Ты помнишь:
— На домну!
— На стройку! —
Бились сердца все сильнее.
Так начиналась героика
Незабываемых дней.

Съехались дерзкие!
Сколько вас!
Казалось,
что сам Урал

Путёвкой комсомольскою
Над вами зарю поднял.

Не были вы постояльцами,
Полные воли и сил!
Всех вас сделал уральцами
Наш рабочий
Тагил!

2

А было трудно!
Было очень трудно!
Мы этого не думаем скрывать!
Ведь колышком на пустыре остудном
Нам приходилось домну начинать.

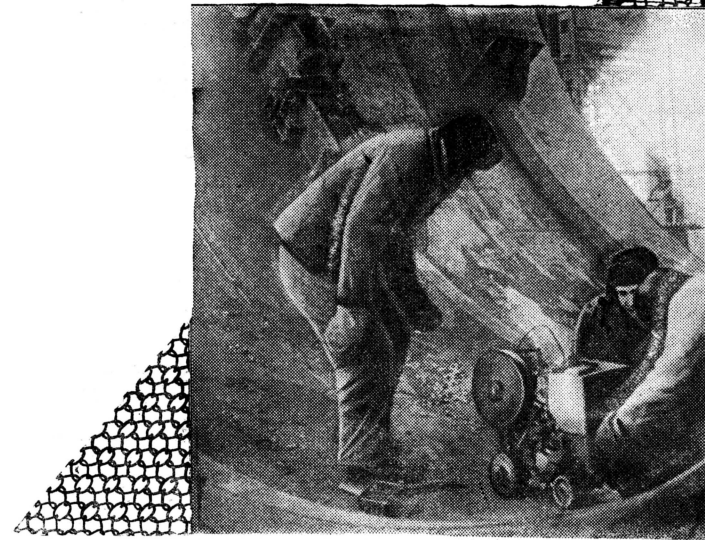
Пусть аттестаты зрелости имелись
У многих из приехавших сюда,
Но только здесь экзамены на зрелость
Сдавала юность
в грохоте труда!
Курносые романтики в спецовках
И в сапогах,
к которым липла грязь,
У коммунистов
выдержке,
сноровке
Учились,
неуменья не стыдась!

Плаксивых писем почта
Отсюда не носила никогда.
Романтика!

В ней видится нам то, что
Мы называем буднями труда!

А эти будни переходят в подвиг!
Их превращает в подвиги порыв!
Попробуй поработать смены по две,
Когда все силы брошены в прорыв!

Попробуй быстро овладеть секретом
Профессии, неведомой подчас.
Но, видно, комсомольские билеты
Давали силу в самый трудный час!

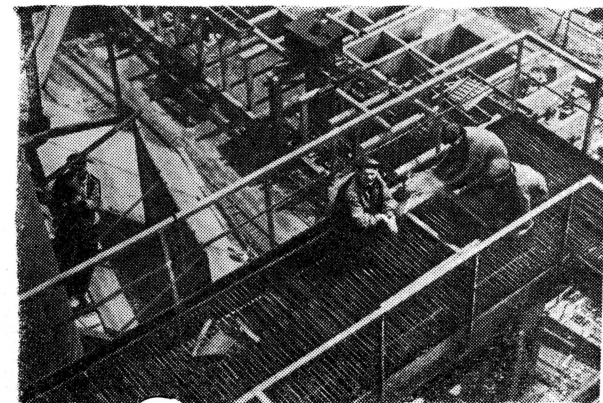

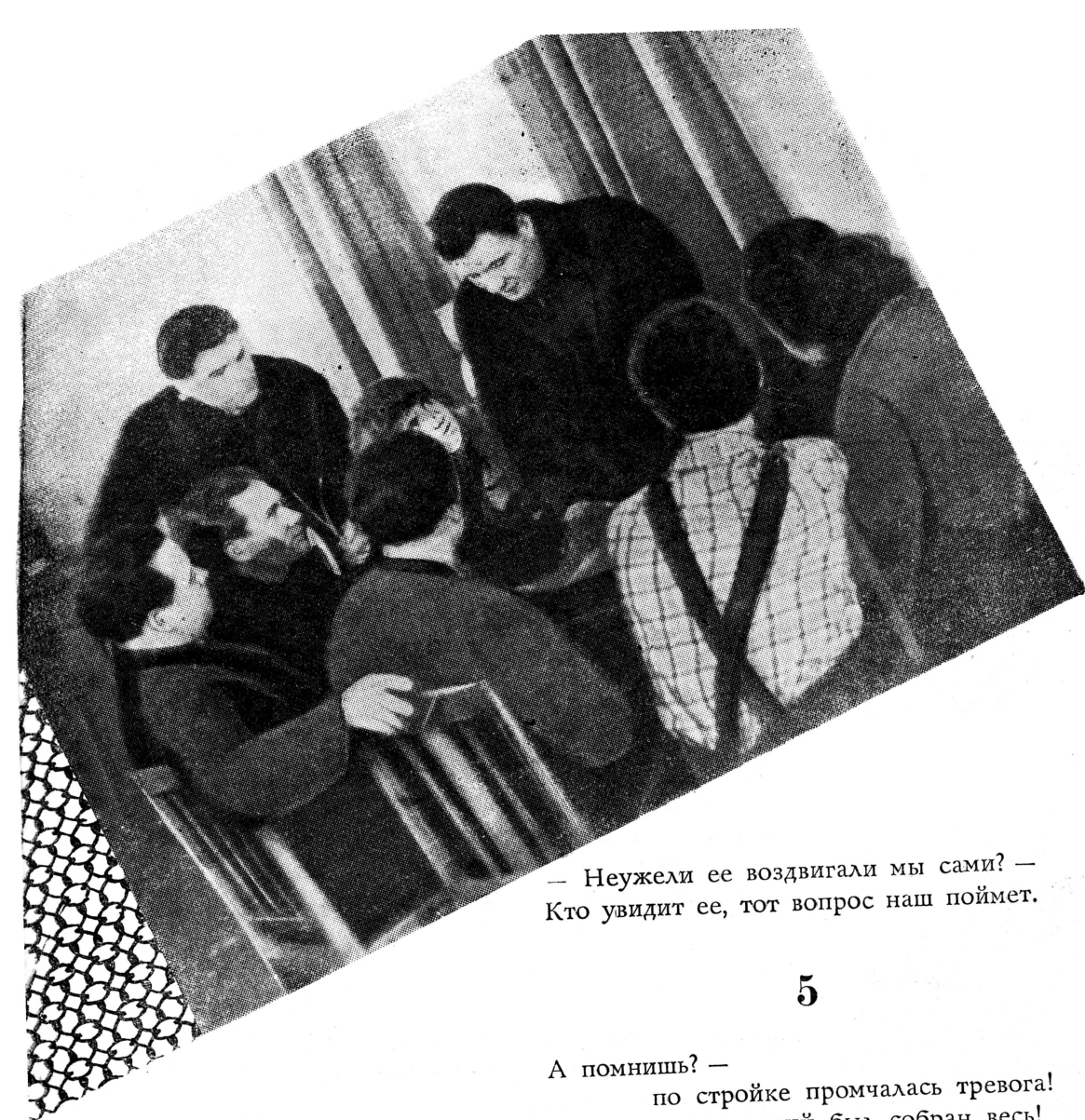
Так быстрее же туда,
где в сверкающем зале
Зачарованы музыкой сотни друзей.
Вы ее принимали,
как песнь об Урале,
О Тагиле родном
и о стройке своей!

Словно был сам Чайковский на домне
недавно
И подслушал заветные думы ребят,
И сумел написать вдохновенно
о главном
И о том сокровенном,
что в сердце хранят!

В этой музыке вмиг растворилась
усталость,
Ты работать бы снова без отдыха мог!
И как будто раздвинулись стены
у зала,
В город хлынул, звеня,
музыкальный поток!

И опять оказалась она пред глазами,
Комсомольская домна в гуденье работ!

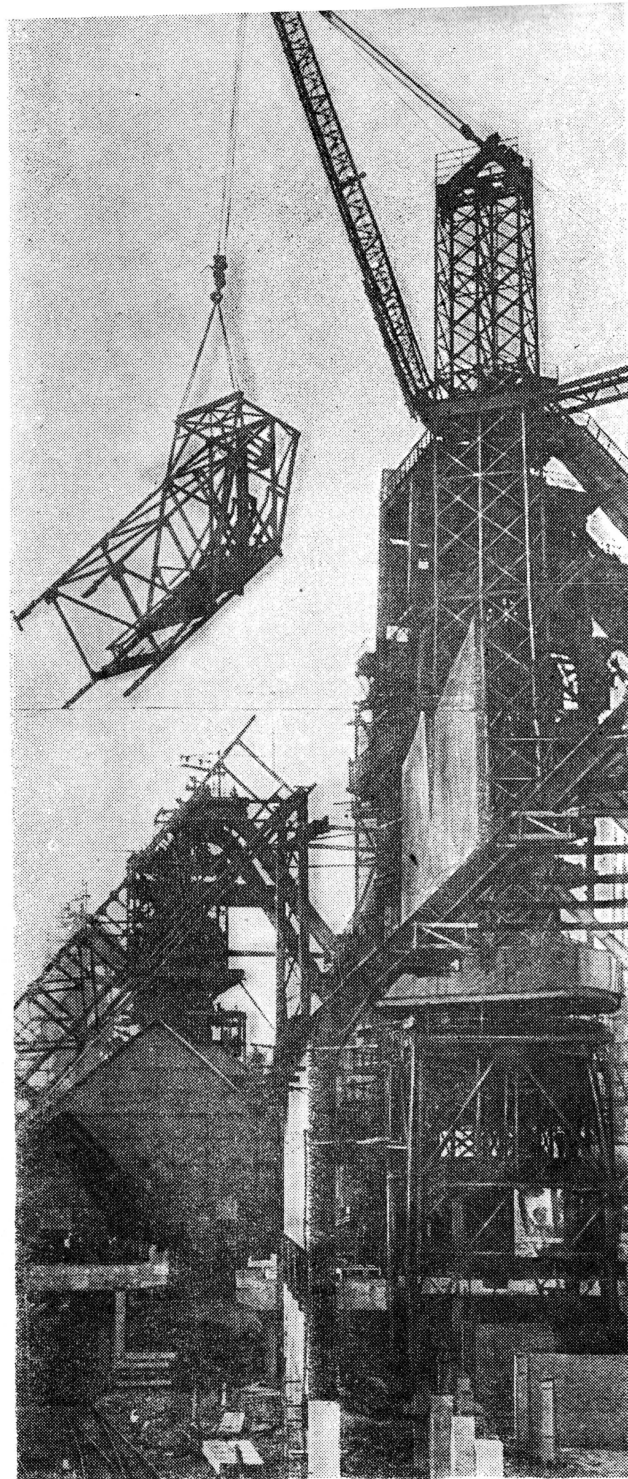

— Неужели ее воздвигали мы сами? —
Кто увидит ее, тот вопрос наш поймет.

5

А помнишь? —
по стройке промчалась тревога!
Штаб комсомольский был собран. весь!

— Поставщики не поставили многое,
Срываются сроки!

Горькая весть!

Что делать, и помощи ждать откуда?
Терять ни минуты сейчас нельзя!

— Пиши комсомольцам!

Они повсюду,

А, значит, повсюду у нас друзья!

Письма летят,

словно стая огромная:

«Как мы посмотрим в глаза страны?..

За помощью к вам обращается домна!..

В срок ее сдать мы должны!

Должны!

Слово сдержать комсомольцам надо,
Народу и партии слово дано!..»

И вот из Горького,

из Ленинграда,

И отовсюду

в ответ

одно:

«Поможем!

Поможем!

протянуты к домне

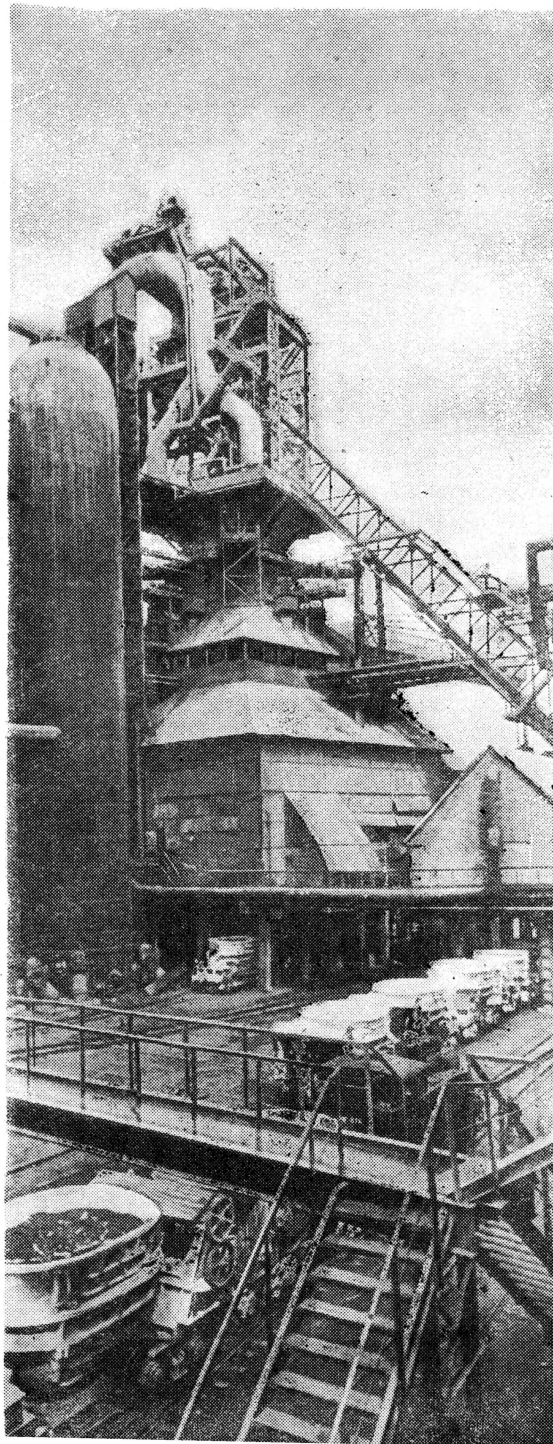
Руки дружбы Отчизны всей:

— Крепись, комсомолец!

Держись и помни:

Рядом с тобой

миллионы друзей!

6

Победа пришла!

Фейерверком металла

Ярко ваш осветила успех.

Домна в строй семилетки встала!

Партия вас поздравляет всех,

Построивших домну в рекордные сроки,

Темпом работ удививших свет.

Пускай же льются металла потоки

Для мирных машин и для мирных ракет!

И, может быть, праздник на домне этой,

И тот металл, что, бурля, идет,

Поможет раньше уйти ракетам

В межзвездный, в космический перелет!

А эта стройка для вас —

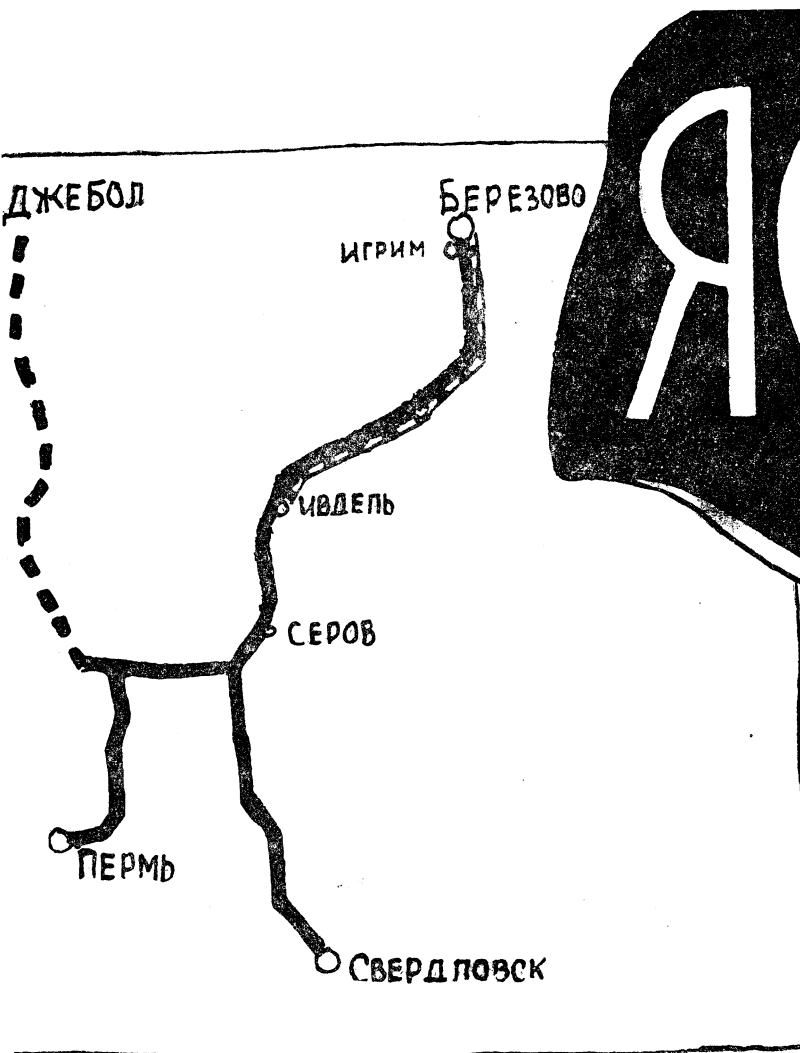
начало

Большого строительного пути,

Отсюда может юность Урала

До самой заветной мечты дойти!

*Нижний Тагил —
Свердловск, 1960 г.*

ЯСАК

воды протянутся на много тысяч километров. Что же особенного в появлении еще одной трубопроводной артерии?..

Что особенного?.. Такой вопрос и я задал в Ленинградском институте «Гипроспецгаз» главному инженеру проекта газопровода Георгию Андреевичу Пилипенко.

Если хорошенько всмотреться в бессловесную карту, то она заговорит — и очень красноречиво. Синие прожилки, которые покрывают карту густой паутиной, — это речки и ручьи: полтора ста водных преград будут форсированы строителями. Горизонтальные голубые штрихи — болота, придется шагать и через них. Покрывающий карту зеленый муар в действительности — дремучая тайга: от Березова до Ивделя — 540 километров и ни одного населенного пункта! Коричневые извилистые линии — это холмы, таежные взгорья, каменные осыпи и увалы. Их тоже не миновать строителям газопровода. Что и говорить, крепко, надежно, словно за семью замками и печатями, упрятаны богатства северного Зауралья.

Сказочно богат Урал полезными ископаемыми — это известно каждому. И лишь единственную

Как это все просто и буднично выглядит на узком, длинном листе карты...

С северо-востока на юго-запад проведена тушью изогнутая линия, соединившая Березово и Ивдель. Отсюда она повернула прямо на юг, прошла Серов и направилась дальше. От Серова пошла и ветка налево — она перевалила Уральский хребет, ушла в Пермскую область.

Это и есть трасса будущего магистрального газопровода, который придет на Урал с далекого Севера. Уже в 1963 году по газопроводу Игрим — Серов в города Урала придут первые тысячи кубометров газа Березовского месторождения.

Во многих местах страны прокладываются сейчас газовые дороги. Достаточно сказать, что в 1970 году магистральные газопро-

БЕРЕЗОВСКИЙ

Рисунки А. Казанцева

Г. МИШКЕВИЧ

несправедливость допустила природа: маловато дала она Уралу топлива. Его приходится возить издалека.

Но человек исправляет ошибку природы. Далеко на юге — в районе Газли, в Узбекистане, и на севере — под Березовом, найдены богатейшие «газовые бассейны». С двух противоположных концов советской земли придет на Урал по трубам замечательное невидимое топливо — газ.

В отличие от многих других газовых источников, Березовское месторождение изрядно разбросано. Представьте себе квадрат 400×400 километров. На этой обширной площади вскрыто около сорока отдельных газоносных структур. На головном участке звездообразная система труб соединит все разрозненные газовые источники. Здесь газовые ручьи сольются в одну могучую реку магистрального трубопровода. Его стальное русло протянется на 1217 километров (а с отводами еще на 310 километров). Проектом предусмотрено, что в районе Среднего Урала березовский путешественник встретится со среднеазиатским, — с газом, который придет на Урал из Газли. Трубопровод, перешагнув через Уральский хребет, доставит газ в Пермскую область.

Примечательно, что проект крупнейшего в мире газопровода

Газли — Урал тоже разрабатывается в институте «Гипроспецгаз». Главный инженер проекта южной стройки Вячеслав Иванович Шпакковский — сосед Георгия Андреевича Пилипенко по комнате. И «его» трасса не из легких: трубопровод-гигант пересечет пески Кара-Кумов, безводное плато Устюрт, перешагнет через Аму-Дарью и Уральские горы... Две металлические нитки этих трубопроводов уже «встретились» на Суворовском проспекте Ленинграда, «сбойка» их, как говорят строители, произошла. Когда их протянут на местности, они «сошьют» воедино богатства знойного Узбекистана и холодного севера Тюменской области, согреют подземным теплом печи старого Урала...

Но вернемся к нашему газопроводу. Параллельно его трассе сооружают железную дорогу. Она берет свой старт у станции Ивдель, а финиширует около поселка Нижние Нарыкары — в самой гуще Березовских газовых промыслов. По этой железной дороге повезут еще одно богатство тайги — древесину. Не исключено, что рельсовый путь свернет на юг и дойдет до села Октябрьского

на Оби. Тогда оживет еще один богатый край: в Октябрьском построят крупнейший в Советском Союзе целлюлозно-бумажный комбинат и лесоперевалочную базу.

Сооружение железной дороги неизмеримо облегчит труд строителей газопровода. Нельзя даже представить себе, как смогли бы забросить в дремучую тайгу механизмы, трубы, металлоконструкции, не будь железной дороги. Уже в нынешнем году войдет в строй первый ее участок, а полностью дорога заработает в 1963 году, когда будет завершено и строительство газопровода. Как видите, и железная дорога и газопровод составляют единый строительный комплекс.

ПОИСКИ В СЕМИЛЕТКЕ ПОИСКИ В СЕМИЛЕТКЕ ПОИСКИ В СЕМИЛЕТКЕ

Большая часть трассы проходит по болотам, пересекается сотнями рек и речушек. Прокладывать трубы в траншеях, как это обычно делают при постройке магистральных трубопроводов, здесь очень невыгодно. Сам собой возникает ответ: нужно провести трубы не в земле, а над землей!

Опоры-ноги шагнут широко — что ни шаг, то добрые 40—50 метров! Материала для изготовления опор достаточно: выберирай в тайге любой ствол.

Строителям будут активно помогать крылатые монтажники — вертолеты. Они уже прекрасно зарекомендовали себя при постройке газопровода Серпухов — Ленинград.

Чтобы избежать вредного и опасного влияния резких температурных скачков, неизбежных при надземной подвеске труб, трубопровод подвесят не ровной линией, а змееобразно. Металлическая трубчатая анаконда, то сокращая, то удлиняя свои зигзаги, сама будет компенсировать, выравнивать тепловые колебания.

Такой метод строительства позволит добиться многих выгод: отпадет трудоемкое рытье траншей; трубам не потребуется специальная защита от ржавчины — достаточно обмазать их тонким слоем цементного раствора. А ведь при траншейной укладке трубы приходится хорошенько «пеленать» изоляцией из битума и особо прочной бумаги.

Так, «в воздухе», проложат газопроводную магистраль на участке от Березова до Ивделя.

Что касается остальной части трассы, то здесь район обжитой, поэтому можно как следует механизировать стройку. На участке от Ивделя до крайней южной точки трубопровод уложат в траншеях.

Хотя газ из своих подземных хранилищ вырывается на поверхность под огромным давлением, превосходящим сто атмосфер, одного этого естественного напора недостаточно для того, чтобы доставить топливо за тысячу с лишним километров. Газ придется подгонять силой. Роль толкачей выполняют компрессорные станции.

Каждая из станций — настоящий машинный зал. Топливом для машин послужит газ — благо он тут же, что называется, под рукой. Компрессорные станции создадут на всем протяжении трубопровода равномерный, постоянный напор в 55 атмосфер. Все оборудование для них проектируется на Свердловском турбомоторном заводе и будет изготовлено на Урале.

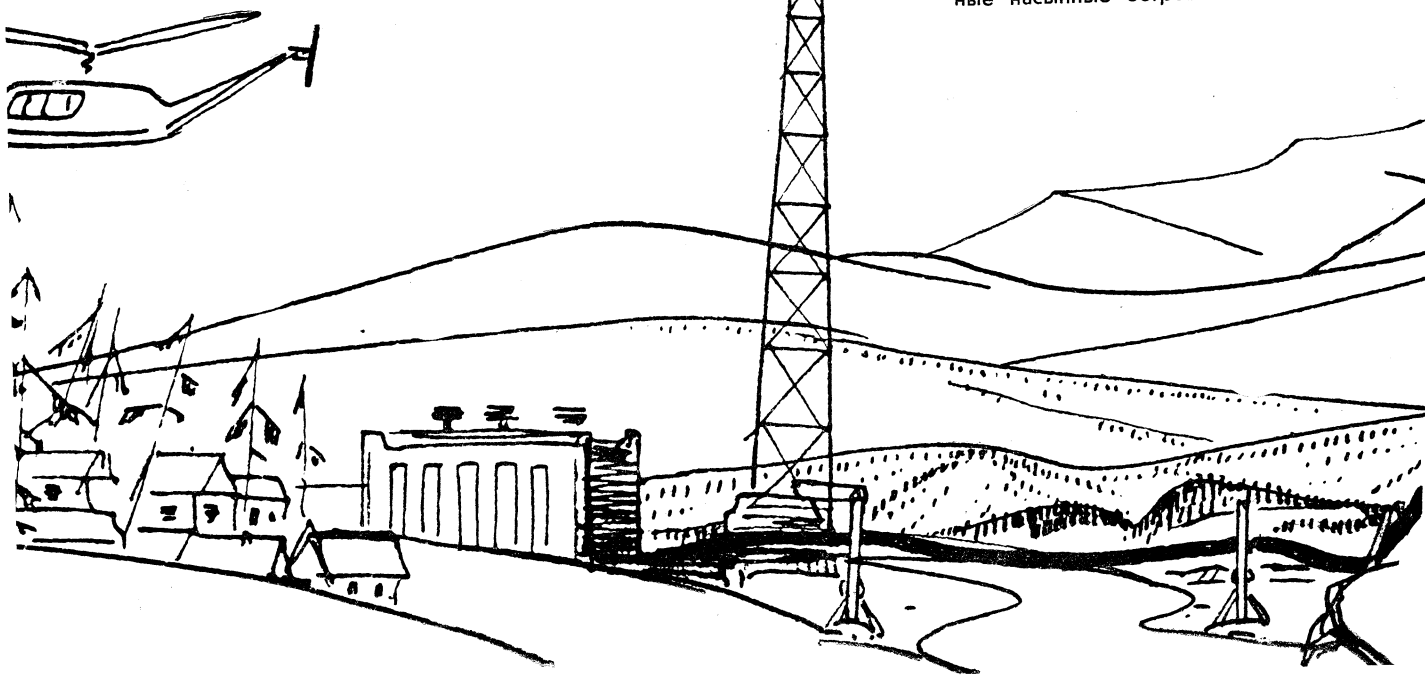
Вокруг каждой компрессорной станции вырастет маленький, но вполне благоустроенный поселок. Электричество, газ, радио, водопровод, удобные дома-коттед-

жи, — словом, современная жизнь вторгнется в таежную чащобу, — вот чудесная черта нашего строительства! Добавим к сказанному, что на каждой станции будут вертолеты. С помощью этих алюминиевых стрекоз обходчики (а правильнее, пожалуй, облетчики), низко паря над землей, будут патрулировать трассу, следя за исправностью труб и опор. На каждой станции, разумеется, предусмотрена организация аварийно-ремонтной службы. Едва обнаружится утечка газа (а место утечки само себя выдаст оглушительным свистом: ведь газ вырвется на волю под большим напором!), немедленно вылетит на место аварийный ремонтник-вертолет...

Вдоль газопровода построят радиорелейную линию связи. Через каждые сто километров в тайге вырастут стальные «деревья» — стометровые ретрансляционные башни. Слово эстафету, будут они передавать друг другу радиосообщения. Вся связь — только по радио! Тянуть провода сквозь коварную тайгу незачем.

Таков в общих чертах облик будущей трассы газопровода. Есть у него еще одна любопытная особенность.

Если в низовьях Оби будет построена гидроэлектростанция, тогда, с образованием гигантского водохранилища, значительная часть территории Березовского газоносного промысла может оказаться затопленной. Газ придется добывать из-под дна искусственного моря. Это необычное обстоятельство следует учесть в проекте. Скважины, которые окажутся под водой, временно превратят в искусственные насыпные острова. Весь за-

ПОИСКИ В СЕМИЛЕТКЕ ПОИСКИ В СЕМИЛЕТКЕ ПОИСКИ В СЕМИЛЕТКЕ

топленный район промысла станет архипелагом, сделанным человеком...

Главный инженер проекта свертывает карту в рулон, откладывает ее в сторону и достает папку с расчетами. Теперь речь идет об экономической стороне дела, теперь говорят цифры.

Прежде всего — надолго ли хватит березовского газа Уралу? Иначе говоря, стоит ли городить огород и тянуть трубчатую магистраль.

Стоит! Газа хватит не меньше, чем на четверть столетия. Он заменит собой привозные угли — кизеловский, карагандинский, богословский, кузнецкий, челябинский и егоршинский — всего до 4,5 миллиона тонн в год. Стало быть, газопровод освободит этот уголь для других народнохозяйственных нужд, а, кроме того, высвободит тысячи вагонов и сотни локомотивов. Печи металлургических заводов, топки электростанций и котельных, кухонные очаги городов Северного и Среднего Урала получают с доставкой на дом замечательное, дешевое топливо: стоимость газа обойдется не дороже четырех копеек за кубометр.

Но газ не только топливо. Это — ценнейшее химическое сырье для выработки каучука, спирта, синтетического волокна, красок, медикаментов, пластмасс, искусственных азотистых удобрений. Поэтому на нужды химической промышленности края пойдет значительная часть березовского газа. А если заглянуть вперед, когда в полную силу войдут атомные электростанции, тогда почти весь газ пойдет для «большой химии».

Скоро-скоро запоют на североуральской новостройке механические пилы, повалятся навзничь кряжистые лесные великаны, бесильно зачавкают отступающие болота. Тайга наполнится урчанием моторов, клекотом металлических птиц — вертолетов. Сплошным потоком потекут в необитаемые ныне места трубы, стальные конструкции, строительные материалы. Неузнаваемо изменится, преобразится, оживет еще один далекий уголок советской земли...

А ведь совсем еще недавно он и вправду был далеким и глухим. Раскроем пятый том Большой Советской Энциклопедии на слове «Березово». Знаменито это село на левом берегу Северной Сосьвы, знаменито, ничего не скажешь...

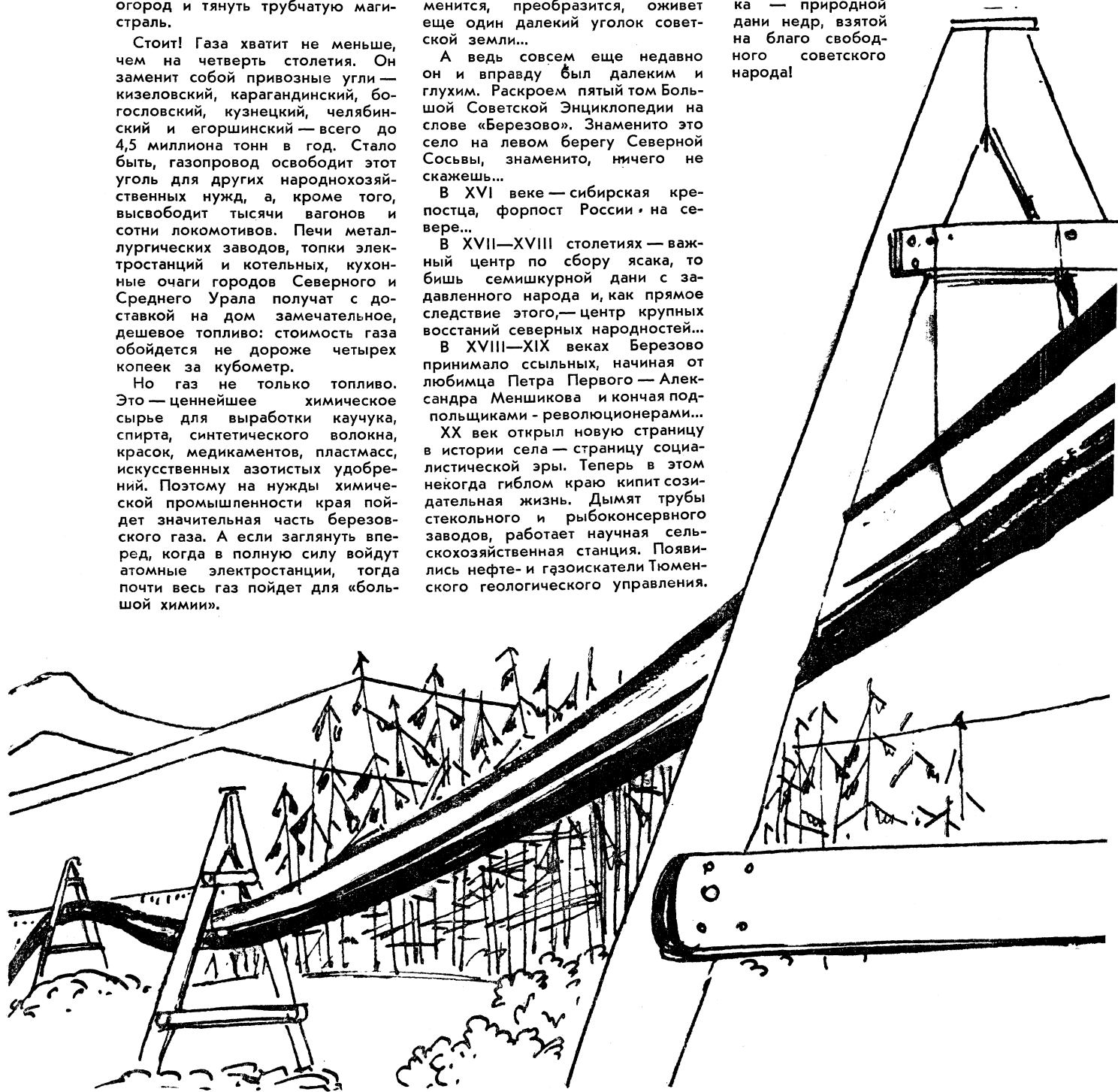
В XVI веке — сибирская крепость, форпост России, на севере...

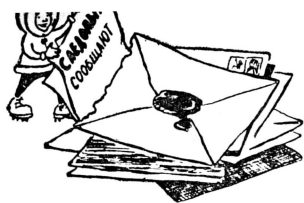
В XVII—XVIII столетиях — важный центр по сбору ясака, то бишь семишкурной дани с заданного народа и, как прямое следствие этого, — центр крупных восстаний северных народностей...

В XVIII—XIX веках Березово принимало ссыльных, начиная от любимца Петра Первого — Александра Меншикова и кончая подпольщиками-революционерами...

XX век открыл новую страницу в истории села — страницу социалистической эры. Теперь в этом некогда гиблом краю кипит созидательная жизнь. Дымят трубы стекольного и рыбоконсервного заводов, работает научная сельскохозяйственная станция. Появились нефте- и газоискатели Тюменского геологического управления.

Все круто изменилось в Березове. Старинное русское село превращается в знаменитый промышленный форпост Севера. И вновь оживет, — но уже совсем-совсем по-другому! — древнее слово «ясак». Оживет потому, что рабочий поселок Березово станет центром собирания богатейшего газового ясака — природной дани недр, взятой на благо свободного советского народа!

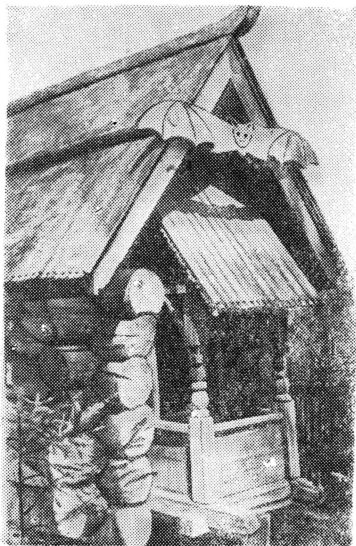

СКАЗОЧНАЯ ИЗБУШКА

Эта избушка на курьих ножках находится в парке подмосковного музея-усадьбы Абрамцево Академии наук СССР. Сооружен фантастический домик в 1883 году по проекту художника Васнецова.

С одной стороны острый конек крыши избушки увенчан конской головой, с другой — большой летучей мышью. Дверей нет, а у входа — маленькое крыльцо с резными столбиками, вместо окон — затейливые прорезы.

Срублена избушка из толстых

бревен, поставлена на могучие пни, которые напоминают крепкие когтистые птичьи лапы. Есть у нее и дворик, крытый соломой. Словом, ни в сказке сказать, ни пером описать, — как будто шагнула она сюда прямо из пушкинской поэмы.

А. ГЛАЗКОВ

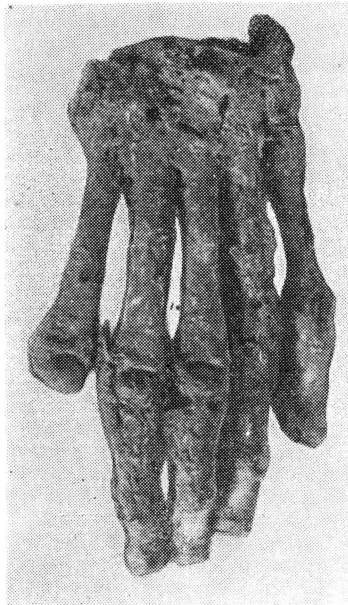
МЕДВЕЖЬЯ ЛАПА

Наш следопытский отряд Луневской школы, путешествуя по Удмуртии, побывал в деревне Печнее. На ночлег мы остановились в доме Алексея Гавриловича Гаврилова, семидесятилетнего ста-

рика. От него мы узнали много интересного из истории удмуртского народа, о его старых обычаях.

Сильно обрадовался Алексей Гаврилович, когда мы на прощание подарили ему термометр для измерения температуры воздуха. Он достал из сундука какой-то предмет, завернутый в платок, и предложил нам:

— Берите, ребята. Может быть, пригодится для вашего музея.

Развернув платок, мы увидели сильно засохшую медвежью лапу.

— Медведь был убит около трехсот лет назад, — пояснил Алексей Гаврилович, — а его лапа передавалась из поколения в поколение! Дело в том, что в местных лесах медведь считался самым сильным зверем, а его лапе суверенные люди приписывали сверхъестественную силу. Отсюда пошло поверье, что можно обнаружить вора, если он прикоснется к медвежьей лапе.

Медвежья лапа хранилась у богатых людей, а я нашел ее в старом заброшенном доме.

Когда в деревне случалась кража, все население приглашалось на сходку. На стол клали медвежью лапу. Каждый обязан был дотронуться до нее под страхом наказания «нечистой силы». Невинный дотрагивался смело, а вор не подходил даже близко...

Медвежья лапа сейчас находится в нашем школьном музее.

П. БЛИЗНЕЦОВ

РЕКА ТЕЧЕТ В ДВЕ СТОРОНЫ

Бывает, что одна река разветвляется на две и каждая течет в своем направлении. В горных странах это довольно редкое явление, а на Урале до сих пор известно не было.

Несколько лет назад мне пришлось работать в горах Полярного Урала, между бассейнами рек Усы и Щучьей. У небольшого озера, истока крупнейшего притока Печоры — Большой Усы, с возвышенности открывался прекрасный вид на синеющие дали хребтов и ослепительно-белую шапку ледника. Внизу голубой лентой извивалась Большая Уса. Вдруг мы увидели, что, выйдя из озера, река разветвляется на три рукава. Один течет прямо на юг к Печоре, а два, соединившись снова вместе, устремляются на восток, в долину реки Гена-Хадата (бассейн Оби)!

Сверяемся с картой. Вот озеро. Из него вытекает Большая Уса, но по карте она течет одним руслом на юг, к далекой Печоре.

Спешим в долину Большой Усы. Около озера это — полноводная река в семь-десять метров ширины. В двух километрах ниже истока русло на самом деле разветвляется на три рукава.

Значит, карта, снятая двенадцать лет назад, врала? Нет. Разветвление Большой Усы произошло, по-видимому, недавно оттого, что верховья реки Гена-Хадаты отступило к водоразделу и перехватило русло Большой Усы. В недалеком будущем, несомненно, сток Большой Усы будет полностью перехвачен бурной Гена-Хадатой, а маловодный рукав ее превратится в болото, через которое пройдет водораздел между Европой и Азией.

Перехваты рек другими реками на севере Урала мы наблюдали во многих местах. В далеком прошлом Большая Уса сама перехватила верховья реки Пайпудыны (бассейн Оби), и теперь истоки Пайпудыны находятся южнее

Климат западного, европейского, склона Урала более влажен, и реки более водоносны. Поэтому перехватывались обычно верховья рек восточного, азиатского, склона. Главный водораздел Урала передвинулся и сейчас проходит почти везде по сравнительно невысоким восточным хребтам.

О. КЕММЕРИХ,
кандидат географических наук.

НА СТАРОЙ ПЛОТИНЕ

Двести лет в поселке Новоуткинске стоит эта плотина, преградив путь лесной речке Утке, что несет свои прозрачные воды в Чусовую. Толстые плахи из вековых лиственниц удерживают затворы плотины. На чугунной плите значится, что водоспуск «перестроен с подпорожного бруса в зиме 18⁹¹/₉₂ года».

Как-то ребяташки загадочно спросили меня: «А вы ничего не заметили на плите?— И тут же поспешили открыть тайну:— Смотрите, в слове «бруса» буква «С» отлита наоборот. Люди тогда малограмотными были, не заметили».

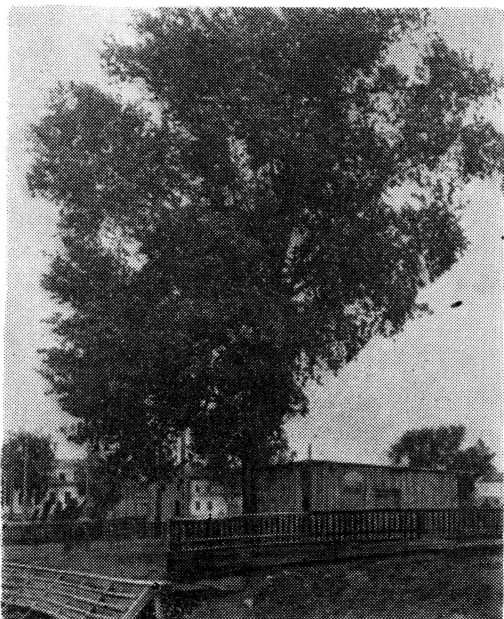
Я сфотографировал эту «мемориальную доску», а ребята посоветовали: «Вы бы тополь сфотографировали. Это его де-

душка Грудин посадил».

На самой середине плотины стоит тополь-гигант, высотой с пятиэтажный дом, со стволом в два с лишним обхвата.

В небольшом доме близ плотины я отыскал Петра Титовича Грудина, семидесятишестилетнего пенсионера, бывшего рабочего завода «Искра».

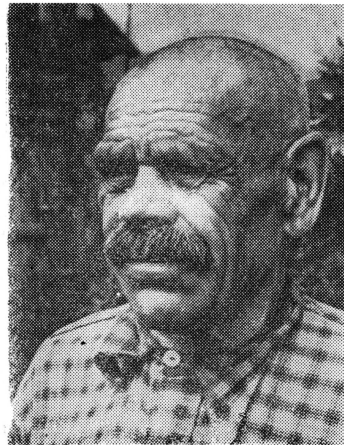
— Нынче я переполоху наделал,— рассказывает, смеясь, хозяин. — Третьего мая прихожу в завод и говорю: «Дайте мне флаг, к имениннику приколотить хочу». На меня глядят удивленно: спятил, мол, Грудин. «Кто же на именинников флаги приколачивает»,— спрашивают. «А моему тополю сегодня аккурат шестьдесят годков стукнуло»,— объясняю им. Ну, посмеялись.

В тысяча девятисотом году решили мы с заводским садовником Ларионовым аллею на плотине насадить. Много тополей было, да только один остался. Которые бурей были свалены, которые плотовщики цепями извели. А вот мой выстоял.

Теперь ему не скучно, молодежь березок кругом насадила.

В. ДРОТКЕВИЧ

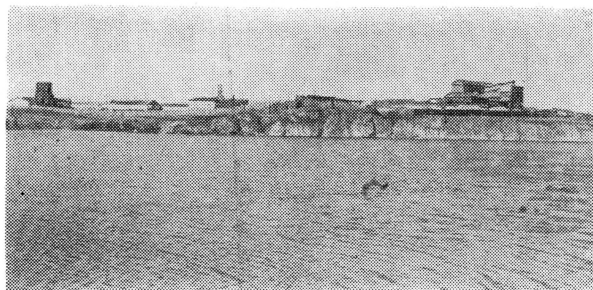

МЕРТВОЕ ОЗЕРО

Около города Соль-Илецка, что в Оренбургской области, бурной весной 1906 года небольшая речка Песчанка разлилась на десятки километров. Сильное наводнение затопило места старых открытых разработок соли. Образовались небольшие соленые озера.

Одно из них, Тузлучное,— источник донной лечебной грязи. Летом температура грязи на дне 60 градусов выше нуля. Иловая грязь и рапа, содержащая бром, обладают целебными свойствами. Ими лечат заболевания костей, сухожилий, нервной системы, ревматизм и многие другие болезни.

Соседнее соленое озеро — Развал, наоборот, летом в жаркую погоду на глубине четырех метров

сохраняет температуру до минус пяти градусов. Озеро не покрывается льдом даже в сильные морозы.

Если в озеро погрузить закупоренную бутылку с пресной водой на глубину до 10 метров и вынуть ее через 10—15 минут, то в бутылке окажется лед, хотя верхний слой озерной воды остается теплым или почти горячим.

На глубину 15 метров опускали в озеро герметически закрытый чугунный сосуд с пресной водой. Когда через полчаса его вынули, то оказалось, что сосуд не выдержал напора образовавшегося льда и разорвался. От него осталась только одна шейка.

Вода озера желтоватого цвета, на вкус горько-соленая. Насыщенность воды солью не уступает знаменитому Мертвому морю: ни одно живое существо не может в ней жить.

Плотность воды озера больше плотности человеческого тела. Если опуститься в воду, то ноги сами собой отрываются ото дна. Можно сколько угодно времени лежать на воде, не беспокоясь, что под тобой водная толща в 20 метров.

И. БРУДИН

ГДЕ ПЕРВЫЙ РУССКИЙ АВТОМОБИЛЬ?

До сих пор считается, что до 1929 года, когда начали работать автозаводы в Москве, Горьком, Ярославле, Россия не имела своего автомобиля. А между тем первый русский автомобиль был построен руками умельцев еще во время первой мировой войны.

В 1915 году Александра Никифоровича Попкова призвали на воинскую службу. Он был слесарем, знал токарное дело. Его определили в автороту. Сначала часть размещалась в Петрограде, в казармах Семеновского полка, затем перебазировалась в Смоленск. И вот здесь, в Первых тыловых автомобильных мастерских юго-западного фронта, собрались как-то человек восемь — энтузиастов автодела.

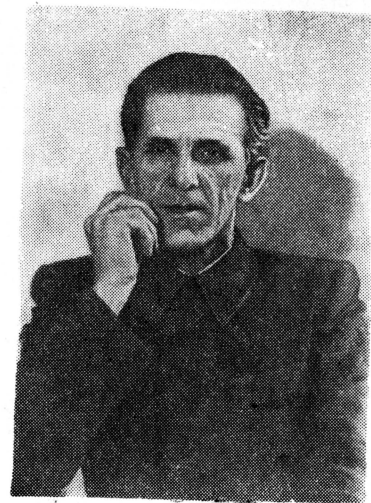
— Всем нам изрядно надоели разные «даймлеры», «бенцы», «уайты» и прочие иностранцы, — рассказывает Александр Никифорович. — А что, если построить нам свой, русский автомобиль? Предложение это всем понравилось. Склепали раму, отлили и обработали блок цилиндров, изготовили коробку скоростей, деревянные ступицы и спицы колес. Готовыми мы взяли только магнето фирмы Боша, свечи, шарикоподшипники и резиновые шины с камерами. Это в России не выпускалось.

Летом 1916 года двухместный легковой автомобиль был готов. Двигатель работал хорошо, средняя скорость автомобиля была 25 километров в час.

В канун Октября 1917 года Александр Никифорович демобилизовался, и о судьбе своего автомобиля с тех пор ему ничего неизвестно. После демобилизации он работал на Ижевском заводе, на железной дороге в Забайкалье, кочевал по тайге с геологами. Сейчас живет в поселке Хурмули. Ему давно пора на заслуженный отдых, но он продолжает трудиться на домостроительном заводе, где рабочие с гордостью называют его «наш механик». Остановится какой-либо из нескольких десятков станков в деревообделочном цехе, Александр Никифорович «поколдует» — и машина снова в ходу.

Александр Никифорович Попков будет очень рад, если кто-нибудь из читателей сообщит о дальнейшей судьбе первого русского автомобиля.

В. ПОМИНОВ, Комсомольск-на-Амуре.

Николай Николаевич Хруцев — инженер. Тот, кто читает наш журнал, наверно, помнит увлекательные заметки этого интересного человека.

«Таинственные взрывы на Кукане», «Страшные буквы», «Куба на Урале, и что на ней произошло», «Писанцы на реке Серге», «Чудесный мост», «Косовые лыжи и коньки с подрезами»... Разные названия — разные темы. Все они — результат большой, настоящей любви к окружающему миру.

В юности Николай Николаевич любил слушать увлекательные рассказы матери об уральских лесах, которые она хорошо знала. Рыбная ловля, охота, ночевки у костра, таинственные лесные звуки, шорохи, крики, утренняя роса, туманы, восходы и заходы солнца, — все привлекало его. Во то время и появились первые записи обо всем, что удивляло, казалось необычным, — о бортевом пчеловодстве, диковинных инструментах и приспособлениях, о зверях, рыбах, птицах, приметах, местных географические названия, фольклор.

В 1925—1926 годах на Урале стало расти краеведческое движение. Николая Николаевича избрали в бюро Михайловского общества краеведов (Ниже-Сергинский р-н, Свердловской области). Он заведовал местным музеем, вел секцию природоведения, увлекся фотоархивованием, много рисовал.

В 1929 году, обследуя Бакаев овраг, Николай Николаевич нашел зуб мамонта, в 1932 году обнаружил камни-писанцы на реке Серге. Он исследовал речку Сухой Лог и пещеру с рудником, а на реке Уфе нашел земляных пчел. Уральский государственный университет заинтересовался его словарем михайловского говора, о писанцах запрашивал Институт материальной культуры Академии наук.

С 1941 по 1954 год Николай Николаевич был в Советской Армии. Подмошье, Крым, Кубань, Северный Кавказ, Прибалтика, Восточная Пруссия — пройдена не одна тысяча километров фронтовых дорог. И в суровые военные будни, в тяжелых походах он записывал свои интересные наблюдения, делал рисунки. Из них составилась большой альбом.

В нынешние дни во время отпуска, Николай Николаевич продолжает бродить по лесам, исследовать реки, прибрежные скалы, пещеры, и, как прежде, старается везде видеть, наблюдать, узнавать, чтобы о самом интересном рассказать в «Уральском следопыте».

Николай Николаевич одним из первых награжден значком активиста нашего журнала.

ТУРЖАНСКИЙ ЛЕОНАРД ВИКТОРОВИЧ 1875-1942

Небо в серых клочковатых тучах... Бурые пятна прошлогодней травы выглядывают из-под весеннего, источенного солнцем и ветром снега... Неуклюжий, на еще непослушных ногах теленок жадно пьет запахи весны... Работящая чалая лошаденка деловито щиплет траву у покосившегося прясла, за которым вдали окраина деревеньки на фоне однообразно зеленой полосы леса...

Все такое простое, будничное, обыкновенное. И вместе с тем такое близкое, родное — типично уральское, что с детства навсегда вошло в душу вместе с огромным понятием: Родина!

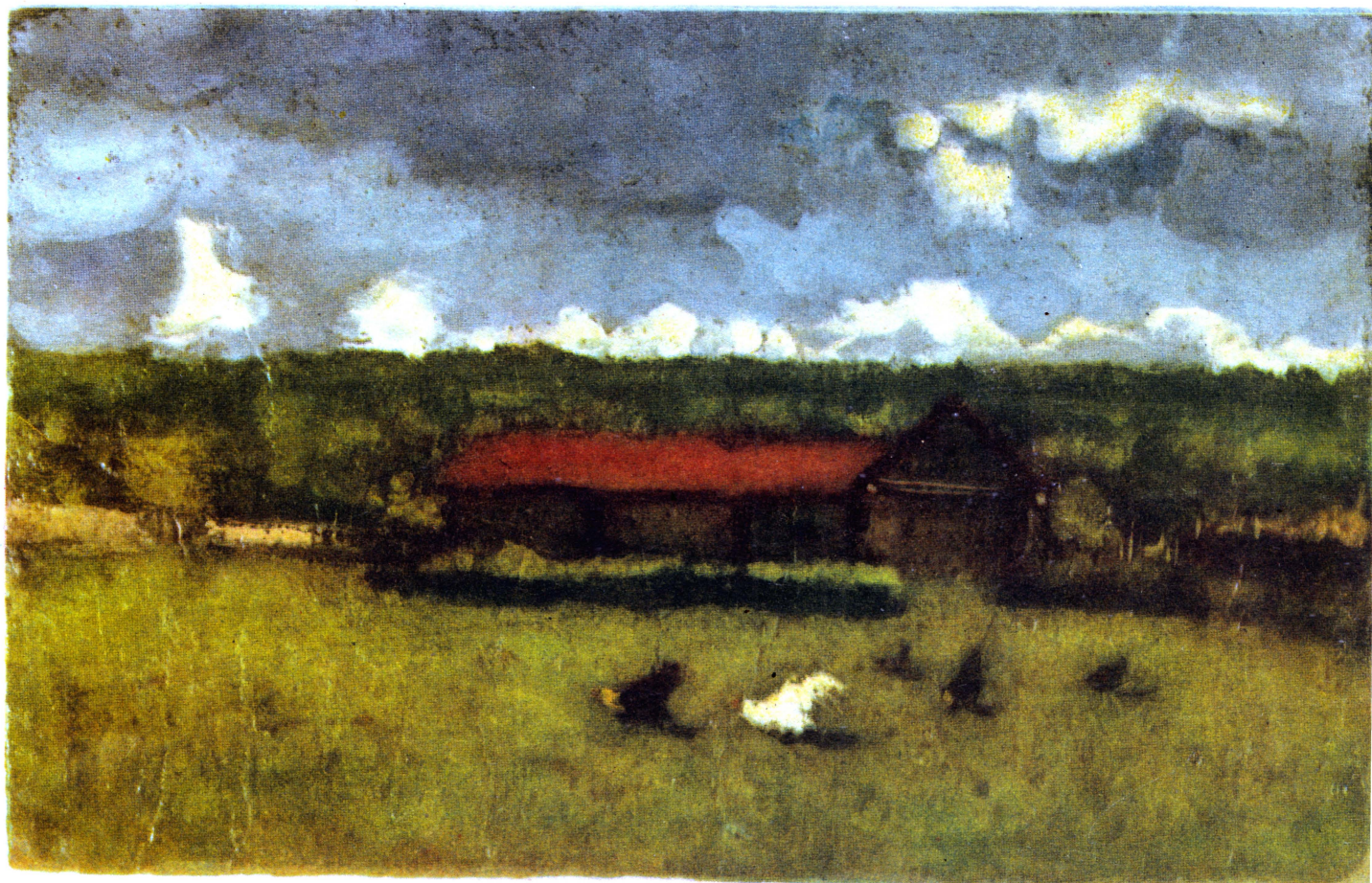
Таким вот простым и будничным, но бесконечно родным и близким каждому, и изображал в своих многочисленных картинах и рисунках Урал художник Леонард Викторович Туржанский (1875—1942)

Сын екатеринбургского врача, он много ездил в детстве с отцом по уральским заводам и селам, немало бродил по родному краю юношей и, став впоследствии большим и известным художником, каждое лето неизменно приезжал на Урал, в полюбившуюся ему деревеньку Исток, окрестности которой и изображены на большинстве его картин и этюдов.

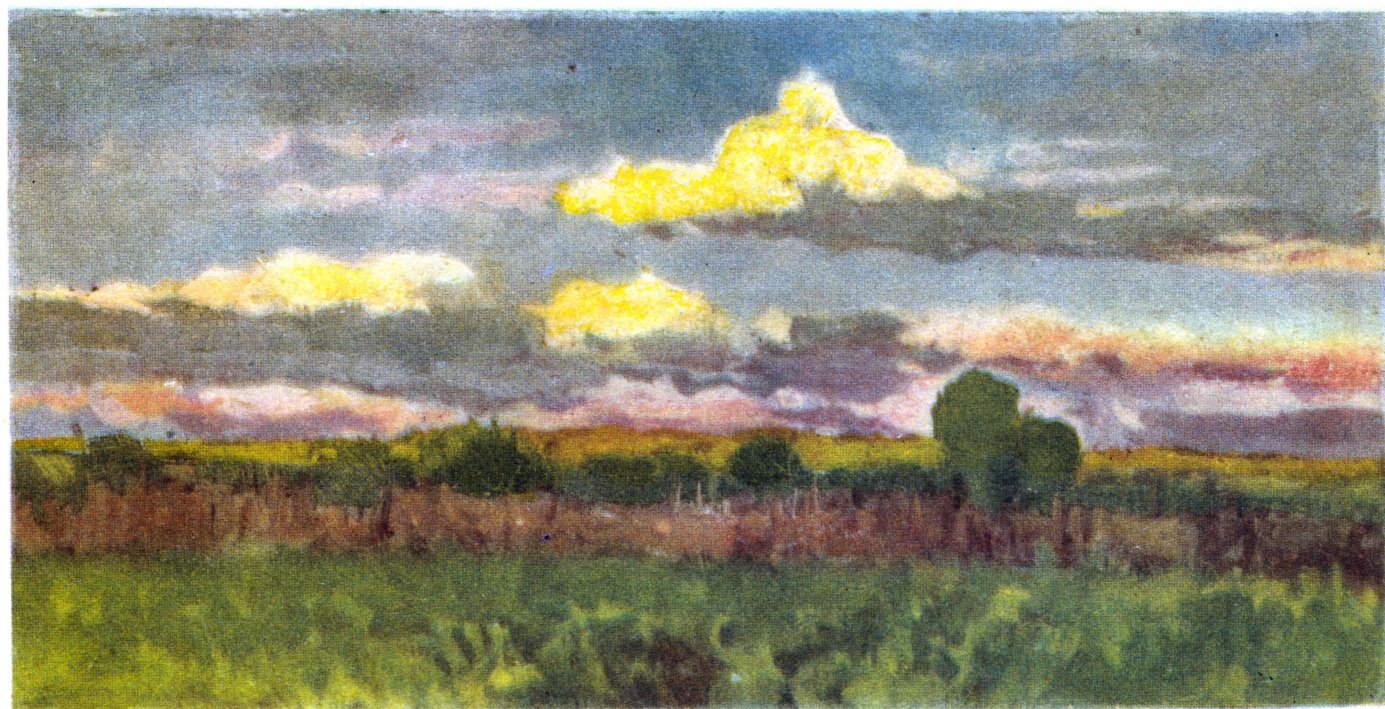
Вглядитесь в его картины. Они так просты, незатейливы по рисунку, по композиции, по цвету. Но во всем этом то высокое мастерство, которое идет от самого главного в искусстве — от правды. Это та простота, за которой забываешь о мастерстве, а видишь лишь жизнь. Даже мазок его кисти — густой как будто небрежный, случайный — свидетельство стремления изображать не «красивости», а правду жизни и именно такой, какой ее видит художник.

Его картины и этюды хранятся в лучших музеях страны: в Третьяковской галерее в Москве, в Русском музее в Ленинграде, в Свердловской, Пермской и других картинных галереях.

На нашей вклейке помещены репродукции с нескольких картин художника. Две из них — «Полдень» и «Закат» — публикуются впервые; они находятся в частных собраниях в Свердловске.

Полдень

Закат

НИКОЛАЙ ХРУЩЁВ

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Когда на мокром весеннем снегу я увидел эту цепочку следов, то сразу спросил себя: «Чьи?» Для глухаря малы, да и «походка» не та. Рябчик? Что ему делать в чистом сосновом лесу? На следах нет отпечатков заднего пальца; след не косолапый. Куропатка? Отпечатки похожи, но даже случайной куропатке здесь не место. Тогда — тетерев. Неподалеку отсюда я не раз находил остатки зимних тетеревиных ночевок, встречал и самих косачей. Все в следе подходит, только почему-то слишком сдвинуты внутрь пальцы и очень коротки шаги.

Но вдруг мне показалось, что некоторые следы формой похожи на сидящую лягушку. Стал рассматривать и убедился, что это действительно лягушка. Вылезла она из зимнего убежища рановато — день был холодный и пасмурный. Прыгала, прыгала и попала на полосу снега. Сразу ослабла и стала какой-то сонной; сидела не шевелясь, пока почти все туловище не погрузилось в снег. Тогда она сделала прыжок и опять стала засыпать. Очень плохо пришлось лягушке на середине пути. Сил не было, а туловище все глубже уходило в мокрый

снег. Как хотелось добраться до сухого места! И вот тогда были отчаянным уси-

в реку Сергу. Да, да! Именно этому я и удивился, потому что знал другое. Граматуха, чудесная горная речка, протекающая по медвежьим местам, до Серги не доходит. Она теряется, исчезает в небольшой продолговатой щели.

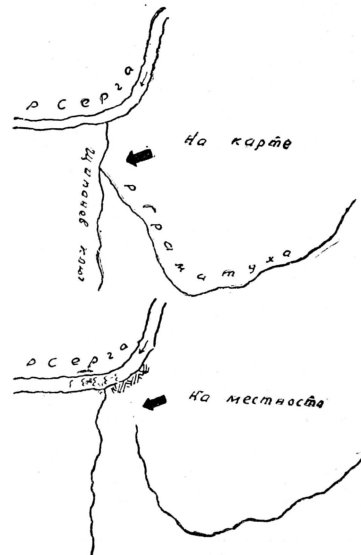
Местные жители говорят: «Она под землей с версту али поболе идет, потом родником в Сергу-то выбури-

лием сделаны последние спасительные прыжки. Лягушка попала на теплую хвою и осталась жива.

ИСПРАВЛЯЙТЕ КАРТЫ

Однажды, «путешествуя» по карте, я обнаружил, что речка Граматуха, левый приток реки Серги, впадает

вает из камня». Мне это место знакомо. У подножия высокой, почти лишенной растительности скалы, из кучи небольших камней выбивается довольно сильно струя чистой холодной

(+8°C в июне) воды. Глубина этой «скважины» два с половиной метра. Вода скатывается в Серге шумливым ручейком. Это и есть Граматуха, которая не впадает, а просто появляется в Серге. Я взял карандаш, масштабную линейку и исправил карту.

ЧТОБЫ ПОЙМАТЬ РЫБУ

Если ерш или пескарь клюют почти на пустой крючок, то такую рыбу, как голавль, поймать нелегко. В старых записях об ужении голавлей говорится, что при ужении на поплавочную удочку насадка, увлекаемая грузилом, быстро тонет. А голавль охотнее хватается муху, жука, кузнечика на поверхности, особенно если насадка шевелится. Надо удить нахлыстом. На уральских реках такому ужению мешают деревья, бурелом, кусты на скалистых берегах, возле которых на глубоких местах обычно держатся голавли.

Поэтому здесь удят на поплавочную, но с хитростью: сразу от поплавка лесу делают двойной. Одна с грузилом и насадкой опускается на установленную глубину; вторая — метр-полтора длиной, без грузила, относится течением от поплавка — насадка держится на поверхности. Голавли берут чаще верхнюю насадку, но не забывают и о нижней.

Голавли ходят одиночками или небольшими стаями на глубоких местах, чаще возле скалы, куда выходит основная струя переката. Здесь больше пищи: упавшие в реку насекомые, черви, личинки, вымытые водой из отвалившихся кусков берега.

Нужно стать выше того места, где ходят голавли, на длину удилища и лесы. Бросить немного прикормки: червей, мух, хлеба. Леса без поплавка и без грузила. Насадка — муха, овод, жук, кузнечик. Насадка пускается в плавание по струе.

Мухи — замечательная насадка для ловли голавля. Но как их наловить? Л. Б. Сабанеев — автор книги «Рыбы России» дает хороший совет: «...самый лучший способ иметь всегда живых мух под рукой — это прищипить к левому обшлагу тряпочку, смоченную вареньем».

РУБИМ СУК, НА КОТОРОМ СИДИМ

Как хочется, чтобы все рыболовы прочитали статью профессора В. В. Алпатова «Муравьиный городок» (№ 4 журнала «Юный натуралист» за 1960 год). Он пишет: «Муравьи только одного муравейника за год уничтожают до десяти миллионов насекомых. И почти все эти насекомые вредители леса. Ученые подсчитали, что сорок больших гнезд муравьев полностью очищают от вредителей до двадцати гектаров леса. Кроме того, муравьи разрыхляют почву, вносят в нее органические

вещества и тем повышают все плодородие».

«Муравьиные яйца» — куколки муравьев — хорошая насадка для ловли рыбы. Михайловские, да и не только михайловские, рыболовы ради небольшой горстки «муравьиных яиц», на которые выудят десяток-два мелких рыбешек, начисто срывают в лесу большие и маленькие муравейники.

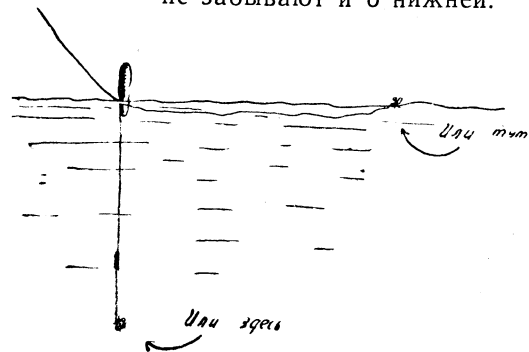
В Свердловске тоже есть потребители «муравьиных яиц» — любители певчих птиц. Муравьиными куколками и «мурашкой» (муравьями, заморенными в печи или в кипятке) кормят в неволе насекомоядных птиц. Арифметика страшная — на

одну мелкую птичку один большой муравейник!

одну мелкую птичку один большой муравейник!

Профессор Алпатов пишет, что в Германии уже тридцать лет законом запрещено разорять муравейники и добывать в них «муравьиные яйца». У нас нет такого закона, но разорителей муравейников нужно клеймить в печати и беспощадно выгонять из леса.

ПО СЛЕДАМ СЛОВ

2

1

В устье реки Демида, на берегу, поросшем густым еловым лесом, стоят небольшие избушки. Сюда в середине апреля, перед ледоходом, приходят рыбаки из деревни Вороной. Место это так и называется «Рыболовные избушки».

Самый хороший лов бывает сразу, как пройдет лед. Сидят рыбаки возле избушек, посматривают на реку, на небо, на верхушки леса. Все большие и малые приметы взвешивают и обсуждают. Проходит день, второй. И вот старик-рыбак радостно восклицает: «Глянь! Никак — ледоколка! Ну, теперь с часу на час лед пойдет!»

Ледоколкой называют в Михайловске небольшую красивую птичку — белую трясогузку. Ее прилет удивительным образом совпадает с началом вскрытия рек и для михайловских рыбаков служит самым точным сигналом.

Хотя в общепринятом названии подмечена характерная манера птички покачивать хвостиком, название «ледоколка» кажется более значительным.

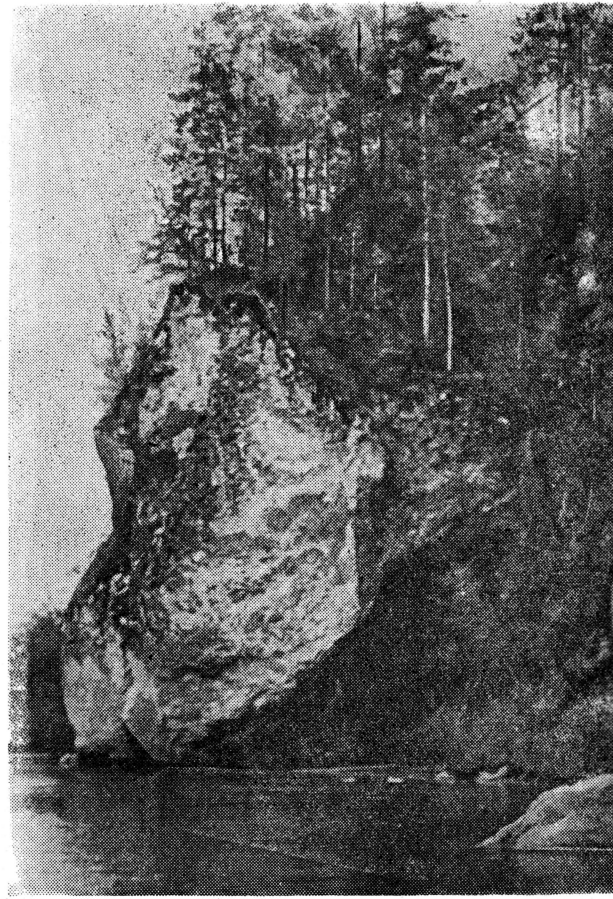

2*

Я получил письмо. Старый знакомый просил объяснить, какую птичку называют в Михайловске «пиньчиком» и «зеленчиком». Ответил, что эти меткие и, так сказать, биологические названия принадлежат большой синице. В Свердловске ее зовут «кузнечик», «Кузя», «Кузька». В оперении большой синицы преобладают серо-зеленый и желтый цвета — отсюда и название «зеленчик». Бодрые крики «пинь-пинь-пинь» в бодрящем холодке осенних дней, когда синички появляются в «палисадниках» и на огородах, дали второе название — «пиньчик». «Кузнечик» неплохо передает характер звонкой весенней песенки «ци-ци-фи, ци-ци-фи» — словно кто-то стучит крохотным молоточком по серебряной наковаленке.

3

Почему на Урале самку глухаря называют смешным именем «копалуха»? Вот как объясняет это профессор В. Ларионов: «Название «копалуха» имеет особый смысл. Оно отражает склонность глухарок, как и других куриных, копать, разгребать лапами сухой грунт, чтобы принять «песочную ванну», необходимую для борьбы с пухоедами (паразитами)». Такие ванны —

Скала Дыроватый Камень на реке Серге,
Фото Н. Н. Хрущева

«пурхалища» можно иногда видеть на лесных дорогах, на песчаных осыпях.

В Махневском районе красивых пуночек, залетающих зимой небольшими стайками с севера, называют «белянками»; в полете в оперении этих птичек много белого. В Тавдинском районе немецкое название «вальдшнеп» заменено понятным русским — «боровая кулик».

Много ярких и точных названий птиц, животных и растений бытует в народе. Надо записывать их, пытаться узнать, почему существуют такие названия. Обычно в них собраны многолетние наблюдения людей над природой.

19

«Если бы я не был автором этого снимка,— пишет П. Степанов,— никто не убедил бы меня, что вожак упряжки Жек не позирует. Но это именно так. Даже не заметив фотографа, каюр Борис Петрович Халевин и Жек дружно сидят на скалистом берегу реки Большая Лемберово, в 13 километрах от арктического порта Диксон».

Крайний Север — увлекательный край, полный неожиданного, удивительного. Ленинградец Петр Степанов прислал в редакцию несколько фотографий, посвященных Северу.

А вот и сама упряжка. Оказывается, летом, когда сходит снег, вполне можно пользоваться колесным транспортом...

Что за мягкая скамейка, на которой удобно расселись молодые люди? Это — белуха, дельфин полярных морей. Ее добыли работники промыслово-охотничьей станции на острове Диксон.

Белуха достигает шести метров длины, полутора тонн веса. Толстая жировая «подушка» помогает ей переносить жгучие морозы. В погоне за рыбой белуха часто заходит в Обь, Енисей, Лену и другие сибирские реки, поднимаясь порой на тысячу километров вверх по течению.

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ В ВЯТКЕ

О жизни и творческом труде великого русского ученого Константина Эдуардовича Циолковского написано много статей и книг. Однако одни исследователи и биографы замалчивают, другие очень слабо освещают, а третьи искажают факты из жизни К. Э. Циолковского в городе Вятке (ныне город Киров). Меня же, как вятского уроженца и краеведа, этот период особенно интересовал.

Игнорировать вятский период жизни будущего ученого никак нельзя, так как здесь прошли его лучшие детские и юношеские годы. Именно здесь складывалось его мировоззрение, здесь он начал изобретать и конструировать разные машины, в том числе и летательные аппараты, здесь же он получил навыки к научному труду.

Чтобы восстановить правду об этом периоде жизни ученого, в 1952 году я занялся розысками материалов.

Просмотрев более десятка книг и брошюр о К. Э. Циолковском, нашел только краткие, и то противоречивые, сообщения о его жизни в Вятке. В некоторых из них сообщалось, что семья Циолковских приехала из Рязани в Вятку в период, когда будущий ученый находился в Москве, в других — до поездки Кости в Москву, в третьих — Вятка совсем не называется местом жительства К. Э. Циолковского, в четвертых — вместо Вятки называется город П. А в журнале «Гражданская авиация» сообщается, что Циолковские из Полоцка в Рязань ехали на пароходе (?!), Вятка же здесь совсем не упоминается... Эти разноречивые сообщения еще больше утвердили во мне желание искать и найти правду.

Особенно большие надежды я возлагал на каталог местного отдела областной библиотеки, так как он считается одним из крупнейших в Российской Федерации. Труды мои оказались напрасными, ни в одном из каталогов я не нашел упоминаний о жизни ученого в Вятке.

Зато в одном из «адрес-календарей» Вятской губернии на 1871 год я нашел такие строки: «Циолковский Эдуард Игнатьевич — столоначальник лесного отделения Вятского губернского управления государственными имуществами. Коллежский ассессор. Имеет медаль в память войны 1853—1856 гг. На службе с 24 марта 1841 года, в данной должности с 30 ноября 1868 года. В чине коллежского ассессора с 3 мая 1863 года. Жалованья 400 р., столовых 200 р.»

Эта первая находка ободрила меня на дальнейшие розыски. После этого я засел за просмотр газеты «Вятские губернские ведомости», которая

начала издаваться в 1838 году. В ней сообщалось о назначениях, перемещениях, увольнениях, награждениях и даже передвиганиях по командировкам вятских чиновников.

Внимательно просматривая газету, я уже в номере за 22 июня 1846 года встретил фамилию Циолковских: «К исполнению должности нолинского земского исправника определен младший чиновник особых поручений гражданского губернатора коллежский секретарь Циолковский». Дальнейшие розыски помогли установить, что это был дядя Константина Эдуардовича — Нарциз Игнатьевич.

В номере шестом за 1848 год сообщалось, что в организации и постановке живой картины в городском театре приняли участие К. Д. Циолковская и Ф. С. Циолковский. Кто эти Циолковские и какое отношение имели они к семье ученого, установить не удалось так же, как упомянутый в другой газете приехавший в Вятку из Уфы чиновник Николай Циолковский.

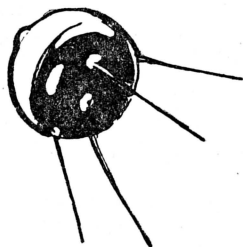
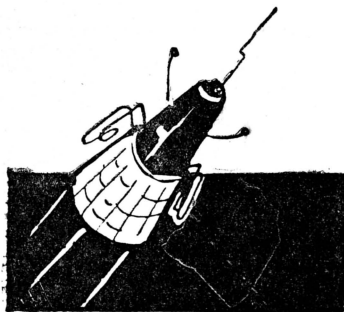
Упоминались какие-то Циолковские и в 1860-х годах — генерал-майор Циолковский, его дочь Анна Станиславовна и малолетние дети его. Все это были только загадки...

И только в номере за 21 декабря 1868 года я нашел сведения о самом Константине Эдуардовиче. «Приказом по Министерству государственных имуществ от 14 ноября за № 34 столоначальник 3 стола лесного отделения управления государственными имуществами Вятской губернии коллежский ассессор Шмелев перемещен на должность помощника секретаря того же управления, а вместо Шмелева столоначальником определен, согласно прошения, учитель землемерно-таксаторских классов при Рязанской гимназии титулярный советник Эдуард Циолковский».

Это меня сильно обрадовало. Я попал на след. Но других сообщений о Циолковских в «Губернских ведомостях» больше не встретилось. Поиски в областном краеведческом музее также были напрасными. В государственном архиве Кировской области пришлось просмотреть стопу описей фондов Вятского губернского управления государственными имуществами, Вятской мужской гимназии и некоторых других учреждений.

На столе читального зала архива ежедневно передо мной стали появляться стопы архивных дел (на вес это были пуды).

Через несколько месяцев у меня в руках появились интересные и важные документы. Из них я узнал, что К. Э. Циолковский вместе со своим братом Игнатием поступил в первый класс

Вятской гимназии в 1869 году. Сохранились протоколы педагогического совета гимназии, а в них сведения об успеваемости К. Э. Циолковского, о его поведении. Оказывается, бойкий мальчик неоднократно за шалости попадал в карцер. Во втором классе он учился два года, из 3-го класса в 1873 году выбыл с отметкой «для поступления в техническое учебное заведение».

Известно, что К. Э. Циолковский очень много занимался в Вятке изобретением и постройкой разных самодвижущихся машин, поэтому отец решил отправить Костю в Москву для получения технического образования.

Не буду рассказывать о московском периоде жизни К. Э. Циолковского, об этом много сведений имеется в биографических книгах. Скажу только то, что он в 1876 году вернулся в Вятку. Таким образом, К. Э. Циолковский жил в Вятке с 1868 по 1878 год, за исключением трех лет жизни в Москве.

Возвратившись в Вятку, он занимался репетиторской работой, имел свою мастерскую, в которой занимался конструированием машин и опытами по воздухоплаванию. Позднее в своей автобиографии Константин Эдуардович писал об этом периоде: «Более всего я увлекался аэростатом и уже имел достаточно данных, чтобы решить вопрос: каких размеров должен быть воздушный шар, чтобы подниматься в воздух с людьми, будучи сделан из металлической оболочки определенной толщины».

Из автобиографии же видно, что в Вятке будущий ученый активно посещал публичную библиотеку. Он указывал и книги, прочитанные им тогда. Я разыскал их. Это «Физика» А. Гано, перевод с французского, 1871 г. В 1875 году такая книга издавалась и в Вятке в переводе Ф. Ф. Павленкова, находившегося в то время в вятской ссылке; Э. Марей «Механика животного организма, Передвижение по земле и воздуху»; «Теоретическая механика» Н. Брашмана; «Теоретическая и практическая механика» Ю. Вейсбаха; журналы «Отечественные записки» за 1839—1844 гг., «Современник» за 1849—1866 гг., «Дело» за 1866—1872 гг.

Сейчас в Кирове на здании бывшей гимназии, где учился К. Э. Циолковский, прикреплена мемориальная доска. Одна из улиц города названа его именем.

В. ПЛЕНКОВ, краевед.

УРАЛЬЦЫ КАВАЛЕРЫ СЛАВЫ

ПАЗДНИКОВ ПЕТР

Утром на поле боя санитары из медсанбата нашли раненого. Лежал он около орудия, лицом вниз, без сознания. В руке — крепко зажат снаряд. Товарищи узнали в нем Петра Паздникова, старшего сержанта из противотанкового взвода.

Было это в июле 1943 года на подступах к Орлу. Бои шли за станцию Первомайскую, от которой до Орла — рукой подать. На станции укрепились немцы. Противотанковый взвод, в котором служил старший сержант Паздников, должен был очистить путь нашей пехоте к станции.

После недавних ожесточенных боев во взводе оставалось всего пять человек и два орудия. Пятёрка воинов замаскировалась во ржи. Огонь фашистов не прекращался ни на секунду. Особенно усердствовали две вражеские пу-

леметные точки. Вокруг залегших солдат свистели пули, они косили высокую рожь, вспенивали в бороздах дождевую воду. Несколько минут Петр Паздников высматривал, откуда льется свинец, а потом тремя снарядами накрыл оба вражеских дота. Остальные фашисты огонь прекратили.

Казалось, путь пехоте открыт. Но в наступившей минутной тишине послышался рокот моторов, и из-за ближайших построек показались танки противника. Они неслись прямо в лощину, где залегли наши солдаты. Прекратившийся было огонь врага усилился.

Схватился за голову и упал наводчик орудия, сосед Паздникова. Тяжело ранило командира взвода. А «тигры» уже совсем близко, в каких-нибудь двухстах метрах. Паздникову удается подбить одну машину; но две остальные, не сбавляя скорости, двигаются вперед. Паздников стреляет, но волна от разрыва снаряда швыряет его на землю. На какие-то доли секунды он теряет соз-

нание, потом вновь бросается к орудью. Гремят выстрелы, и оба «тигра» останавливаются, заваливаясь на бок. Густой черный дым валит из них.

В горячке боя Паздников не заметил гибели товарищей из первого расчета. А во втором расчете — он один. Один из всего взвода! А фашисты вновь и вновь пытаются перейти в атаку. Но вновь расстреливает врагов из своего пулемета старший сержант Паздников. Так прошла ночь. На рассвете наши войска перешли в наступление. Путь им был открыт. Противотанковый взвод со своей задачей справился. На счету взвода в ту ночь был всего один человек. И когда грозное «ура» разнеслось над лощиной, этот человек упал, в руках у него был крепко зажат снаряд.

Окрашенная кровью, кипящая от мин и снарядов, тяжело и мрачно несет воды Висла. На берегах ее идут бои. Фашисты укрепились на западном берегу,

советские войска вышли на восточный. Небольшому артиллерийскому подразделению, в котором был и Петр Паздников, удалось под покровом холмистой декабрьской ночи переправиться на западный берег и укрепиться там. Гитлеровцы обнаружили советских воинов только утром. И начался дерзкий поединок между горсточкой советских воинов и большим соединением гитлеровцев.

Засыпаемые осколками снарядов, мин и бомб, комьями грязи и тучами едкой пыли, отважные воины держали занятый «пяточек» в течение полумесяца. Один за другим выходили из строя люди. В расчете Петра Паздникова половина солдат пала смертью храбрых. В живых осталось трое. Час за часом, день за днем, уходя от смерти, Паздников и двое его товарищей уничтожили около 30 гитлеровцев, три вражеских танка, много орудий и пулеметов противника.

Фронтальная дорога все дальше и дальше вела Петра Паздникова на запад. Была пройдена почти вся Польша, передовые части советских войск уже вступили на землю врага. И в эти дни Петр Паздников штурмовал Познань, хорошо укрепленную вражескую крепость. Командир штурмовой группы, в составе которой действовал Паздников, погиб в самом начале боя. Группу возглавил Петр Паздников. В результате жестокого кровопролитного боя от всей группы живых осталось двое — Петр Паздников и наводчик его орудия. Но орудие жило и крушило гитлеровцев. Когда ночью атакующая пехота ворвалась в город, в первых рядах был старший сержант Паздников.

Боевой путь Петра Паздникова закончился в Берлине. На его глазах было поднято знамя Победы над рейхстагом.

Эти случаи из своей боевой биографии нам рассказал рабочий Городищенского порта, Пермской области Петр Иванович Паздников, кавалер пяти орденов, в том числе ордена Славы всех трех степеней.

Подполковник Д. НИКИТИН

КУЗКА

Красногвардеец мадьяр Иштван был высокого роста, с длинными, почти по колени, руками. По-русски он говорил плохо и чуть ли не к каждой фразе добавлял полюбившееся ему присловье: «кузка мать» (Кузькина мать). Под этим прозвищем Иштван и был известен в нашем отряде. Фамилией его мы не интересовались.

Правда, иногда его еще называли Иван-дыба. Когда он сердился, а с ним подобное случалось частенько, то поднимался на носки, становился «на дыбы» и грозно смотрел на своего обидчика сверху вниз. Серые глаза Иштвана в это время метали искры, а длинная рука тянулась к чужому воротнику. Но стоило обидчику улыбнуться и протянуть грозному Ивану-дыбе в знак примирения «свой пять», как тот мгновенно менялся, ласково обнимал и шутливо приговаривал:

— Карашо, кузка мать!.. Но сердил ты меня, очень сердил...

Впервые Иштвана я встретил в декабре 1917 года на перроне Екатеринбургского вокзала. Он прибыл вместе с другими мадьярами, бывшими военнопленными, из какого-то сибирского городка. Их старший, которого, как мне помнится, звали Гера-Гера, что-то скомандовал, мадьяры моментально выстроились, а Гера-Гера, взяв руку под козырек, обратился ко мне, как к начальнику красногвардейского караула:

— Мы, венгерские рабочие и крестьяне, приехали в революционную Красную гвардию Урала и будем ей верно служить...

Вечером я зашел в бывший магазин Второва, который мы называли «Пассаж»¹. Там разместился наш матросский отряд, посланный недавно из Петрограда

¹ Теперь на этом месте построен Свердловский драматический театр.

МАТЬ

на помощь уральским рабочим. В «Пассаже» оказались и знакомые мне мадьяры. С ними беседовал начальник Центрального штаба Екатеринбургской Красной гвардии, кочегар с линейного корабля «Заря свободы» — Павел Хохряков. Речь шла о том, что вслед за нашей революцией обязательно вспыхнет революция и в Германии, в Венгрии и в других странах...

С того дня, как в «Пассаже» поселились матросы, он чем-то стал напоминать военный корабль. Большой зал мы окрестили «кубриком» и расставили там железные кровати, аккуратно накрыв их матросскими одеялами. Дежурства у нас именовались «вахтами», кухня превратилась в «камбуз». Мадьяры, влившиеся по приказу Хохрякова в наш отряд, старались придерживаться морских традиций, хотя моря никто из них никогда не видел.

Скоро на «камбуз» был назначен постоянный кок. На эту должность и определили Иштвана. С самого раннего утра до поздней ночи он был на ногах: чистил картошку, варил кашу, шумел, ругался, а когда на него находило хорошее настроение, садился на табурет и, вынув из кармана гребень с папиросной бумагой, начинал концерт. Случалось, что Иштван обходился и без самодельной губной гармошки, а просто высвистывал мадьярские песни и танцы, аккомпанируя себе двумя ложками бил ими в жестяной таз, лежащий на коленях.

Прерывать такие «музыкальные моменты» было невозможно, хотя в котле бешено клочкотал суп, а каша начинала пригорать. На все замечания Иштван не обращал никакого внимания, только страшно вращал своими зрачками.

Окончив концерт, «кок-музыкант» спрашивал:

— Карашо играл чардаш? А? — И сам же себе отвечал: — Замечательно, кузка мать!

Раздавая пищу, Иштван строго следил, чтобы никто не получил лишней порции. Тому, кто пытался совершить подобную махинацию, он грозил черпаком, а иногда и ударял по лбу.

Матросы и мадьяры уважали своего «кока» за честность и, несмотря на довольно частые пригорелые каши и пересоленные супы, были им довольны. Но сам «кок» долго не собирался оставаться на такой почетной должности. Недели через две он пришел в Центральный штаб Красной гвардии и сердито заявил Хохрякову:

— Начальник, мы кухня работать не хотим... Давай пулемет, вокзал пойду служить.

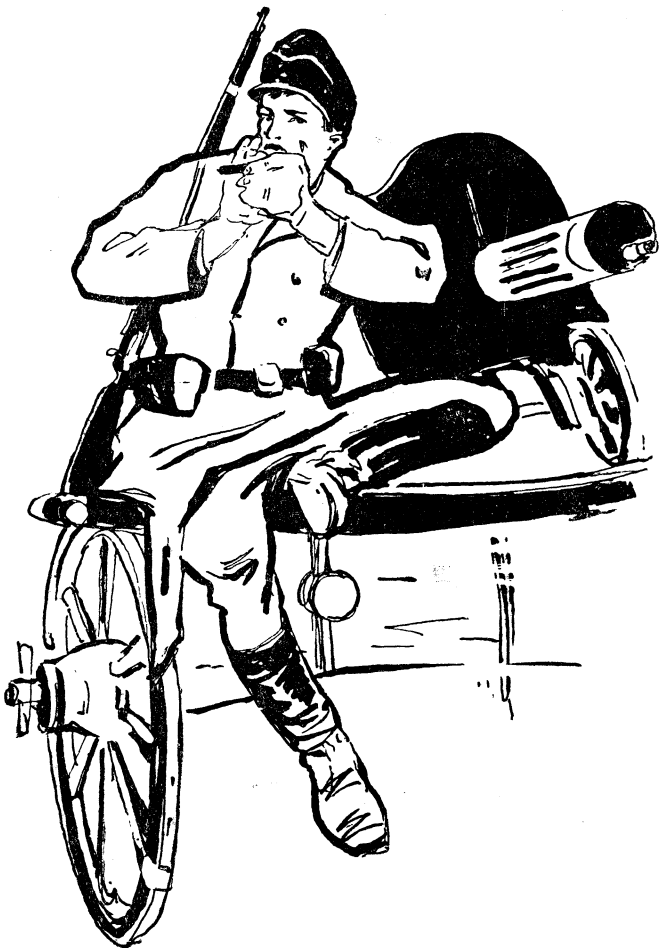
И Иштван стал нести опасную службу. Помогал разоружать казацкие эшелоны, что ехали с распавшихся фронтов империалистической войны. А в станицах, на Южном Урале, уже поднимал мятеж атаман Дутов.

Много останавливалось эшелонов и с беженцами. Одни ехали на восток, другие — на запад. Часто из этих эшелонов приходилось брать на свое попечение детей, чьи родители, не выдержав трудностей, умирали в пути.

Екатеринбургские детские дома в то время были переполнены. Иштван предложил осиротевших детей отдавать в семьи рабочих-железнодорожников. За это железнодорожники получали муку, сахар, шинельное сукно и другие товары, реквизируемые нами у спекулянтов и мешочников.

Когда детям не находилось сразу пристанища, они ночевали в «Пассаже». Нес «вахту» около них в этих случаях Иштван. Из него бы, пожалуй, получилась замечательная нянька. Он кормил, поил детей, укладывал спать, давал концерты на знаменитой гребенке и на ложках. Затем, когда детей устраивали в рабочие семьи, Иштван навещал их в свободное время и никогда не забывал захватить с собой какой-нибудь незамысловатый гостинец.

Часто Иштван заходил в мою «каюту», садился на табурет и, раскуривая трубку с длинным мундштуком, терпеливо ждал, когда я прочитаю газету. Он подробно выспрашивал обо всех последних событиях, но особенно интересовался Петроградом, Германией и своей родиной. Как-то он спросил меня, сколько мадьяр находится сейчас в России. А когда я ему,

в свою очередь, задал вопрос — для чего это нужно, — Иштван, попыхивая трубкой, ответил:

— Хочу считать, сколько патронов надо готовить, чтобы ехать в Венгрию революцию делать, буржуев бить.

Весной в Екатеринбург из Тобольска привезли бывшее царское семейство. Дом инженера Ипатьева стал последней резиденцией последнего русского царя. Опасаясь неожиданного налета контрреволюционных элементов, дом обнесли высоким забором, а напротив, на колокольне Вознесенского собора, назначили круглосуточно дежурить пулеметный расчет. Когда наш отряд нес «вахту» около Ипатьевского дома, Иштвана послали на колокольню, к пулемету.

Иштван очень сердился, что царскому семейству готовили обед на специальной кухне:

— Царя надо плохо кормить... Все войны цар начинал... Ваш цар, наш цар, Вильгельм-цар, кузка мать...

В ночь на 20 июля наш отряд выступил в район Западной Уральской железной дороги, чтобы оттуда прорваться в глубокий тыл белых. Под Екатеринбург в эти дни шли горячие бои. Белые во что бы то ни стало стремились овладеть столицей Урала. Перед нашим отрядом командование поставило задачу — диверсионными действиями и партизанскими налетами разрушать коммуникации противника.

С болью в сердце покидали мы Екатеринбург, ставший для нас таким родным городом. Иштван сидел на последней подводе, рядом с пулеметом, и тихонько играл что-то печальное на своей самодельной губной гармошке. В этот день он был молчалив.

Много лесных дорог пришлось нам исходить в то время, много испытать лишений и тревог, похоронить многих боевых товарищей. Помню, как в один из начальных дней сентября мы укрылись в глухой сосновой чаще. Я только что вышел из своего шалаша, как увидел начальника нашей конной команды, матроса Семена Каторгина. Он привязывал к небольшой сосенке своего черного скакуна.

— Плохо, братки! — крикнул Каторгин. — Ленина ранили! — и бросил мне газету.

Меня окружили красногвардейцы. Я начал читать вслух. Газета была белогвардейская. Захлебываясь от радостной злобы, она сообщала, что в Москве на заводе Михельсона неизвестная женщина револьверным выстрелом тяжело ранила нашего Владимира Ильича. Несколько минут мы стояли молча, потрясенные известием. Затем раздались гневные голоса. Что только мы ни говорили против тех, кто поднял руку на Ленина! На таком бурном митинге мне больше никогда в своей жизни не приходилось присутствовать.

Поздно вечером я возвращался в свой шалаш из штабной палатки. Около огромной сосны алел догорающий костер. Рядом с ним, обхватив колени своими длинными руками, сидел Иштван. Друг его, мадьяр Ференц, тихо играл на скрипке. Струны ее плакали, жаловались и звали куда-то.

Увидев меня, Иштван быстро вскочил

на ноги и, протянув, как всегда, для пожатия руку, произнес:

— Ленин — вождь рабочий класс, крестьян и русска, и мадыарска... Мы контру мстить должен... Кузка мать!..

На следующий день один из наших дозоров обнаружил колонну белых, двигающуюся по лесной дороге. С криками: «За Ленина!» дозорные открыли огонь. Белые развернулись в цепь и начали отвечать.

На помощь дозору прискакали кавалеристы Семена Каторгина. Они спешили, залегли за кустами, и началась жаркая перестрелка. Из цепи белых строчил пулемет. Пришлось и нам вызывать наших мадыаров-пулеметчиков. Только после этого противник отступил. Но из штаба отряда пришел приказ: преследование прекратить и возвратиться назад, в лагерь.

Во время перестрелки никто из красногвардейцев не пострадал, все были целы. Не хватало только Иштвана.

— Неужели убит? — спросил я Каторгина.

Каторгин в ответ лишь развел руками...

В эту ночь я долго не мог уснуть. Все

не верилось, что Иштвана больше нет. Забылся я только под утро, да и то ненадолго. Меня разбудил знакомый голос:

— Где начальник, кузка мать?

Я выскочил из шалаша и бросился к Иштвану, который наклонился над новеньким трофейным пулеметом.

— На брюхе шел за контрой пулемет взять — пусть у нас больше будет, — вместо приветствия сказал он...

Скоро нам пришлось распрощаться с Иштваном и его товарищами. Они уехали в Венгрию, где назревала революция, которую так ждал Иштван. Перед отъездом он долго тряс мою руку и ничего не говорил. Мы понимали друг друга. Только когда телеги, на которых сидели мадыары, стали исчезать с наших глаз за небольшим холмом, Иштван крикнул:

— Ленин, Россия, Венгрия!

Больше сорока лет прошло с того дня, как я расстался с Иштваном. Жив ли ты сейчас, мой старый друг боевой юности? Если жив, то откликнись, «кузка мать»!

А. СТАРОСТИН,
бывший начальник
красногвардейского отряда.

Имя Петра Лазаревича Войкова, видного советского дипломата, погибшего в 1927 году от руки белогвардейца, хорошо известно в нашем краю. В годы гражданской войны он был комиссаром снабжения Уралсовета. С его именем связано и профсоюзное движение тех лет, и национализация промышленности, и первый проект районирования Урала по производственному принципу.

Недавно на родине Войкова, в Керчи, состоялось торжественное открытие памятника комиссару-дипломату.

Б. СЛУЧАНКО
Фото В. Веревкина

Рассказывает

МЕДВЕДЬ-КАМЕНЬ

О. Н. БАДЕР

Медведь-Камень — живописнейшее место в окрестностях Нижнего Тагила. Свое название он получил, вероятно, благодаря некоторому сходству его очертаний (если смотреть с юго-запада, из-за реки) с фигурой гигантского медведя, пьющего из реки.

Но Медведь-Камень привлекает не только своей живописностью. С ним связано много легенд, преданий. Проверить их достоверность — заманчивая задача, ведь за ними могут скрываться важные исторические факты.

ГДЕ ДОКУМЕНТЫ?

В книге уральского краеведа И. Я. Кривошекова «Словарь Верхотурского уезда», выпущенной в 1910 году, написано: «На Медведе прежними аборигенами края, вогулами, приносились жертвы, и место считалось священным. В горе есть небольшая пещера, а на наружных выступах камней, по преданию, были прежде вогульские идеографические знаки, засыпанные в последнее время осыпями». Местный археолог, демидовский служащий Д. П. Шорин, в свое время «производил на Медведе раскопки и установил, что здесь была когда-то стоянка вогул».

Вогулами раньше называли народность манси. Их история — это древняя история Северного и Среднего Урала. Знание ее для нас очень важно.

Историк Н. К. Чупин, ссылаясь на работы академика Гмелина, путешествовавшего по Уралу в XVIII веке, подтверждает, что манси жили в районе Нижнего Тагила. Он говорит, что река Баранча называется у манси Елпинг-Я, что значит «Святая река» — «потому, вероятно, что близ ее, на берегу реки Тагила, находится их бывшая священная гора, которой они некогда поклонялись и которая теперь называется Медведкой, или Медвежьим камнем».

А тагильский краевед С. Н. Топорков сделал интересное наблюдение: у подножия Медведя растет много целебных лекарственных трав. Воз-

СТАН ЕРМАКА НА ПУТИ В СИБИРЬ.

Рисунок из летописи.

ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНД

можно, что манси искусственно разводили их здесь, вокруг своего священного утеса.

Однако ни в Тагильском музее, ни где-либо еще не было никаких документов о прошлом Медведь-Камня: вещественных находок, рисунков, описания раскопок. А науке нужны факты и документы. Пока их нет, многое остается под сомнением.

Так, например, верно ли, что наскальные изображения на Медведе сделаны манси? Возможно, они, как и другие наскальные изображения по реке Тагилу, относятся к более древнему времени. Где именно копал Д. П. Шорин? Если на вершине, то едва ли здесь было поселение манси или их предков; вероятнее, что тут находилось священное, жертвенное место, подобное тому, какое нашли С. Н. Топорков и другие краеведы на вершине Голого Камня, а это недалеко отсюда.

СТОЯНКА ИЛИ ЗИМОВКА

Не меньше сомнений вызывала и другая версия: рассказы о том, что на Медведе была стоянка дружины Ермака на ее пути в Сибирь. Однако об этом говорят и ученые-путешественники прошлых веков, и многочисленные народные предания.

В одной из легенд, например, говорится, что дружина Ермака зимовала на Медведь-Камне и что стоянка Ермака была в неприступной пещере утеса.

Так ли все это?

Что Ермак жил в пещере — маловероятно: она мала и неудобна. А вот что тут была стоянка дружины, это похоже на истину. Некоторые путешественники и исследователи упоминают, что у подножия Медведя есть остатки укрепленного лагеря, называемые Ермаковым городищем.

В 1770 году его осматривал академик П. С. Паллас и кратко описал в своей книге «Путешествие по разным провинциям Российского государства». Историки-краеведы Н. К. Чупин в «Географическом и статистическом словаре Пермской губернии» (1874 г.) и В. Шишонко в «Пермской летописи» (1884 г.) также описывали городище, но по существу лишь пересказывали Палласа. В Свердловском областном архиве хранится старый план Ермакова городища, выполненный в красках в 1874 году. Видимо, в те годы также кто-то исследовал памятник, но результаты исследования затерялись.

Однако предание о том, что дружина Ермака зимовала на Медведь-Камне, никто из них не подтверждает. Больше того, если по летописям и другим документам проследить путь Ермака в Сибирь, то получается, что зимовала дружина в другом месте. Историк XVIII века Г. Ф. Миллер доказывает, что первую зиму своего дохода (1579—1580 гг.) Ермак провел в верховьях реки Серебрянки, в устье речки Кокуя. Здесь также сохранились остатки его укрепленного лагеря под именем Ермакова городища, — к слову сказать, до сих пор не обследованные.

Летописи говорят, что, перезимовав на Кокуе, только весной, а именно 1 мая 1580 г., Ермак начал переправлять весь свой груз сухопутьем на реку Баранчу вместе с легкими судами, но судов не осилил и бросил их на волоке. Поэтому, выйдя на Баранчу, дружина построила там легкие плоты и спустилась на них по Баранче в Тагил. Миллер пишет: «На этой реке строили опять струги, из-за чего пробыли там несколько недель; это место получило также название Ермакова городища, потому что из предосторожности Ермак приказал и это место некоторым образом укрепить».

Об этом же поется и в старинной народной песне, сочиненной, как думают, еще современниками Ермака:

...Поплыли по этой Баранче-реке —
И скоро они выплыли на Тагил-реку.
У этого Медведя-Камня, у Магницкой горы
становилися.
А на другой стороне у них было плотбище:
Делали большие коломенки,
Чтобы можно совсем убраться,
Жили они тут до дни Троищина.

Выходит, что Ермак на Медведе не зимовал, а только лишь останавливался весной для подготовки к дальнейшему походу.

Академик Паллас видел и описал остатки городища. Оно было на вершине холма, с двух сторон защищено валами и рвами (шириной в две сажени и глубиной в несколько аршин).

Паллас осмотрел Ермаково городище весьма бегло, мимоходом из Тагильского в Лайский завод, притом «в светлую изрядную ночь». Стех пор прошло около двухсот лет, а городище все еще не было изучено. Более того, даже место расположения его мало кому известно.

В следующие годы многие были на Камне, многие пытались обследовать его пещеры, но чего именно удалось добиться — осталось неизвестным. Известно только, что в 1911 году один из «погребов» Ермака раскапывали ученики Тагильского горнозаводского училища под руководством преподавателя. Говорят, что они нашли тогда какие-то железные предметы (ножи, гвозди), но в музее их нет.

Между прочим, как-то раз одна из таких самодельных попыток закончилась трагически: молодая учительница сорвалась с кручи и разбилась насмерть. Это предостережение тем, кто идет на такое дело неподготовленным, не придает значения необходимым мерам предосторожности.

СЕМЬ ПОПЫТОК

Медведь-Камень привлекал меня давно. Но прошло несколько лет, прежде чем удалось разрешить некоторые его загадки.

В первый раз я пошел на Камень летом 1942 года. Но подошел к нему по левому берегу Тагила, вода стояла высоко, и, не найдя брода, я вернулся ни с чем.

Через год я отправился туда уже по правому берегу, вдоль подножия Гулящих гор, вместе с палеонтологом Н. О. Бурчак-Абрамовичем: легендарная пещера сулила много интересного и для него — там могли быть кости древних зверей.

У старой лиственницы, под «головой медведя», пьющего воду, мы составили план действий

и затем взяли вершину прямо «в лоб» — не без усилий и риска.

Этот подъем врезался в мою память: вот эни, красоты горного Урала! Но сколько ни лазили мы по обрыву и его склонам, все же пещеры не нашли.

Хорошо, когда неудача не расхоложивает, а разжигает. На следующее лето я снова пошел на Медведь. И — увы — снова с тем же результатом: пещеры не нашел. Зато принес полный рюкзак съедобных диких растений: раковых шеек, корневищ белой и желтой кувшинки, а также золотых луковок замечательной крахмалистой саранки, растущей у самого подножия Медведя.

В четвертый раз, в том же 1944 году, мне удалось на расстоянии, с противоположного берега, подметить на скатах скалы два или три пункта, которые, казалось, могли быть входом в пещеру. Переправившись через реку по камням ревущего порога, основательно перемокнув, я с торжеством поднялся на вершину, предвкушая радость открытия. Но тут начался дождь, переждать который так и не удалось.

Осенью — уже в пятый раз — я поехал к Медведь-Камню по Кушвинскому тракту на велосипеде. Теперь я решил заняться поисками Ермакова городища, считая вероятным, что если это и не памятник знаменитого похода Ермака, то, может быть, более древнее укрепленное поселение эпохи, примерно двухтысячелетней давности.

В «Словаре Верхотурского уезда» сообщается, что Ермаково городище расположено на левом возвышенном берегу Тагила, близ Медведь-Камня, на вершине холма, и защищено земляными валами. Такое расположение типично именно для древних городищ. В этой части Урала подобные памятники еще совсем не изучены.

Однако целый день упорных, временами яростных поисков, не дал ни малейшего результата: на холмах левого берега Тагила городища нет.

Но и эта неудача не заставила меня прекратить поиски. Едва дождавшись следующей весны, я снова собрался на Медведь-Камень. На этот раз мое упорство было вознаграждено: к концу этого необычайно свежего, какого-то искрящегося дня удалось, наконец, обнаружить «неуловимую» пещеру!

На скате скалы, на высоте 35—40 метров, почти неприметный со стороны реки, скрывался небольшой грот глубиной всего в 4, а шириной 2,5 метра. Широким входом он обращен прямо на юг, поэтому хорошо обогревается солнцем. Перед гротом — довольно широкая площадка.

Конечно, Ермаку в этой небольшой камере делать было нечего.

А вот для стоянки первобытных охотников она вполне пригодна и типична. Я тут же стал копать пробный шурф, чтобы узнать, не оставили ли здесь следов древние обитатели пещеры.

До глубины около 30 см шел суглинок с обломками скалы и с примесью почти черного гумуса, золы и угля от сравнительно недавних костров, закоптивших стены и потолок грота. Под этим слоем появилась вязкая, желтая, явно древняя глина без всяких примесей перегноя, и в ней стали попадаться кости! Это был несомненный успех.

Но кости были очень плохой сохранности, лопатой копать нельзя, — только ножом, а это требовало нескольких часов работы. К тому же

узкий шурф следовало расширить, а тем временем солнце уже подошло к горизонту, работу пришлось оставить и вернуться в город.

Неотложные дела не позволили до поздней осени снова заняться пещерой, ее недоразгаданной загадкой. А ведь за ней могло стоять открытие первой стоянки человека палеолитической (древнекаменной) эпохи на восточных склонах Урала. Поэтому, как только появилась возможность, я воспользовался оттепелью в последних числах октября и снова отправился на Медведь-Камень — в седьмой раз.

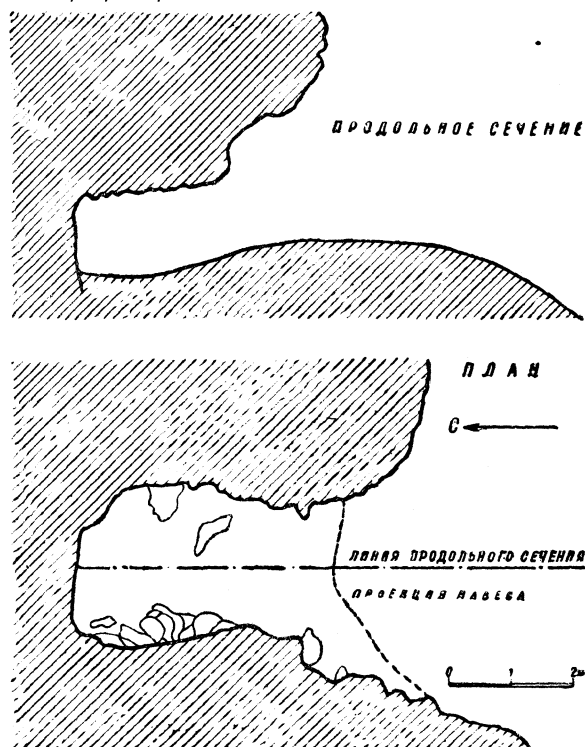
ДВЕ УДАЧИ В ОДИН ДЕНЬ

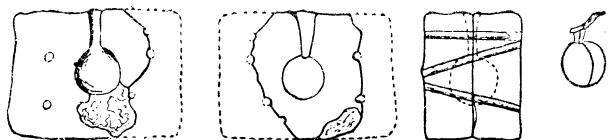
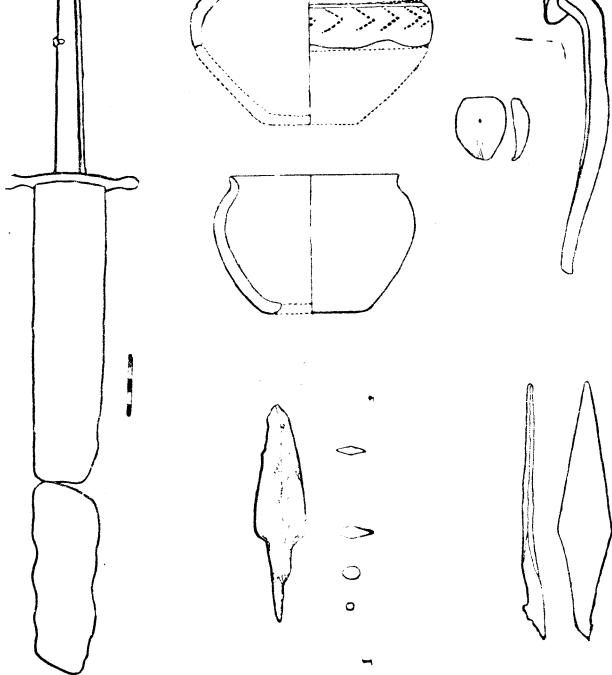
У Медведь-Камня меня подкарауливала неожиданная беда: лодки, на которых я обычно переправлялся, оказались на том берегу, у двух землянок, уже покинутых на зиму их обитателями. Река замерзла, но лед был еще настолько тонок, что перейти по льду нечего было и думать, тем более, что поверх него быстро катилась все прибывающая вода.

Наутро сколотил плот: два недлинных бревна, соединенных скобами. Стоять на нем можно было только в самом центре, старательно соблюдая равновесие. Но, — взялся за гуж, не говори, что не дюж! Снял с себя все лишнее, приготовившись к холодной ванне, и начал переправу. Чтобы продвигаться вперед, надо было ударами длинного шеста пробивать перед плотом довольно толстый лед, ежеминутно погружаясь то левой, то правой ногой в ледяную воду. Переправа заняла около часа. Вернулся уже в лодке за вещами и одеждой и, разведя огонь в покинутой землянке, высушил промокшую обувь, напился горячего чая; вода и резкий ветер превратили меня в ледяную сосульку.

В пещере нашел все в порядке, хотя на по-

План и разрез грота на Медведь-Камне.

Находки из раскопок Ермакова городища.

толке — надпись мелом: «Здесь 25 июля 1945 года были пионеры».

Хорошо еще, что мелом. А то иные горе-туристы так вымажут краской какой-нибудь ценный исторический памятник, что нам, ученым, придется только горестно качать головой.

С волнением принялся за работу, оставленную на подорожье несколько месяцев назад. Что-то найдется дальше? Расширил свой пробный шурф и осторожно вскрывал ножом слой за слоем.

Костей в желтой глине попало довольно много. В дополнение к дикому барану и гусю, добытым в июле, появились лошадь, кажется, бык и какой-то грызун. Каменных орудий в шурфе не нашлось, но на дне его, на скале — следы огня. Шансы в пользу того, что не звери, а люди принесли когда-то сюда эти кости, — увеличились. В будущем году решил исследовать всю пещеру целиком.

Но в этот счастливый день меня ждала еще одна крупная удача: удалось обнаружить Ермаково городище! Оно расположено совсем не на возвышенном холме, как писал Кривошеков в «Словаре Верхотурского уезда», а у самой реки, на невысокой терраске. Его отличительные признаки точно совпадают с описанием, дабным Палласом в XVIII веке:

«По сказкам здешних старожилов, сие есть то место, где первой Сибири завоеватель Ермак Тимофеевич, пришедши из Чусовой в Серебрянку и до ручья Кокуй зимовал... Перешедши же гору и достигши Тагиля, для препровождения остальных дней зимы и для сооружения себе новых судов сделал он якобы на том месте другую

крепостцу и несколько зимовьев; но ныне на оном боле ничего не видно как прямоугольный ров в две сажени шириною, а несколько аршин глубиною; он вырыт на отстоящем от Тагиля сажень на пять мысе таким образом, что четырнадцатисаженная фланка к северу и десятисаженная к востоку проведена. Внутри рва выкопана четвероугольная двусаженная яма полтора аршина глубиною... Приятная и ясная ночь споспешествовала мне, что я, осмотрев сии примечательности, немедля продолжал путь свой...»

Итак, одна из пещер найдена и обследована; Ермаково городище найдено. Медведь-Камень начинает рассказывать свою историю.

Правда, есть сведения, что, помимо этого грота, в скале имеется еще не менее двух больших пещер: одна на обрыве, с заваленным в последние годы камнями входом, другая — с противоположной, пологой стороны, в лесу. Но следует предостеречь туристов: говорят, в одной из них можно задохнуться от вредных газов, а недалеко от входа, в абсолютной темноте — обрыв в пропасть. Надо быть сугубо осторожным, и без опытного руководителя туда не ходить.

ЧТО ПОКАЗАЛИ РАСКОПКИ

Вскоре мне удалось организовать раскопки на Медведь-Камне на средства Академии наук и Тагильского музея. В первый послевоенный год эти средства были невелики, почти все земляные работы мы сделали сами, но энтузиазм участников был велик, и поэтому дело шло споро.

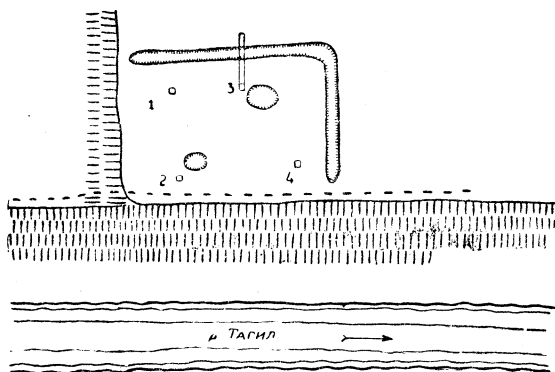
Первой нашей задачей были раскопки грота. Небольшие его размеры сделали эту работу посильной для трех лопат — нас было только трое.

Мы поселились у подножия утеса, на безлюдном берегу реки Тагиля, в сенокосной землянке, пониже вечно шумящего порога. По ночам сквозь этот однообразный шум слышалось удивительно красивое пение какой-то птицы, по-видимому, малиновки. К рассвету она замолкала, и нам так и не удалось ее увидеть.

Рано утром мы умывались в реке, готовили на костре несложный завтрак, и потом, притворив дверь нашего вигвама, уходили с лопатами на весь день в пещеру. Подъем был крут, но всегда приятен: в сосновом лесу, уже нагретом солнцем, душисто пахло смолой, утренний ветерок освежал, и с каждым шагом подъема перед нашим взором открывался все более чудесный вид на ленту реки, заречные луга и леса и далекие, голубые горы.

Восемнадцать дней, не пропуская ни одного дня, мы раскапывали грот. Раскопали его весь, так же, как и площадку перед ним. Когда-то она, вероятно, тоже была под защитой скалы, но затем каменный потолок обрушился и передняя часть пещеры открылась солнцу, ветру, дождю и снегу. Но даже теперь посидеть на этой пло-

План Ермакова городища.

щадке одно удовольствие: все окрестности видны с нее, как на ладони. Первобытным обитателям грота отсюда были хорошо видны и переправы на реке, и водопой, куда, вероятно, каждый день подходили звери. Здесь на них особенно удобно было охотиться.

Что же показали раскопки?

Верхний, темный слой суглинка почти не сохранил культурных остатков, — лишь немного угля и обломок какого-то железного предмета. Мы сняли этот поздний слой лопатами и выбросили его из пещеры. Но нижний слой древней желтой глины, содержащий кости животных, мы исследовали тщательно; расчистили его ножами и кистями и зарисовали на плане пещеры место, где нашли каждую кость. Это помогло восстановить картину древнего обиталища охотников.

На скалистом дне грота, у самого входа, нашлись следы долго горевшего костра. Вокруг были разбросаны кости животных — целые и расколотые (чтобы добыть из них мозг), частью обожженные. Они были позднее определены в Академии наук и, как оказалось, принадлежали сибирскому носорогу, дикой лошади, первобытному быку, северному оленю, лисе.

Мы не нашли в гроте каменных и костяных орудий; надо думать, люди останавливались здесь ненадолго, не выделывали в гроте орудий и не успевали потерять целых. Но характер желтой глины, в которой лежали остатки, и наличие костей древнего шерстистого носорога дают основание относить стоянку в гроте к четвертичной, ледниковой эпохе.

Несколько лет спустя появилась возможность более точно установить возраст исследованной нами стоянки на Медведь-Камне.

К этому времени украинский ученый-палеонтолог И. Г. Пидопличко разработал метод определения возраста древних костей путем их пережигания. Этот метод основан на положении, что попавшая в землю кость животного или человека постепенно теряет органическое вещество, которое замещается неорганическим, минеральным; поэтому при прокаливании менее древние кости теряют больше в весе, более древние, наоборот, — меньше. Разработана шкала, пользуясь которой, возможно по степени убывания органического вещества, определяемой путем взвешивания до и после прокалывания кости, определять ее возраст.

Когда посланные в Киев 11 костей из грота на Медведь-горе прокалили, оказалось, что стоянка в этом гроте старше, чем стоянки поздне-мустьерской эпохи у станицы Ильской на Северном Кавказе и в пещере Чокурча в Крыму,

СТАН ЕРМАКА ПОД МЕДВЕДЬ-КАМНЕМ.

Эскиз к картине художника П. А. Оборина.

но моложе стоянки Тэшикташской пещеры в Узбекистане. Из этого следует, что в гроте на Медведь-Камне жили еще неандертальцы, далекие предки современного человека в эпоху раннего палеолита.

А что же все-таки было на Ермаковом городище? Правда ли, что тут когда-то стоял Ермак?

Надо было разрешить и эту загадку.

Закончив раскопки пещеры, мы принялись и за Ермаково городище.

Мы прорезали траншеей ров и насыпной вал за ровом и вскрыли небольшую площадь внутри укрепления. Найденные при этом вещи сказали нам: да, здесь были русские люди в конце XVI — в начале XVII веков.

Удалось установить, что ров был в свое время глубже — почти в рост человека. Вероятно, он служил окопом для стрелков из кремневых ружей — пищалей. На внутренней площадке мы обнаружили остатки из глиняной обмазки и глинобитными печами, а несколькими годами позже сотрудница Тагильского музея Н. П. Кипарисова нашла здесь же остатки землянок.

Находок собралось много: тут был большой железный меч со сломанным концом, железные наконечники стрел разных типов и один кремневый, медная чешуйка от панциря, пулелейка из обожженной глины и отлитая в ней свинцовая пуля, далее — железные ножи, кованые гвозди, обломок крепежного угольника из белого чугуна, обломки железных листов с застрявшими в них гвоздями, глиняная посуда и многие другие вещи.

Да, двух мнений быть не может: это военное укрепление, и в нем длительное время стоял хорошо снаряженный военный отряд.

Крепежный угольник и листы железа с гвоздями подтверждают сообщение историка Г. Ф. Миллера, что Ермак строил у Медведь-Камня новые суда, а наконечники стрел нерусского типа указывают на то, что укрепленный русский городок жил далеко не спокойной жизнью и подвергался нападениям.

Пермский художник П. А. Оборин вдохновился картиной, которую ему нарисовали найденные нами вещи, и задумал большое полотно: «Лагерь Ермака на реке Тагиле». Хочется думать, что на вершине Медведь-Камня со временем будет воздвигнута величественная фигура Ермака, смотрящего из-под руки вдаль, на восток... Этот монумент был бы виден за десятки километров и напоминал бы всем о начальном моменте великого движения русских в Сибирь.

На Урале много мест, связанных с именем Ермака. Многие из них еще ждут своего исследователя. Почему бы уральским туристам не пройти по пути Ермака и не поискать других таких интересных памятников истории?

Путь этот начинается у села Орел на Каме, близ города Березников, Пермской области, где находился Орел-городок. Далее путь шел вниз по Каме до Чусовой, по Чусовой вверх до Утки и Серебрянки. В ее верховьях, в устье ручья Кокуя, Ермак якобы перезимовал первую зиму и уже оттуда весной двинулся лесным волоком к речке Журавлику, спустился по ней на малых судах и плотах в Баранчу, а по Баранче в Тагил. Вот и Кокуй-городок до сих пор никто не нашел, а он, может быть, еще интереснее, чем городок под Медведь-Камнем.

ВОЗДВИГНУТЬ НА УРАЛЕ ПАМЯТНИК ЕРМАКУ!

Советский народ с чувством высокой гордости хранит в памяти имена людей, создававших славу и могущество Родины. Среди этих имен в почетном ряду народных героев стоит и имя Ермака — самоотверженного русского землепроходца, военачальника. До сих пор народ поет песни, рассказывает легенды и предания, связанные с героическим походом Ермака и его дружины. В то время, когда буржуазные историки рисовали Ермака вышедшим с Дона разбойником, народ в песнях и преданиях своих отстаивал его честь и доброе имя, утверждая его горячий патриотизм и мудрую государственность, называя его уральцем по происхождению.

Подвиг Ермака и его дружины, положивший начало освоению необъятных просторов Сибири, с особой значимостью вспоминается сейчас, когда по воле ленинской партии, советского народа Сибирь становится ареной великой стройки. Этот некогда дикий «край земли» преобразуется и обживается советским человеком.

И давно пришла пора подумать о создании монумента, увековечивающего подвиг Ермака и его дружины. Нынче исполнилось 375 лет со дня гибели героя.

Пусть на Урале — предполагаемой родине Ермака и отправной точке его

героического похода, где-нибудь на скале, близ границы Европы и Азии, на одном из многочисленных на Урале «Ермаковых» мест встанет величественный монумент, выражающий благодарную память народа о замечательном русском землепроходце!

Соорудить такой памятник можно силами общественности Урала. Постамент — искусственную скалу из бетона — помогут сделать молодые строители на двух-трех субботниках. Металлурги могут дать несколько тонн сверхплавленного металла и отлить из него статую Ермака по готовой модели — скульптуре Антокольского. Молодые архитекторы и скульпторы Свердловска берутся разработать проект памятника.

Мы обращаемся к областным комитетам комсомола — Свердловскому, Пермскому, Тюменскому — с предложением создать из представителей общественности объединенный межобластной комитет по сооружению памятника. Он взял бы на себя роль организатора и руководителя этого благородного дела: разработал и утвердил проект монумента, отливку и установку его, определил место для памятника.

Подвиг героя-землепроходца должен быть увековечен!

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Поддерживаем

Полностью разделяю и горячо поддерживаю обращение редакции «Уральского следопыта».

Ф. И. ГОЛИКОВ,
генерал армии, начальник Главного политического
управления Советской Армии и Военно-морского флота.

Инициатива редакции «Уральского следопыта» — предложение о сооружении памятника-монумента Ермаку и его дружине — заслуживает полной поддержки. Именно теперешнее поколение впервые в полной мере может оценить вклад Ермака, обеспечивший могущество и богатство нашей великой Родины.

А. П. АЛЕКСАНДРОВ,
академик, депутат Верховного Совета СССР.

СОГЛАСЕН, ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОДДЕРЖИВАЮ.

М. В. ВОДОПЬЯНОВ,
Герой Советского Союза.

Всячески поддерживаю инициаторов создания на Урале памятника Ермаку.

Ф. С. ГОРОВОЙ,
профессор Пермского госуниверситета.

ГДЕ СТОЯТЬ ПАМЯТНИКУ?

Есть имена, есть образы, которые, начиная со школьной скамьи, на всю жизнь остаются нашими спутниками. Один из таких «вечных спутников» — полудеянный образ Ермака.

Для нас, уральцев, он особенно притягателен и дорог. Ведь отсюда, с Камы, из Орла-городка начался его исторический поход в Сибирь. Не удивительно, что образ Ермака увековечили и литература, и фольклор Урала. А сколько мест в нашем краю связано с его именем!

Мое детство прошло в Прикамье. Уже школьный учебник знакомил нас с народным героем, в нем был даже портрет Ермака, а на стене классной комнаты, рядом с картиной, изображавшей сражение Александра Невского со звездами, висела другая — копия с известного полотна Сурикова «Покорение Сибири». Все это осталось в памяти детства так же, как и популярная песня «Ревела буря, гром гремел». Помнится, большое впечатление оставил рисунок из журнала «Родина», воспроизводивший предсмертную схватку Ермака с татарами. От карти-

ны веяло романтикой героической старины. Хотелось побольше узнать о личности и жизни замечательного сына русской земли.

Мне было пятнадцать лет, когда я побывал на Чусовой, поплавал на лодке, полюбовался на скалистые берега красавицы реки. Недалеко от Чусовского завода мне показали пещеру Ермака. Она зияла почти в середине покатога утеса, прямо над рекой, полузакрытая чахлам кустарником.

Через несколько лет в окрестностях Чусовой мне пришлось снова пересечь путь Ермака. Поэтическая речка Серебрянка, каменистые берега, ольховые заросли над водой. Деревня Кедровка. По преданиям, недалеко отсюда находилась стоянка Ермака.

С той поры прошли годы, но Ермак и Урал остались в памяти как нечто неразделимое.

Тагил, Баранча: Медведь-Камень. Снова историческая местность — Ермаково городище. Здесь русская рать стояла перед последним решительным рывком вперед, в неизведанный край.

Дальше — светлая и тихая река. Ту-

ра — ворота в Сибирь. И здешние места помнят Ермака, последний этап его славного похода.

Летописцы тех времен мало сохранили подробностей о самом Ермаке и его атаманах, оставив лишь в общих чертах описание героического пути. Народная фантазия опоэтизировала образ удалыча-богатыря.

В начале 30-х годов я прочитал книжку В. И. Немировича-Данченко «Кама и Урал». В ней писатель приводил камскую легенду о великанах, запертых Ермаком в горе и заклётых им. Может быть, это отголосок борьбы Ермака с данниками Кучума, чьи отряды громил он на пути в Сибирское царство.

Тема Ермака занимала большое место в творческих планах П. П. Бажова, всегда живо интересовавшегося историческим прошлым родного края.

Помню наши беседы о выдающихся людях старого Урала. Среди них, несколько неожиданно для меня, Бажов назвал и Ермака. До сих пор я считал, что Ермак был донским казаком, гулявшим со своей вольницей по Волге и Каме. Павел Петрович говорил о том, что это был наш земляк, чувовлянин Василий Тимофеевич Аленин. При этом он, привыкший к научному

призыв!

ГОРЯЧО ПОДДЕРЖИВАЮ ДОБРОЕ ДЕЛО.

*Сергей МАРКОВ,
писатель, действительный член Географического
общества СССР.*

Богат и могуч древний Урал — ворота в широкие просторы Сибири, куда по зову нашей Коммунистической партии едет сейчас молодежь.

И пусть на скале, мимо которой проходит сибирская железнодорожная магистраль, встанет могучая фигура Ермака, радостно встречающего своих потомков, следующих в открытую им Сибирь.

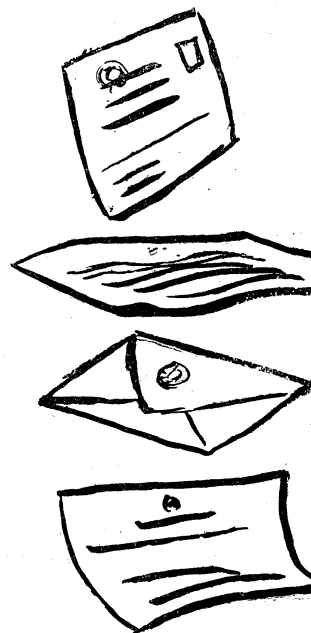
*А. И. АЛЕКСАНДРОВ,
заслуженный учитель школы РСФСР, г. Челябинск.*

С радостью присоединяюсь к письму-воззванию «Уральского следопыта». Это нужное, это благородное дело — воздвигнуть на Урале памятник Ермаку. Это — давний долг наш.

Неузнаваемо изменился Урал. В сказочную страну Завтрашнего дня превращается Сибирь. Именно теперь мы яснее, чем когда-либо, видим всю меру подвига Ермака и горстки его бесстрашных. Не «разбойник» и не «покрученник» Строгановых совершил дело, равное Колумбу: открыл дорогу в исполинский Новый мир. Как верно и сразу понял это народ, не справляясь с книгами буржуазных историков, — народ, приобщивший Ермака — единственного из всех исторических лиц! — к кругу былинных богатырей!

Выполним же долг наш перед памятью великого русского человека! Был ли Ермак или не был уральцем, — Урал был родиной его дела. И на Урале на вечные времена, для всех грядущих поколений стоять памятнику тому, о ком никогда не забудет русская, Советская земля!

*В. САФОНОВ,
писатель, автор романа о Ермаке „Дорога на простор“.*

обоснованию исторических гипотез, указывал и на источники. Признаться, меня удивила и порадовала такая уральская версия о происхождении Ермака. Через несколько лет в сказе «Ермаковы лебеди» можно было прочесть развернутую аргументацию точки зрения Бажова.

«Так, говоришь, из донских казаков Ермак был? Приплыл в наши края и сразу в сибирскую сторону дорогу нашел? Куда никто из наших не бывал, туда он со всем войском по рекам приплыл?»

Ловко бы так-то! Сел на Каме, попутел на веслах, да и выбрался на Туру, а там гуляй по сибирским рекам, куда тебе любо...

На словах-то вовсе легко, а попробуй на деле — не то запоешь!

...Это по нынешним временам так-то, а в Ермакову пору и того мудренее было. Тогда, поди-ко, не то что в Сибири, а и по нашим местам ни единого русского человека не жило. Из здешних рек одну Каму знали, да про Чусовую маленько, а про Туру да Иртыш слыхом не слышали. Вот и рассуди, как при таком положении заезжий человек пути-дороги по рекам разберет. Листов-то, на коих всяка

речка-горочка обозначены, тогда и в помине не было, и вожака не найдешь, потому — никто из наших в той стороне не бывал».

Действительно, уральская версия наиболее правдоподобная. И памятник Ермаку нужно ставить на Урале.

Где стоять памятнику? Может быть, на Каме, возле села Орел, на месте древнего Кергедана, резиденции Строгановых, откуда начал Ермак свой легендарный боевой путь! Может быть, в Чусовских городках, на родине знаменитого атамана? Может быть, на берегах Серебрянки, Туры? А может, в окрестностях одного из крупнейших промышленных центров Урала, Нижнего Тагила — на Медведь-Камне! За последний вариант голосует не только история, но и география. Ни один туристский маршрут по Среднему Уралу не минует достопримечательностей Тагила и его живописных окрестностей. Здесь наша уральская старина, горная природа Урала, гиганты социалистической индустрии сегодняшнего дня, здесь ясней проступают и контуры будущего Урала.

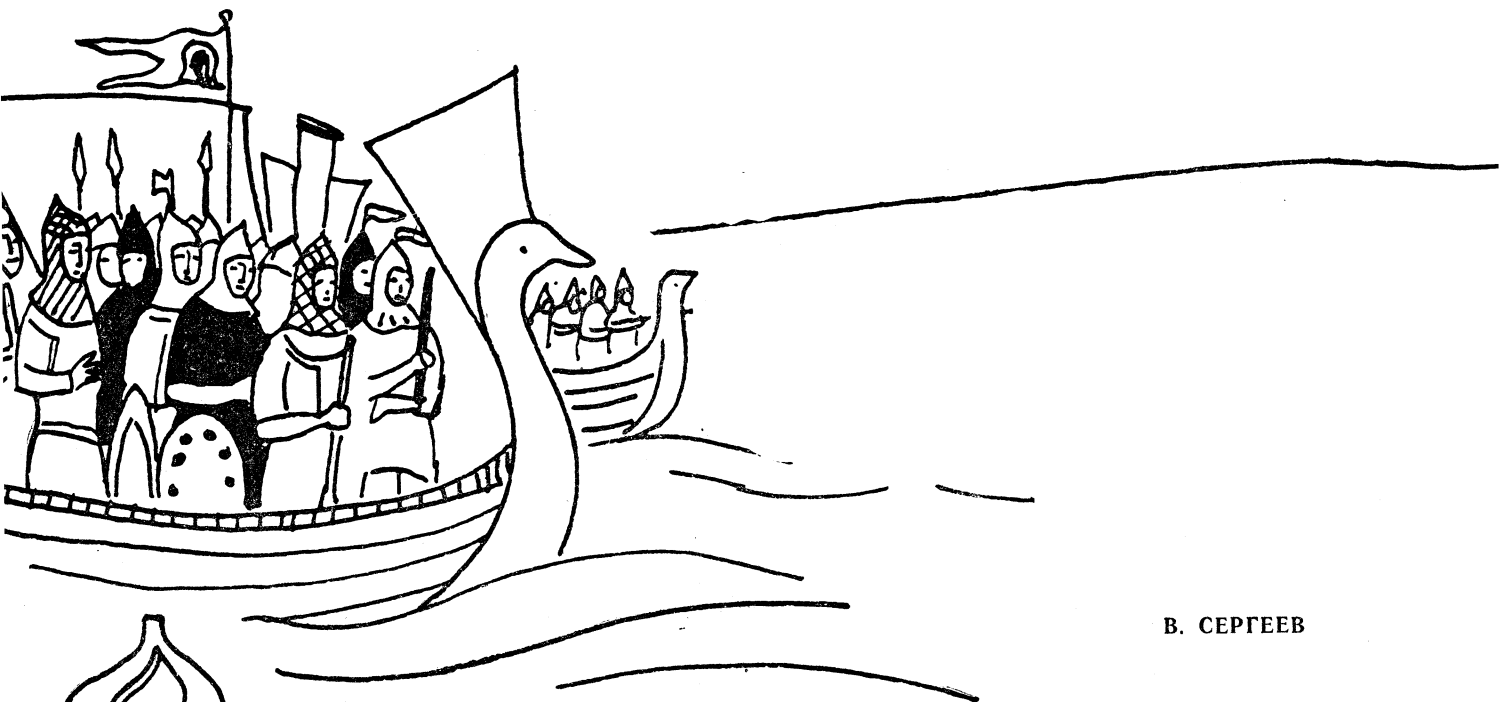
Исторические монументы не просто украшение парков и площадей, это — воплощенная в металле и мраморе ле-

топись героических деяний наших предков, их труда и борьбы, их ума и таланта, это гордость и слава нашего народа, предвестье настоящих и грядущих его побед.

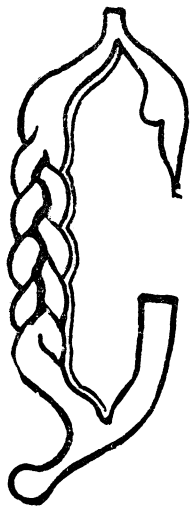
Ермак — самое древнее из имен, связанное с Уралом. Но, может быть, недалеко то время, когда на одной из площадей Свердловска встанут памятники Ползунову, Мамину-Сибиряку. Может быть, в Первоуральске будет воздвигнут памятник Андрею Плотникову, прозванному Атаманом Золотым. Здесь этот народный мститель возглавил восстание шайтанских рабочих людей и принял мучительную казнь за правое дело. Может быть, будет поставлен памятник в селе Богородском, на родине славного пугачевского полковника Ивана Белобородова, героя великой крестьянской войны, бушевавшей на горных заводах Урала. Они заслужили всенародную славу.

Нам есть кого вспоминать, есть чем гордиться. Историческая доблесть родного Урала не должна меркнуть ни в настоящем, ни в прошлом.

К. БОГОЛЮБОВ

В. СЕРГЕЕВ

ВЫШЕ трех веков героические события, связанные с именем Ермака, привлекают к себе внимание исследователей. Но в их описаниях — от первых сибирских летописцев до наших дней — много противоречий, взаимоисключающих фактов и дат. Попытки примирить их приводили лишь к порождению все новых и новых звеньев этой цепи противоречий.

Дело дошло до того, что и сейчас, когда подошла 375-я годовщина со дня гибели Ермака, историки все еще спорят, когда же ее отмечать: в 1959 или 1960 году?

Как это получилось?

В начале XVII века, когда в новооткрытой Сибири стремительно осваивались все новые и новые территории, бурно росло население, при организации Сибирской епархии царь с патриархом «вспомянули Ермака», попытались использовать это чтимое в народе имя в своих целях. По заказу первого тобольского архиепископа соратники Ермака — свидетели и участники его похода — составили в 1621 году «Написание, како приидоша в Сибирь», а к пятидесятой годовщине со дня гибели Ермака церковники собирались даже причислить его к лику святых русской церкви. Но собравшийся по этому поводу «Освященный собор» в присутствии царя от этой затеи отказался, а лишь постановил: «Ермаку Тимофееву сыну Повольскому, идеже книждо убиени быша, кликати вечную память».

К 1 сентября 1636 года дьяк тобольского архиепископа Савва Есипов, используя «Написание...», составил летопись «О Сибири и о сибирском взятии». В изложении дьяка Есипова, пересыпанном «божественными чудесами», раскаявшийся казачий атаман по «божественному промыслу» совершает героический поход в Сибирь; уже как верный «слу-

га государя», преподносит он царю повинную и «покоренное Сибирское царство» (какой «поучительный» пример для подражания новым сибирским землепроходцам!)

Зато автору другой летописи, имевшему перед собой многочисленные документы из архива Строгановых, пришлось говорить о том, о чем умалчивала есиповская летопись. Он попытался восстановить связь уральских солепромышленников с подготовкой и началом Сибирского похода Ермака.

Безусловно, утверждала этот факт «Опальная грамота Строгановым» 1582 года, но она тоже излагала события совсем достоверно. Грамоту составили по донесению чердынского воеводы, который, оправдываясь за разорение края от набегов хантов и манси в 1581 году, превратно толковал события, связанные с подготовкой и началом похода. Из грамоты поэтому можно было заключить, что поход в Сибирь начался или в 1581, или даже в

КОГДА ПОГИБ ЕРМАК?

1582 году. Но из нее ясно устанавливалась связь Строгановых с Ермаком, и важно было, что это доказывалось при помощи царской грамоты. Чтобы не подводить под сомнение достоверность грамоты, в текст летописи были включены обе даты. С тех пор «Опальная грамота» и вводила в заблуждение всех изучавших раннюю историю Сибири.

У летописей, восходящих к «Написанию...», есть особенность: числовые даты и месяцы, связанные с именами святых, довольно точны, а с датами годов полная путаница, так как это для церковников значения не имело. Не имея точно установленной даты начала похода, историки стали строить самые различные хронологические схемы ранней сибирской истории. И если ни у кого из них нет сомнений, что Ермак погиб в ночь на шестое августа, то о годе гибели до сих пор спорят — 1584 или 1585?

Сибирские летописи утверждают, что Ермак погиб в 1584 году. Из них же явствует, что в следующие затем два года основываются последовательно города Тюмень и Тобольск. А города эти, как точно установлено из других источников, заложены в 1586 и 1587 годах. Значит, вывод о гибели Ермака именно в 1585 году вполне обоснован, тем более, что есть и другие подтверждения этого.

Если, приняв все это во внимание, составить хронологическую схему событий, то она будет выглядеть так.

12 и 13 июня 1579 года дружина Ермака выступила из Чусовского городка в Сибирский поход.

Первая зимовка — в 1579—1580 годах, в верховьях реки Тагил.

Вторая зимовка — в 1580—1581 годах на месте современной Тюмени, в Чингитуре.

Третья зимовка — в 1581—1582 годах, в Карачине, городке, примерно в сорока верстах от Кашлыка — столицы Сибирского ханства.

Выступила дружина в дальнейший поход лишь после 14 сентября 1582 года, когда возвратился от Строгановых Иван Кольцов с боеприпасами и подмогой — отрядом в 300 казаков.

26 октября 1582 года — занятие Кашлыка, изгнание Кучума из Сибирского ханства.

22 декабря 1582 года повторная посылка отряда казаков с «мягкой рухлядью» к Строгановым, которые в это время получили вышеупомянутую «Опальную грамоту» от 16 ноября 1582 года. Чтобы оправдаться, они-то и отправили посланников Ермака в Москву.

Летом 1583 года небольшими отрядами казаки «воевали княжцов» вниз до устья Иртыша, облагая покоренных теперь уже «государевым ясаком».

21 ноября 1583 года послал Ермак в Москву захваченного царевича Маметкула — сына Кучума и собранный ясак.

10 мая 1584 года, чтобы принять «под государеву руку» Сибирь, из Москвы отправляются воеводы С. Болховский и И. Глухов с отрядом в 500 стрельцов. Без достаточных запасов отряд прибыл в Кашлык 2 ноября 1584 года.

Голодавших в Кашлыке казаков и стрельцов 12 марта 1585 года «со многими вои» осадил большое войско Карачи.

Только 9 мая 1585 года казаки и уцелевшие стрельцы под предводительством Ермака «изыдоша из града тайно и дошедши ко станам Карачиным и нападоша на них ношью».

Вскоре Ермак послал за помощью в Москву, а сам стал искать встречи с Кучумом, но, поднявшись по Иртышу вплоть «до устья Шиштамму» (примерно в шестидесяти верстах от современного города Тары), известий о нем не добыл. При возвращении «в Ташаткане сказали им, что пришли бухарцы со многими говары, а Кучум-де стоит» и бухарцев не пропускает в Сибирь. «Ермак же, вскоре встав с 50 человек», отправив остальных в Кашлык, «поиде вверх по Вагаю». Не встретив ни бухарцев, ни Кучума, возвратился к устью Вагая, где ранее на Иртыше казаками была прорыта «перекопь» для спрямления стругового хода.

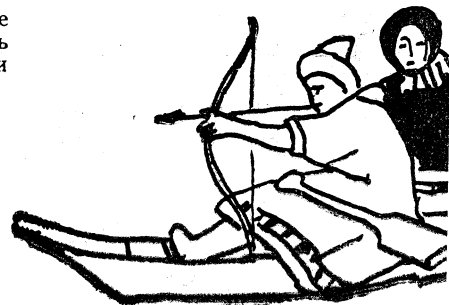
5 августа 1585 года «на усть Вагаю и перекопью» разставив стан и обночеваша, а стража не поставив, и без опасения крепче спяку; Кучум же их злобне тайно назираше, всюду татар розсылаше».

Августа в 6 день, «в полунощи, нападе на Ермака с дружиною Кучум со множеством вои, яко спят без опасения, час прииде смертный, и побиша их, точию один казак утече во град (Кашлык) и возвестив бывшим».

«Ермак же, видя своих убиение и помощи ни откуда животу своему, бежа в струг свой и не може скочити, бе оденя двема царскими пансыри, струг же отплы от брега, и не дошед (утопе месяца августа в 6 день)».

Так на основании достоверных записей участников и очевидцев событий описывает С. У. Ремезов.

Вот эта-то схема и дает основание утверждать, что в августе 1585 года исполнилось 375 лет со дня смерти народного героя.

РЕДКОСТИ БЫВШЕЙ ГЛУХОМАНИ

Активист «Уральского следопыта» Юрий Петрович Рябов, работающий сейчас в Зауралье, недавно вернулся с Дальнего Севера. Печатаем записи из его журналистского блокнота. В них рассказывается о крае, где еще совсем недавно были сплошь и рядом места, куда не ступала нога человека.

СКАЗКА СТАРОГО ЧУКЧИ

Эту сказку мне довелось слышать на Дальнем Севере. Ее рассказал старый пастух — чукча Рыктылен.

— Произошло это, — говорил он, раскуривая трубку, — при старой жизни. Бедный оленевод жил в тундре. Была у него жена и много детей. Оленей было очень мало. Не хватало на еду и одежду. Совсем бедно жили они.

Взял оленевод бубен, сел на порог и начал петь:

— О! О! О! О! Ох, как я плохо живу. Совсем от голода сохнем. Что мне делать, чтобы лучше жить?

Вдруг в пологе светло и тепло стало. Это солнце вошло.

— Помогу тебе, — сказало оно. — Вставай и иди за мной.

Вышли они из шатра. Оленевод посмотрел и увидел: много

кругом оленей пасется. В тундре большие шатры и красивые дома стоят. Горы дорогих товаров лежат. Кругом люди в новых меховых одеждах ходят.

— Это все твое. Иди к людям, работай с ними, паси с ними оленей.

Сказало так солнце, поднялось на небо и всю тундру ярким светом осветило...

Рыктылен чиркнул спичкой, зажег погасшую трубку и стал говорить о своих хозяйственных делах.

— Ты не окончил сказку? Кто солнце? — спросил я.

— Не торопись. Посмотри мой край. Возвращайся, и я дам ответ.

100 КИЛОМЕТРОВ — НЕ РАССТОЯНИЕ

Дальний Север. Магадан — его областной центр. Это один из самых молодых городов Советского Союза — морские ворота Колымы.

Разговаривая с жителями, я удивился: от Магадана до Москвы по прямой около 6,5 тысячи километров — радиус земного шара.

— У нас сто километров — не расстояние, — говорят магаданцы. — Наша область расположена в двух климатических поясах: умеренном и полярном. Территория области превышает миллион квадратных километров. На такой площади могут свободно разместиться крупнейшие страны Европы: Франция, Германия и Великобритания.

Железных дорог на Дальнем Севере нет. Но самолет, трактор, автомашина прочно вошли в быт. И не удивительно, что впоследствии, совершая полет на самолете от юго-восточной границы этого края к северо-восточной границе — расстояние большее, чем путь от Москвы до Берлина, я, как и все местные жители, разницу в сто километров уже не учитывал.

ВХОДНЫЕ ДВЕРИ КАЛЕНДАРЯ

Свои острова японцы называют Страной Восходящего Солнца. На Дальнем Севере мне возразили:

— Нет, входные двери календаря у нас.

На земном шаре в любой момент — где-то утро, а где-то вечер, где-то день, а где-то ночь. Если сейчас в Петропавловске-на-Камчатке двенадцать часов ночи, то в Лондоне двенадцать дня, в Новосибирске семь часов вечера, в Нью-Йорке семь утра.

А где граница, порог, от которого ведется счет времени?

Такая граница по международному соглашению проведена условно от полюса к полюсу, приблизительно по стовосьмидесятому меридиану, между Азией и Америкой. Названа она «линией перемены дат».

Принято считать, что на запад от этой линии всегда день вчерашний, на восток — сегодня, новый день.

— Посмотрите на карту земного шара, — сказали мне. — Нанесенная пунктиром «линия перемены дат» ближе всего подходит к берегам нашего края. И поэтому утренняя заря занимается у нас, в Советском Союзе, в Магаданской области, на мысе Дежнева — самой восточной точке всего европейско-азиатского материка. Мы первыми в мире открываем новые сутки, месяц, год и встречаем солнце на десять часов раньше, чем москвичи, и на три часа раньше, чем японцы.

ОДНО ДЕРЕВО — И ТО ЛИСТВЕННИЦА

Магаданская область лежит в зоне вечной мерзлоты. Земля тут промерзла на глубину до двухсот метров и только летом на короткий срок чуть оттаивает сверху.

— Растительный мир. Здесь много различных лишайников, мхов. Они приспособились довольствоваться скудными благами природы. Насчитывается около шестисот различных видов цветковых растений и кустарников.

Я видел, — хорошо говорить тогда, когда увидел что-либо редкое или — подтверждая спорное. Ивы, березы здесь, как правило, даже очень старые, ростом всего в несколько сантиметров и чуть потолще карандаша. Я видел кедровый стланик, который спасается от мороза под снегом: ветки прижаты к земле. А ложечная трава настолько привыкла к климату, что даже в цвету стойко переносит мороз.

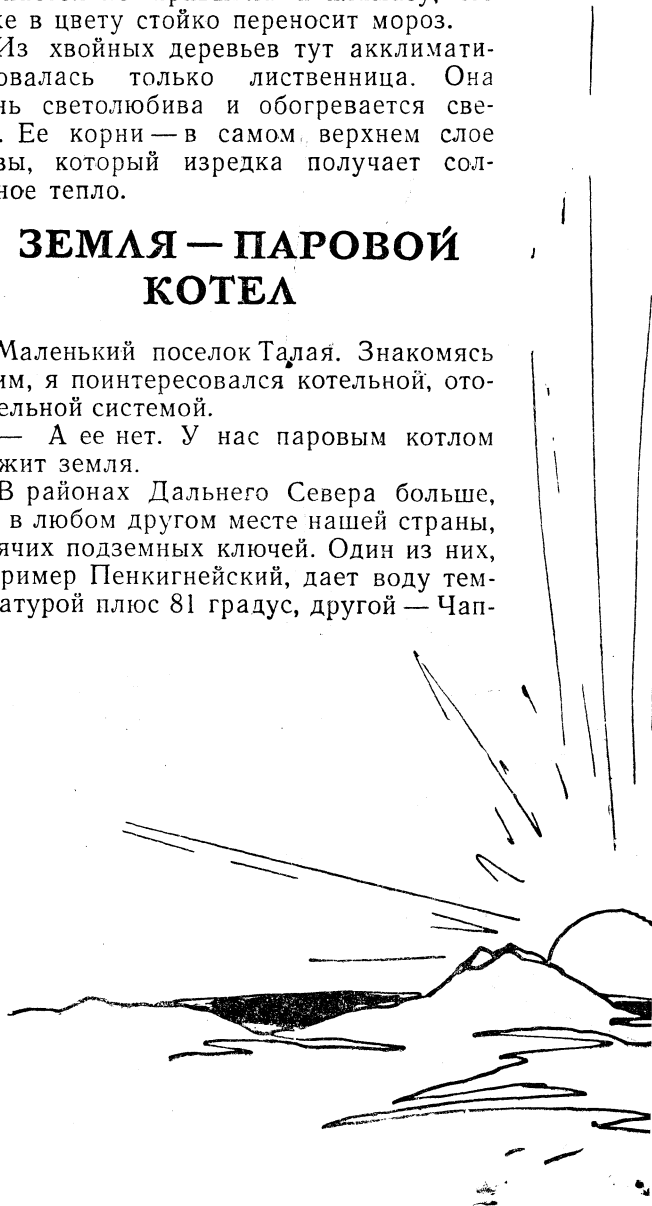
Из хвойных деревьев тут акклиматизировалась только лиственница. Она очень светолюбива и обогревается светом. Ее корни — в самом верхнем слое почвы, который изредка получает солнечное тепло.

ЗЕМЛЯ — ПАРОВОЙ КОТЕЛ

Маленький поселок Талая. Знакомься с ним, я поинтересовался котельной, отопительной системой.

— А ее нет. У нас паровым котлом служит земля.

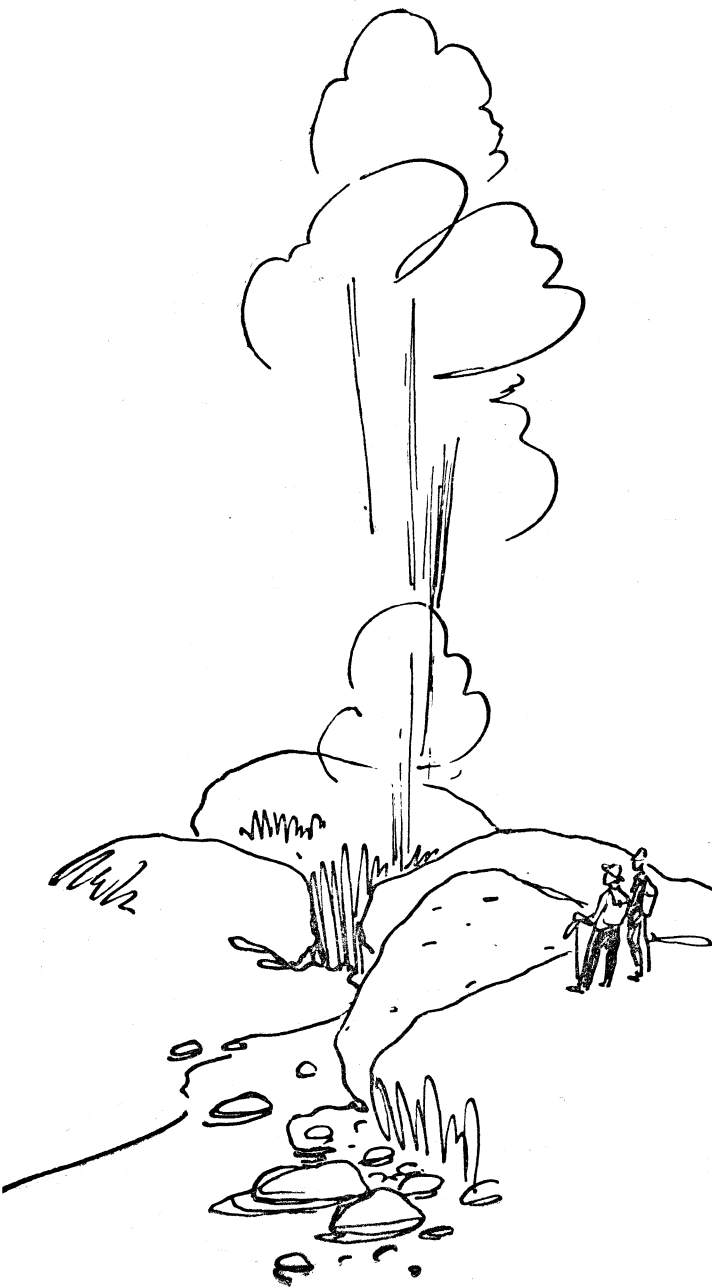
В районах Дальнего Севера больше, чем в любом другом месте нашей страны, горячих подземных ключей. Один из них, например Пенкигнейский, дает воду температурой плюс 81 градус, другой — Чап-

линский — плюс 83, а третий — Мечигменский — даже плюс 95,5 градуса.

Источник поселка Талая расположен на высоте 775 метров над уровнем моря. Его вечно кипящая вода самотеком поступает в отопительную систему и позволяет в обычные здесь пятидесятиградусные морозы поддерживать в домах нормальную температуру. В теплицах, обогреваемых этой водой, растут лук, редис, помидоры и огурцы.

Горячий источник в поселке Талая обладает и еще одним интересным свойством. Его вода содержит различные минеральные соли. Несколько лет назад в поселке построили самый северный в нашей стране курорт.

ОЗЕРО ХОЛОДА

Я ехал из Магадана в Оймякон.

Мороз обжигает. Дышится трудно. Температура около 70 градусов ниже нуля. Пар-дыхания мгновенно превращается в мельчайшие шелестящие кристаллики льда.

— А какая температура бывает тут летом? — спросил я.

— Жара 30 градусов и больше.

— Минус 70 и плюс 30! Огромная разница.

— Да, но это не удивительно. Район Оймякона считается самым холодным местом северного полушария, полюсом холода, а по разнице меж зимними и летними температурами он занимает первое место в мире.

Район Оймякона лежит в полосе умеренного климата, далеко от Полярного круга. Известно, что чем выше поднимаешься на горы, тем становится холоднее. А в этом районе наоборот. Почему?

— Ученые разгадали загадку Оймякона, — рассказали мне. — Дело в том, что этот район лежит в глубокой котловине. Зимой холодный воздух, как более тяжелый, по склонам горных хребтов со всех сторон стекается в эту котловину, образуя тут своеобразное «озеро холода».

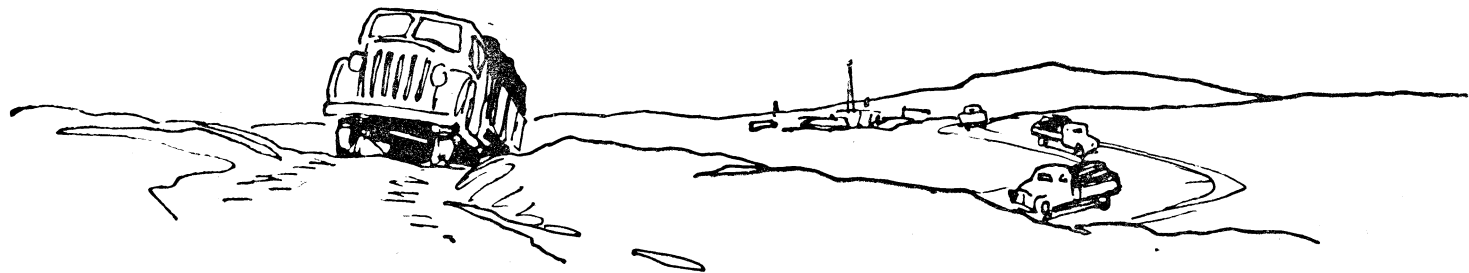
«Озеро холода», холодные морские и воздушные течения оказывают влияние на климат всего края. И хотя его отдельные районы летом получают солнечного тепла несколько больше, чем Крым, среднегодовая температура на Дальнем Севере ниже нуля.

АРКАГАЛА

— Аркагала — одно из крупнейших угольных месторождений, где только известные запасы исчисляются сотнями миллионов тонн, — сказал геолог.

— Это — энергетическое сердце нашего края, — добавил энергетик.

И вот я в Аркагале. Лютый мороз: сказывается близость полюса холода — Оймякона. Однако по дороге нескончаемым потоком идут автомашины, груженные углем.

— Месторождение, — говорили мне в шахтоуправлении, — открыто всего около четверти века назад. За короткий срок мы пустили три шахты, открыли один угольный разрез, построили электростанцию. У нас выросли поселки — Мянунджа, Кэдыкчан. Сейчас нашим углем и электроэнергией обеспечивается добрая половина Магаданского экономического района и частично Якутская АССР.

У Аркагалы большое будущее. Тут строится вторая очередь электростанции. Разработан проект сооружения еще одной шахты, в которой предполагается впервые на Дальнем Севере применить для добычи угля комбайны и полностью механизировать выдачу угля на-гора.

В Магаданском совнархозе меня познакомили с планом создания первого в крае кольца энергопередачи. Его общая протяженность будет около шестисот километров. Это позволит полнее использовать мощности Аркагалинской электростанции и откроет новые возможности для освоения природных богатств Дальнего Севера.

ИУЛЬТИН

Наш самолет шел над восточной частью Заполярья. Внизу — сопки, тундра. Сбоку — Берингово море, где плавают льды.

Самолет приземлился. Несколько часов езды на автомашине — и мы в Иультине.

Удивительно! Арктика — и современное промышленное предприятие. Заполярье — и современный благоустроенный поселок с большими каменными домами, в которых электричество, радио, водопровод.

Незадолго до Отечественной войны сюда, в район, где еще никогда не ступала нога человека, пришел отряд геологов под руководством Минаева.

— Местность глухая, мрачная, — вспоминают участники экспедиции. — Ни корма для оленя, ни зверя, ни птицы. Всюду камень и камень, бесформенные угловатые обломки и глыбы. А рядом на 400 метров поднялась гора Иультин.

И тут, на вершине и склонах, геологи нашли обломки белого жильного кварца, среди которых лежали гигантские по размерам кристаллы черного вольфрамита и коричневого оловянного камня...

Иультин получил известность. В Магадане для будущего комбината разработали проект, на Украине выполнили ряд особо важных расчетов, на Урале изготовили оборудование. В дикий безлюдный район приехали комсомольцы москвичи — патриоты освоения Севера.

Теперь Иультин поставляет стране концентраты руд олова и вольфрама.

ДОМА ИЗ ПЕПЛА

В одной из библиотек мое внимание привлекла небольшая книжка. Она была издана в Магадане и называлась «Вулканы Дальнего Севера».

Я слышал о вулканах Центрального Камчатки, Камчатки, Курильских островов. А вулканы Дальнего Севера?!

— Да, — ответил геолог Северо-Восточного геологического управления Васковский. — Вулканы на Дальнем Севере открыты недавно. Первый обнаружен в 1938 году. Называется «Балаган-тас», что означает «Каменная юрта». Позднее разведчики недр в районе реки Ясачной выявили большие выходы базальтовой лавы. А в 1952 году открыли вулкан Анюйский. Пока он считается самым большим в этих местах. Диаметр его воронки 300 метров, а глубина кратера — 90 метров.

Известно, что во время извержения вулканов выпадает огромное количество пепла. А что такое пепел? Мельчайший песок, состоящий в основном из кремне-

зема. А кремнезем — сырье для многих отраслей промышленности.

Так около Магадана вырос стекольный завод, выпускающий разнообразную посуду. Начала работать установка по производству строительного материала — газобетона. Готовится к пуску предприятие, которое будет давать пеностеклянные плиты для сооружения домов.

МОРОЗ-СТРОИТЕЛЬ

На Дальнем Севере протекает одна из крупнейших рек нашей страны — Колыма. Ее длина 2600 километров. По протяженности она занимает восьмое место среди рек Советского Союза, а по площади бассейна уступает совсем немногим рекам.

В один из летних дней мы на автомашине проезжали по мосту через Колыму. Длинный, ажурный, он вызывал восхищение.

— А помните Некрасова? — спросил ехавший с нами колымский горняк.

«Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-океаны,
Построю дворцы изо льда.
Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ».

— Учтите, что этот мост построен именно с помощью мороза.

И он рассказал.

Это было зимой 1937 года. Морозы стояли особенно лютые. На льду реки строители разметили площадки под будущие опоры моста. С этих площадок острожно, чтобы не прорвалась вода, сняли верхний слой льда. Снизу площадок через некоторое время вода замерзла. И снова сверху лед скололи, а снизу через ночь образовался новый слой льда. Так, вско-

ре поперек реки были сделаны своеобразные большие сухие колодцы со стенками из льда. Добравшись такими колодцами до дна реки, мостостроители установили в грунт опоры. А весной на опоры легли металлические конструкции моста.

МАГАДАНСКАЯ ЗАМША

На выставке продукции местной промышленности в Магадане внимание привлекли шкурки бархатистой кожи.

— Это — замша. Идет в обувную, галантерейную и оптическую промышленность. Лучшее сырье для ее выработки — шкуры оленей.

Жители Дальнего Севера любят и ценят оленя. На оленях, запряженных в нарты, они ездят. Его мясо идет в пищу. Из шкур шьют одежду и обувь. Позднее я с интересом знакомился с большими кожевенными заводами, которые недавно построены в Магадане и поселке Провидение. На этих заводах из оленьих шкур выработывают красивую мягкую замшу.

ВАЛЮТНЫЙ ЦЕХ СТРАНЫ

На одном прииске мне удалось познакомиться с редкой коллекцией. Это было большое собрание рисунков и фотографий почти всех найденных тут самородков золота. Рассматривая их, я восхищался мастерством природы, придавшей кусочкам этого металла форму верблюда, головы собаки, ажурной веточки.

— Наш край, — сказали мне в Магаданском совнархозе, — очень богат золотом. Его месторождения были выявлены небольшой группой геологов. Но для организации добычи потребовалась помощь всего советского народа.

Так тут сложился большой крепкий коллектив патриотов Севера. На берегу студеного Охотского моря он построил город, а в безлюдном раньше краю — десятки рабочих поселков. Им созданы свои конструкции золотодобывающих агрегатов, цельнометаллических механизированных передвижных фабрик, приспособленных к суровым условиям работы. Разработана новая оригинальная

методика добычи золота в условиях мерзлого грунта. И вполне оправданно, что этот край получил название валютного цеха страны.

— А самородки? — спросил я.

— Находят самородки на приисках Дальнего Севера. Часто выявлять их помогает специальный электронный прибор. Только за один 1956 год нашли 173 самородка весом в 100 и более граммов. А самый крупный весил 2126 граммов.

ПЕНЖИНСКАЯ ВОРОНКА

В бухте Нагаева, на берегу Охотского моря, я наблюдал любителей-рыбаков. На крючок они насаживали морского червя — обычных из-за вечной мерзлоты тут нет. Живут эти черви под камнями на морском дне.

— А как вы их достаете?

— Очень просто, — ответили мне. — Во время отлива вода спадает, и у берегов на сотни метров обнажается дно.

— Но именно у нас, на Дальнем Севере, в Пенжинской губе Охотского моря, — говорили мне, — приливы и отливы бывают особенно интенсивны. Этот залив имеет форму постепенно суживающейся воронки. Прибывающей во время прилива воде тут некуда растекаться, и она поднимается на очень большую высоту.

Это самое большое изменение уровня моря у берегов СССР. Это огромное количество энергии, которую предстоит использовать человеку в будущем.

СОЛНЦЕ

Северная пустыня, страна ледового безмолвия, глухомань, — так называли Дальний Север прежде. Совсем недавно пришли в этот край советские люди. Сплощенные в коллектив, обогащенные знаниями, вооруженные техникой, они не только изучают, осваивают, но и переделывают природу Севера.

И вот я снова у старого пастуха-чукчи Рыктылена.

— Ты не докончил сказки. Кто солнце?

— Солнце? — чуть улыбаясь, переспросил он. — Это Советская власть. Теперь ты видел мою страну и мой народ. Иди и расскажи о моей сказке, о моем крае всем людям.

НЕДОРАЗГАДАННЫЕ ЗАГАДКИ

КТО МАСТЕР

К. КОСТРИН,
профессор

Великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов был разносторонне одаренным человеком: поэтом и художником, астрономом и географом, химиком и физиком, историком и филологом, инженером и технологом-организатором производства. И во всем проявил себя не только как гениальный теоретик, но и как талантливый экспериментатор. Он не только сам конструировал, но и собственноручно изготовлял различные приборы, приспособления и инструменты для физических, химических и астрономических опытов и исследований, всегда стремясь создать их максимально простыми. Нередко он приспособивал для научных целей обычную утварь бытового назначения.

Из литературы я знал о том, что Ломоносов занимался опытами по перегонке нефти. Очень хотелось найти прибор, с помощью которого он проводил свои исследования. Много лет я искал его, перерыл горы архивных дел — безрезультатно. А недавно в Государственном историческом музее, узнав о цели моих розысков, мне сказали:

— Да он же у нас, в фондах, этот прибор!

Нечего говорить о моей радости. И вот он передо мной — лабораторный перегонный куб великого ученого.

Это медный сосуд цилиндрической формы с навинчивающейся латунной литой пробкой, в ко-

торую впаина под углом медная трубка. Стенки куба украшены оригинальным, изящно выполненным стилизованным орнаментом. Среди старинно-русского «травного» узора, на цилиндрической поверхности кубика с одной стороны изображен двуглавый орел, с другой — выгравирована надпись: «М. В. Ломоносов. Академия Ст. Петербурх».

Нижняя часть куба покрыта темным налетом от нагревания на огне. На его днище три клейма: «Сибирь», «1748» и «МФК». Высота куба — 28 см, диаметр — 16 см, емкость — 4 литра.

С первого же взгляда видно, что куб вначале предназначался для другой цели. Об этом свидетельствуют и форма сосуда, и трубка из иного металла, явно позднее припаянная к его пробке, для отвода выделяющихся при перегонке паров. Научные работники музея установили, что куб изготовлен из медной «четверти-

ны» — посуды, в которой в XVIII веке обычно хранили жидкости.

Ломоносов не только превратил «четвертину» в перегонный куб, но и любовно украсил его чеканным узором, рисунком и надписью. Ломоносов-художник широко известен по его мозаичным картинам. Перегонный куб — новое свидетельство его научно-экспериментального и художественного мастерства. Ученый хотел, чтобы его приборы были не только удобными и эффективными в работе, но и красивыми.

Здесь стоит вспомнить, что замечательный современник Ломоносова А. К. Нартов — создатель первых в России «Лаборатории механических и инструментальных наук» и «Механической школы», основоположник мирового станкостроения, учитель токарному делу Петра Первого — также собственноручно украшал свои станки орнаментами, барельефами, гербами, резьбой и гравировкой.

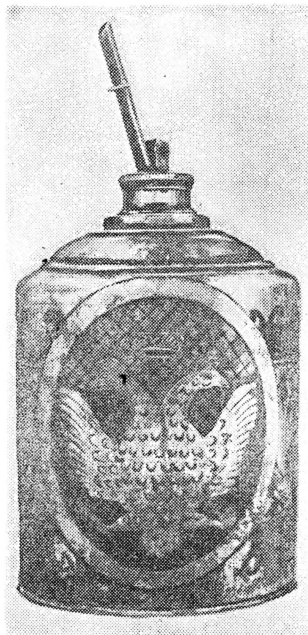
Но что значат три чеканных клейма на днище перегонного куба Ломоносова?

«1748» — это год изготовления посуды-«четвертины». В этом году она была сделана и в этом же году куплена Ломоносовым. В архиве Академии наук сохранился «реестр вещей и материалов» лаборатории Ломоносова. В нем записано: «Медный кубик в четверть ведра с трубкой, куплен в 1748 г. за 3 рубля 60 коп.».

Слово «Сибирь» (именно «сибирь», без мягкого знака и написанное не русскими, а латинскими буквами) — «фабричная марка» уральских заво-

дов Демидовых. Оно было начертано и на фамильном гербе Демидовых. На одном из 55 демидовских заводов и была изготовлена «четвертина», превращенная Ломоносовым в перегонный куб.

«МФК» — это личный знак мастера, изготовившего «четвертину». Буква «М» обозначает — «мастер», «Ф» — имя, «К» — фамилия. Уральские мастера в XVIII веке на своих изделиях ставили такие знаки. В наших музеях можно найти и другие медные изделия с клеймом «МФК» с различными датами изготовления — до 1765 года, но инициалы «ФК» пока не расшифрованы. Установить по архивам демидовских заводов имя и фамилию мастера, изготовившего лабораторную посуду для Ломоносова, — вот интересная задача для уральских следопытов!

УРАЛ

Далек Ленинград от Урала — две тысячи километров разделяют их, тридцать градусов географической долготы (на уровне 60 градусов северной широты). И, казалось бы, что может быть общего у бывшей столицы Российского государства с далекой его окраиной?

А между тем...

Уральские улицы

Однажды в Ленинграде я встретил старого знакомого, земляка.

— Заходи! — приглашал он. — Живу на родной тебе улице, Уральская называется!

— Есть и такая? — удивился я.

— Есть, и не одна... Приезжай, посчитаем, сколько их у нас.

Вечером того же дня я разыскал на северо-западной окраине города, на острове Декабристов, что за рекой Смоленкой, улицу с родным мне названием.

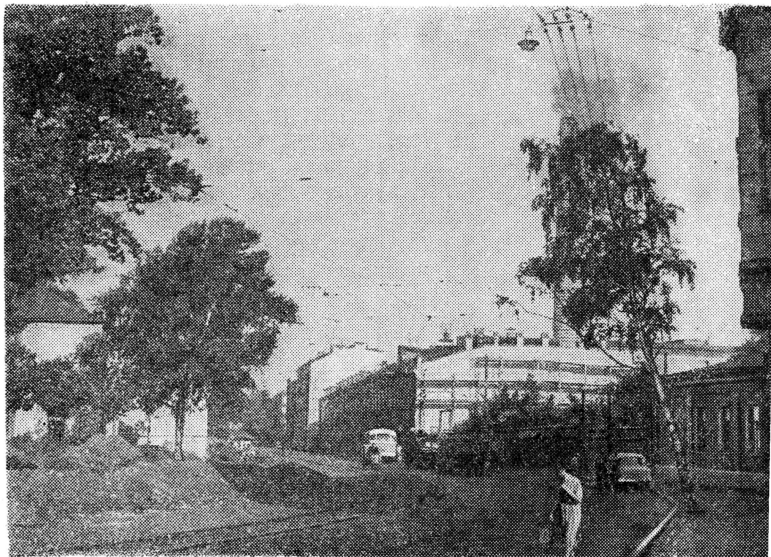
Это была довольно длинная, не очень прямая и не очень благоустроенная неширокая улочка, чем-то и в самом деле напоминавшая в Ленинграде наш край. Может быть, тем, что то на одной, то на другой стороне ее встречались небольшие заводики, каких немало можно было видеть на старом Урале. Может быть, — гранитными плитами на тротуарах и кудрявыми акациями вдоль них.

Приятель рассказал мне и историю улицы. На плане города она появилась впервые в 1806 году, пока еще без названия. Но какая же улица проживет долго без имени — хоть как-то да назовет ее народ! В 1840-х годах ее именовали Проезжей, позднее — Винным переулком (по винному заводу и складам при нем), и только где-то в промежутке между 1877 и 1887 годами она получила официальное имя — Уральский переулок. И, наконец, в 1890 году переулок возведи в ранг улицы.

Улиц с уральскими именами оказалось еще

несколько. Есть Челябинская, Магнитогорская, Тобольская, была улица Пермская (в 1949 году переименована в улицу академика Графтио). И если Челябинская и Магнитогорская улицы названы так уже в наше, советское время, то остальные — Уральская, Тобольская, Пермская — задолго до этого.

Улица Уральская в Ленинграде

Значит, знали и помнили издавна, уважают и ценят и сейчас ленинградцы наш край, если столько улиц своего города называли уральскими именами.

— Но это еще не все, — сказал мне приятель после нашего «путешествия» по уральским улицам. А разве не «уральская» — улица Решетникова, названная в честь писателя-демо-

В ЛЕНИНГРАДЕ

На этом доме 22 мемориальных доски.

крата, нашего земляка? А улица изобретателя радио профессора Попова? А сквер Вороникина, улицы Чайковского, Толмачева, Хохрякова?

Да, конечно, многие наши земляки, чьи имена по праву заняли почетное место в русской истории, памятливы ленинградцам. Здесь протекала литературная деятельность Ф. М. Решетникова — в подвале Апраксина рынка и в доме № 40 по Литейному проспекту, недалеко от редакции «Современника», он написал свои основные произведения. Здесь учился в университете, преподавал в электротехническом институте и работал над своим гениальным изобретением уроженец Турбинских рудников А. С. Попов. Гордость Ленинграда, замечательные архитектурные творения — горный институт и Казанский собор — созданы строгаповским крепостным А. Н. Ворониным. В боях за красный Петроград погиб герой гражданской войны екатеринбуржец комиссар Н. Т. Толмачев. Его могила — на Марсовом поле, почетном месте погребения героев революции. В Ленинграде и в его пригородах прожил последние годы жизни Д. Н. Мамин-Сибиряк. Он похоронен, как и многие его земляки, на кладбище Александроневской лавры.

Мы немножко поспорили с приятелем — считать ли «уральской» улицу Хохрякова. Балтийский матрос, уроженец Вятской губернии, герой гражданской войны на Урале, он может считаться и ленинградцем, и кировчанином, и уральцем. Но сошлись на том, что он одинаково дорог всем, и мы, уральцы, тоже можем считать его своим земляком.

По набережной Невы

С тех пор, бродя по Ленинграду, я уже более пристально вглядывался в знакомые мне ранее места и все чаще и чаще находил в них наше, уральское. Двух с половиной вековые связи старой русской столицы с краем добытчиков и умельцев, родиной многих замечательных людей, оказались многочисленными и разнообразными.

...Мы перешли Дворцовый мост и идем по Университетской набережной, одвой из старейших улиц Ленинграда. Налево — «Невы державное течение», прямо — «береговой ее гранит», направо — знакомые с детства по тысячам фотографий, рисунков, картин дома.

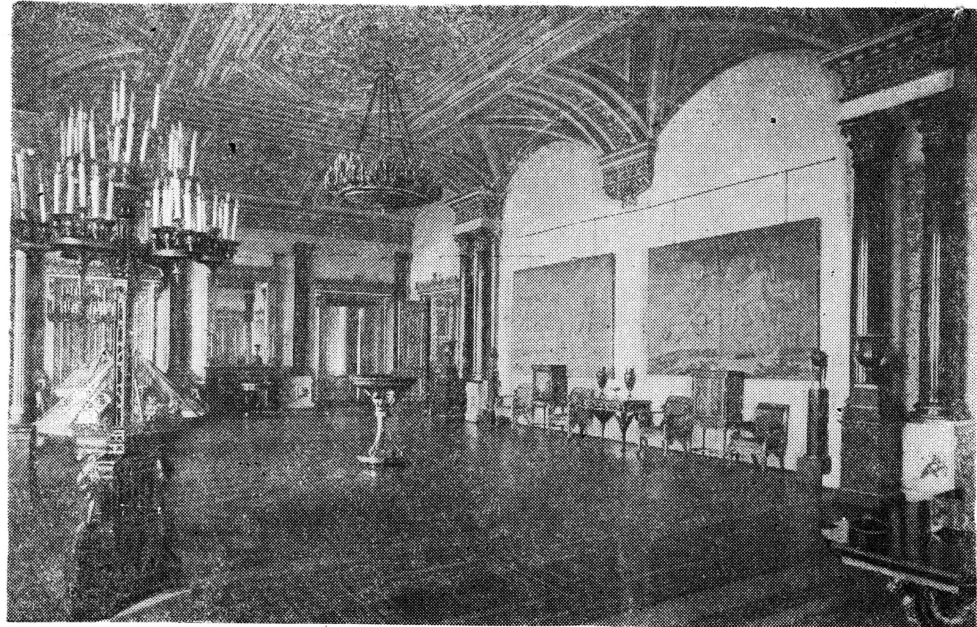
Вот старинное здание со ступенчатой восьмигранной башней, увенчанной глобусом. Музей антропологии и этнографии. Да ведь это «Петровская кунсткамера», первый русский музей, колыбель нашей Академии наук! Здесь работал Михайло Васильевич Ломоносов.

Так и кажется, что сейчас из переулка выйдет он — грузноватый, широколицый, опираясь на массивную трость, откроет эти тяжелые двухстворчатые двери, поднимется к себе и, сбросив парик и камзол, засучив рукава рубашки, сядет за рабочий стол, где уже приготовлены мешочки с пробами руд, с воспетых им «верхов Рифейских» (гор Уральских).

Большие надежды возлагал отец русской науки на Урал — собирал образцы уральских руд, исследовал их, настаивал на широком геологическом обследовании края. И с далекого «Жаменного Пояса» шли сюда мешочки с рудами, образцы минеральных богатств.

...Почти рядом, пройдя дом Академии наук, — университет. Когда-то это здание — «двенадцати коллегий», высших государственных учреждений. Фасад его, выходящий на Менделеевскую линию, протянулся вдоль ее почти на полкилометра. Архитектор Трезини, построивший здание, расчленил его на 12 самостоятельных,

Малахитовый зал в Зимнем дворце.

но связанных между собой частей. В одной из них помещалась «Берг-коллегия», ведавшая горным делом в стране, то есть, главным образом, уральскими горными заводами. Позднее здание передали университету. На протяжении полутора столетий в нем училось и работало много наших земляков.

Может быть, вон у того самого окна своего кабинета (сохраняющегося и поныне) стоял в раздумьи, поглаживая седую бороду, наш земляк Дмитрий Иванович Менделеев — обдумывал план поездки в край, пристальное внимание к которому не ослабевало всю жизнь.

Где-то здесь слушал лекции юный студент из бурсаков Дмитрий Мамин, ставший известным потом как писатель Сибиряк.

А вот и здание Академии художеств — напротив удобно расположившихся на набережной величественных сфинксов, привезенных сюда из древних Фив, с берегов Нила. С волнением смотришь на него, вспоминая, как некогда к этим заветным дверям с трепетом подходили приехавшие за две тысячи верст скромные уральские парни — выходцы из Нижнего Тагила, Златоуста, с Прикамья, крепостные горнозаводских царьков Демидовых, Строгановых, Всеволожских... Живописцы Худояровы, архитекторы Воронихин, Связев — здесь развилось и окрепло их мастерство, страсть к которому зародилась еще там, на родном Урале, в среде талантливых мастеров-умельцев, что и в «черной» работе своей умели увидеть и оценить красоту, украшающую человека.

В музее Академии можно найти студенческие работы будущих замечательных мастеров кисти, резца, архитектурного циркуля. И если в первых залах вас остановит курсовая работа уроженца Уктуса, впоследствии известного художника А. И. Корзухина, то несколькими залами дальше вы встретитесь с дипломной работой его земляка Г. С. Мосина, исполненной на 97 лет позже — в 1957 году. «Уральский сказ» — называется эта картина, навеянная сказами Бажова.

...Еще несколько домов, и перед нами ничем внешне непривлекательный дом на углу 7-й линии Васильевского острова и набережной лейтенанта Шмидта. Но, подойдя поближе, невольно останавливаешься, удивленный. На этом небольшом по современным масштабам здании двадцать две мемориальных доски!

Это истинно «академический дом»: в нем в разное время жили многие известные наши ученые-академики, начиная с физика В. В. Петрова, основоположника русской электротехники, кончая великим физиологом И. П. Павловым. А на двух досках запечатлены имена А. Е. Ферсмана и А. П. Карпинского — людей, так много сделавших для Урала.

В самом конце набережной — одно из красивейших зданий города — знаменитый Горный институт. С его историей связаны имена многих уральцев. Проектировал и строил его А. Н. Воронихин, в его аудиториях получили образование А. П. Карпинский, Е. С. Федоров, П. П.

Могила Н. Г. Толмачева на Марсовом поле.

Аносов и большинство горных инженеров Урала. Здесь преподавал бывший строгановский крепостной, академик архитектуры И. И. Связев.

Весь второй этаж огромного здания занимает Горный музей. Среди диковин, восхищающих ученых всего мира, в нем много даров Урала. Вот глыба малахита с Гумешек, весом 1504 килограмма — кажется, самая большая в мире. Вот кристалл-уникум горного хрусталя, весом полтонны, взятый в окрестностях Свердловска, гигантский аметист из Мурзинки, чудесные пиритовые друзы из Березовска, первые алмазы Урала, минералогическая горка, созданная другом Мамина-Сибиряка художником А. К. Денисовым-Уральским.

Особо интересна коллекция слепков знаменитых золотых самородков Урала, начиная с «Большого треугольника» и кончая «Заячьими ушами». Ведь именно в «Музее» горного института в свое время хранилась и пополнялась единственная в мире коллекция русских самородков. В 1841 году в ней насчитывалось 886 самородков, общим весом свыше 27 пудов.

Камень Урала — одно из примечательных богатств края — представлен здесь так широко, что невольно испытываешь чувство гордости за свой край.

Даже в недрах Ленинграда, глубоко под землей вы можете встретить камни Урала. Да, да — и под землей! Спуститесь в метро на станции «Технологический институт». Легкие, стройные колонны вестибюля облицованы белым уральским мрамором. Именно он создает в подземном зале впечатление простора и высоты.

В Малахитовой палате

Но, вероятно, больше всего уральского камня в Эрмитаже, этом богатейшем мировом музейном хранилище, гордости нашей страны.

Гаубица № 6821 —
подарок уральцев фронту.

На несколько сот метров протянулись четыре его здания вдоль набережной Невы. Крупнейшее из них — Зимний дворец — имеет свыше тысячи комнат.

И почти в каждой из них — камни Урала или изделия мастеров нашего края. Единственные в мире — то по величине, то по красоте, то по мастерству работы — вазы из яшмы, орлеца, малахита, лиственита, мрамора. Изделия из цветного и драгоценного камня. Облицовка стен, колонн, каминов.

Есть во дворце Малахитовый зал. Та самая «...в царском дворце палата, коя здешним малахитом изукрашена», где бажовская Танюшка из «Малахитовой шкатулки» велела барину Турчанинову показать ей царицу. Как не прослышать было о ней уральским мастерам, из рассказов которых П. П. Бажов черпал материалы для своих сказов — ведь малахит-то наш, уральский.

Правда, сразу же надо сделать одно уточнение. Малахит здесь не с Гумешек, родины сказа, а изпод Нижнего Тагила, с Меднорудянского рудника. В 1836 году там нашли такую огромную глыбу малахита, о каких прежде «ни слыхом слышать, ни видом видать» не доводилось никому. Как потом оказалось, свыше

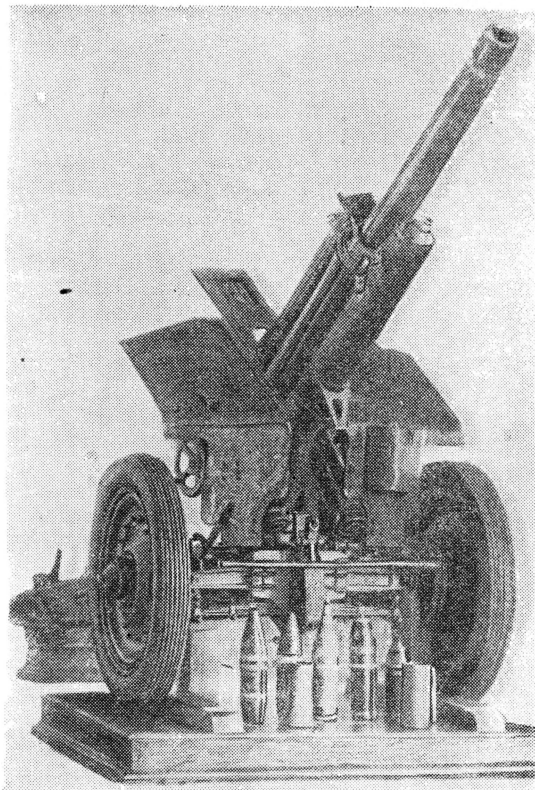
15 тысяч пудов — 250 тонн весила она. Добыть ее из земли целиком нечего было и думать при тогдашней технике. От глыбы отбивали куски в 1—2 тонны весом и так, по частям, извлекали наверх.

Пока редкостную находку «осваивали», в столице случилось несчастье: в 1837 году огромный пожар почти уничтожил Зимний дворец. Его пришлось заново перестраивать и отделывать. Весть о тагильской глыбе пришла как нельзя кстати. Архитектор А. П. Брюллов, руководивший отделкой дворца, решил впервые в истории применить малахит для декоративного убранства помещения. Он выбрал для этого один из залов, облицованных до пожара яшмой.

Меньше чем через два года работы были окончены, «малахитовая палата» предстала во всей своей красе. Стоишь сейчас в ней и не знаешь, чем больше восхищаться: неповторимой переливчатой игрой замечательного уральского камня, богатством выдумки и вкуса архитектора или трудом мастеров, умевших проникать в душу камня.

Восемь бархатно-зеленых колонн по длинным сторонам зала и восемь таких же пилястров — по коротким сторонам его, два малахитовых камня в сочетании с белым мрамором,

Малахитовая ротонда
в Эрмитаже.

бронзой, зеркалами, со светлым наборным паркетом из редчайших пород дерева, — создают эффектное впечатление. А собранные здесь поистине редкие изделия из малахита — вазы, столы, часы, шкатулки — позволяют залу по праву считаться музеем этого русского камня.

Но как не вспомнить в этом зале, выходящем окнами на Неву, еще и другое.

...Историческая ночь с 25 на 26 октября 1917 года, открывшая утро новой эры человечества. Здесь, в бывших апартаментах цар-

ской семьи, заседает, дрожа от страха, Временное правительство. Выстрел «Авроры» заставил министров сбегать в комнату рядом. Не то чтобы там было безопаснее, а, вероятнее всего, потому, что на тихий внутренний дворик дворца, куда выходили окна комнаты, было спокойнее смотреть, чем на бурную Неву, Петропавловку с «Фонарем восстания» на бастионе, на грозовые всполохи революционного Питера, видные из малахитового зала. Здесь, в беломраморной царской столовой, и раздали исторические слова:

Которые тут временные?

Слазь!

Кончилось ваше время.

Бывшие министры бывшего правительства проследовали отсюда в Петропавловскую крепость, где они «заседали» уже поодиночке, решая теперь не судьбы русского государства, а только лишь свою собственную судьбу.

Есть в Зимнем дворце еще один экспонат из уральского малахита, но о нем в справочниках и путеводителях по музею пока еще ничего не найдете. Он появился здесь недавно, хотя по возрасту — почти ровесник малахитовому залу. Это ротонда в аванзале, открывающем анфиладу палат дворца сразу же после парадной «Иорданской» лестницы. Восемь малахитовых колонн поддерживают легкий изящный купол, внутренняя поверхность которого отделана ярко-синим лазуритом, создающим впечатление безоблачного неба. Пол ротонды выслан мозаикой из мрамора, яшмы, орлеца, лиственита — уральских цветных камней.

Редкостное произведение русских камнерезов и гранильщиков было подарено Демидовым Николаю I для Зимнего дворца, но попало почему-то в Таврический дворец, а потом, почти через тридцать лет, — в Александро-Невскую лавру. И только в 1958 году, после основательной реставрации, оказалось, наконец, там, куда было предназначено.

Чудо-карта

Чаще всего карты бывают бумажными. Иногда их печатают на материи. А эта, необыкновенная — каменная.

...Вспоминается ее история. В декабре 1935 года в газетах появились заметки: «Оргкомитет выставки «Индустрия социализма» предполагает поручить Свердловской гранильной фабрике изготовить карту СССР из уральских самоцветов». Называли и человека, подавшего эту мысль, — Серго Орджоникидзе.

Почетный заказ был принят фабрикой. Началась подготовка: изыскивали материалы, собирали старых мастеров, разрабатывали технологию, готовили механизмы и приспособления. Вспомнили, что похожую работу фабрика уже выполняла: в 1898—1900 годах наши мастера изготовили в подарок Франции небольшую карту этой страны.

Оказалось, что из числа восьми мастеров, трудившихся тогда над подарком для Франции,

трое — братья Татауровы и Семенов — до сих пор работают на фабрике. Они первыми изъявили желание работать над картой «Индустрия социализма».

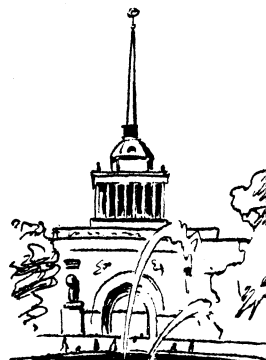
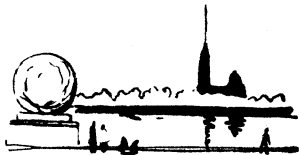
В октябре 1936 года фабрика приступила к выполнению почетного заказа. Яшма из Орска, амзонит из Ильмен, орлец из Седельниковой, переливт из Шайтанки, змеевик с Сарановского месторождения... ящик за ящиком шли на древнейшее предприятие Свердловска — «Гранилку», как любовно называли ее горожане. Строгие седоусые мастера придирчиво осматривали образцы камня, прибывавшего с разных концов края. Рубины для обозначения предприятий черной металлургии гранил потомственный гранильщик Воронов. «Цветную металлургию» — Зверев, сын знаменитого горщика. Альмандины для «электростанций» готовил старый мастер Овчинников — он лет двадцать до этого оставил работу на фабрике, а теперь не утерпел, пришел, стал к станку: «Дозвольте и мне, раз такое дело...» Рубины гранили мастера Нехорошков, Боровских, Фролов, за плечами которых стоял почти полувековой «каменный стаж». Над огранкой аметистов трудился Ожгибесов.

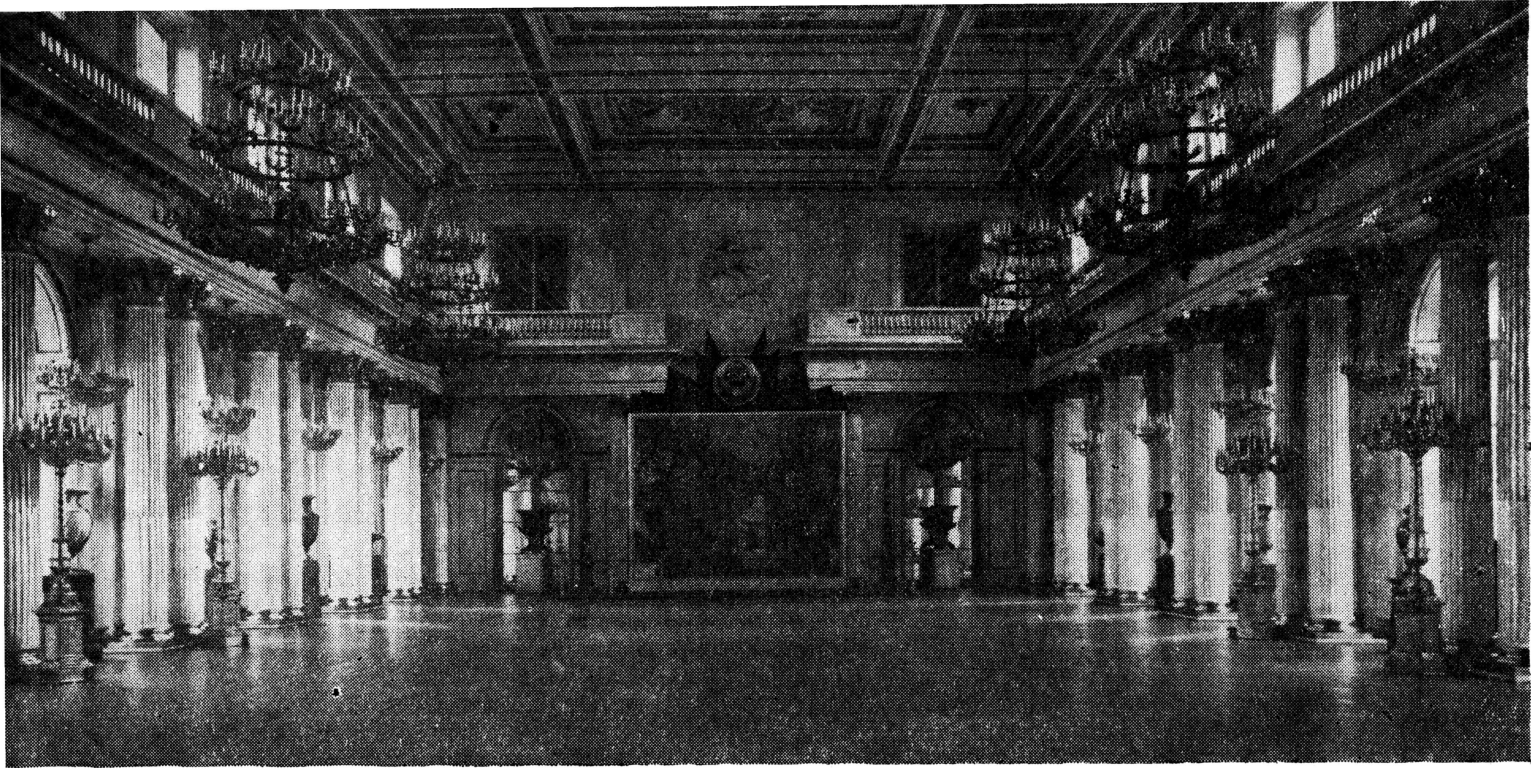
К марту 1937 года последние камни были запакованы в ящики и отправлены в Ленинград. Там под руководством художника Бродского, одного из авторов проекта карты, десятки мастеров-мозаичистов принялись за монтаж.

В 1939 году карта побывала на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Гранильщик В. А. Семенов, принимавший участие в установке ее в Америке, рассказывал, что карта вызвала восторг американцев. Книга отзывов сохранила восхищенные впечатления о «Чудо-карте с Урала».

...И вот теперь эта чудо-карта — в Эрмитаже, в Георгиевском (или Большом тронном) зале Зимнего дворца, на том самом месте, где некогда стояло тронное кресло русских императоров, как бы символизировавшее самодержавную власть страны.

Она и в самом деле замечательна! Мозаичная каменная плита, площадью 27 квадратных метров, смонтирована из 45 тысяч кусочков камня на металлическом каркасе в раме из белого мрамора с бронзовым багетом. Разделенная серебряными меридианами и параллелями на 98 секторов, она в точности повторяет карту нашей великой Родины. Коричневая и зеленая яшмы различных оттенков рисуют рельеф точно так же, как мы видим его на учебной физической карте. Белорецким кварцитом выложены пески и пустыни, лазуритом — моря, океаны и реки. Вечные снега горных вершин сверкают на карте накладными опалами. Орлецом и сургучной яшмой помечены границы государства, гранеными рубинами —

Карта из уральских самоцветов в Эрмитаже.

границы республик. На Северном полюсе сияет рубиновый флаг, полярные станции изображены серебряными звездами с горным хрусталем в центре. Москва обозначена большим синтетическим рубином с алмазными серпом и молотом. Ленинград — красивым большим александритом, горящим днем зеленым, а вечером, при искусственном свете, — красным цветом. Четыреста пятьдесят золоченых звезд с рубином в центре — четыреста пятьдесят главнейших городов страны. Оксидированным серебром проложены железные дороги.

С годами карта — увя! — все более старела. Нет, старели не камни, их удел — вечность. Изменилась география страны: появлялись новые моря, новые города и дороги, и, конечно, все новые и новые предприятия. Карте пришлось «догонять жизнь» — ее решили подновить, чтобы отметить все изменения в географии и экономике Родины. Ученики Ленинградского художественно-промышленного училища прекрасно справились с этой задачей. На какое-то время карта идет в ногу с жизнью. Но всем ясно, что это не надолго: каждый новый день быстротекущей творческой жизни нашей страны меняет ее облик. И, конечно, никто не будет досадовать на это — таким причинам реставрации можно только радоваться!

Грозные дары

Не только камнем славился Урал. Не только «каменной кладовой» служил он Родине. Издавна его величали еще и «арсеналом страны». Не

раз в лихую годину он помогал ковать победу над врагом в своей исполинской кузнице — в многочисленных заводах и фабриках, готовых в любую минуту сменить мирную технологию на требуемую задачами дня. «Уральские гостинцы» памятли многим непрощенным гостям — добрые пушки и ядра, сабли и... кое-что другое готовили наши мастера-умельцы. А Ленинграду — городу-форпосту не раз приходилось «вручать» эти подарки «гостям», когда он принимал на себя первые удары врага.

...В просторных залах бывшего Кронверкского арсенала, что позади Петропавловской крепости, разместился Артиллерийский исторический музей — хранилище русской военной техники. Чугунные и стальные земляки и землячки, мирно покоящиеся здесь, могли бы рассказать многое.

Вот неуклюжая небольшая пушка, верно послужившая в свое время пугачевским войскам. Она была специально изготовлена рабочими одного из уральских заводов в дар вождю крестьянской войны, охватившей огромную часть страны. Возможно, что когда-нибудь и сам Емельян Иванович, умелый артиллерист, любивший по старой памяти «побаловаться огньком», нацеливал ее на крепости противника.

В том же зале музея — орудие, отлитое «из железа наподобие стали» уральским мастером Яковом Зотиным. Год рождения пушки примечателен — в 1812 году такая продукция была особенно необходима русским войскам для защиты от полчищ Наполеона, мечтавшего о мировом господстве. Примечательна пушка и другим: ее считают одной из ранних попыток «ожелезить»

артиллерию. Дорогостоящую бронзу, из которой в те годы в основном делали орудия, уральский мастер задумал заменить более прочным, легким и дешевым металлом.

Стоит встретиться в музее и с третьей землячкой — скромной на вид пушечкой, отлитой в 1860 году в Златоусте. В середине XIX века инженер П. М. Обухов, работавший в те годы на Урале, завершил свои опыты по созданию специальной пушечной стали. Для России это было замечательным приобретением — ведь до тех пор такой сталью нас монопольно снабжал немецкий промышленник Крупп, державший в секрете ее технологию. Зависимость, что и говорить, незавидная! Поэтому Обухову после некоторой волокиты предоставили возможности для создания отечественной промышленности специальных сталей. В 1858 году для этого была построена в Златоусте Князе-Михайловская пушечная фабрика. Оттуда-то в 1860 году и вышли первые четыре пушки обуховской стали — плод творческого содружества уральского инженера и крепостных рабочих во главе с мастером Ховриным. 18 марта на заводском пруду у горы Косотур солдаты горной роты опробовали их. Расстреляли большой запас чугунных ядер, сохранившийся на заводе еще со времен севастопольской кампании, но пушки ничем не посрамили себя. В ноябре в Петербурге каналы ствола пушек нарезали и вновь испытали. Четыре тысячи выстрелов сделали артиллеристы, и все же придирчивая комиссия вынуждена была признать, что «правильность полета ядра не изменилась».

Через два года одна из пушек побывала на Всемирной выставке в Лондоне и привлекла там всеобщее внимание специалистов. Еще бы! Помимо всех прочих качеств, пушка из обуховской стали стоила в три раза дешевле крупновской. Ей присудили первую премию — золотую медаль. А после — с чеканной памятной надписью на казенной части ствола — первую русскую стальную пушку установили в «Артиллерийский музей», где она и стоит до сих пор.

С волнением остановишься и в зале, где выставлены орудия-герои, прошедшие многотрудные дороги Великой Отечественной войны. Гаубица № 6821 образца 1938 года — рядовая «работяга» войны. Она изготовлена на средства трудящихся Свердловска и подарена Н-ской артиллерийской части. О многом говорят царапины на ее серо-зеленом теле... Зенитная пушка № 9963, подарок железнодорожников Свердловска артиллеристам-зенитчикам, принимала участие в боях на Дальнем Востоке. Ей пришлось потрудиться меньше, чем соседке, но и ее вклад в дело окончания войны достоин большого уважения и хорошей памяти.

Конечно, не только эти «грозные дары Урала» выставлены в музее, конечно же, многих (еще более замечательных и еще более грозных) и вовсе нет там — их еще рано показывать. Но если понадобится, их в свое время «покажут»: кому следует — на поле боя, а потом — всем! — и в музее.

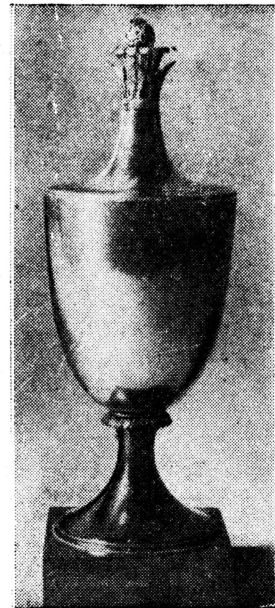
Вчера, сегодня, завтра

Урал издавна знали и ценили. Но было у многих, особенно раньше, к нему какое-то пренебрежительно-покровительственное отношение: «Дикий край, медвежий угол, где ши лаптем хлебуют...» Но, пожалуй, именно в Ленинграде, бывшем столицей страны почти два столетия, где поэтому собрались лучшие плоды русской культуры, убеждаешься, что этот отдаленный край, сравнительно недавно освоенный, где завод и тайга и до сих пор нередко привычные соседи, а «сивка» и утлая сплавная баржа долгое время были единственными видами транспорта, что этот своеобразный, богато одаренный природою край был далеко не таким темным медвежьим углом.

Край удивительных умельцев, край редкого мастерства, умной выдумки, смелых начинаний и памятных свершений — вот каким выглядит Урал в Ленинграде. Таков он и есть!

Слесарь Артамонов, приехавший в Санкт-Петербург на коронацию Александра I на невиданном до того двухколесном самокате. Механик-самоучка Егор Кузнецов, что изобрел и построил хитроумные музыкальные дрожки с верстомером, стоящие сейчас в Эрмитаже. Отец и сын Черепановы — создатели первого русского паровоза, модель которого стоит в музее железнодорожного транспорта. Это все уральцы. Стоило бы вспомнить о том, как башкирская конница защищала Ленинград во время нападения Юденича, а питерские пролетарии — Урал от полчищ Колчака. О том, что ленинградцы изготовляли машины и оборудование в годы первых пятилеток для новостроек Урала; что путиловцы и балтийцы-«парттысячники» помогали нам, вместе с первыми советскими тракторами — продукцией ленинградцев, то наша Уральская дивизия получила звание Гвардейской в боях под Ленинградом.

Мы рассказали лишь о связях **вчера**. Но связи есть **сегодня**, и они будут и **завтра**. Уникальные машины, специальные стали, многие образцы литья, изделия из асбеста, цветные и драгоценные камни, медицинские препараты и многое-многое другое получает сегодня Ленинград из областей Урала. Зато ленинградские изыскатели и проектировщики создают для нас проекты Воткинской ГЭС, комбината Камкабель, железной дороги Ивдель — Обь, радиорелейной линии Москва — Урал, газопровода Березово — Свердловск.

ТРИДЦАТЫЙ МАРШРУТ

Если сердце стучит без подвоха,
Если дерзость тебе по душе,—
Попытайся пройти из Ходжоха
Пешеходной тропой до Аше:

Ты увидишь,
как горные розы
Расцветают по пояс в снегу,
Как калеными стрелами грозы
Норовят тебя сбить на бегу.
Ты узнаешь, как тяжело лавины,
Осыпаясь,

басят на низах,
Как томит обожженную спину
До отказа набитый рюкзак.
Ты пройдешь через семь перевалов,
Где тропа что ни шаг — то тесней.
Оступился —

пиши, что пропало...
Крепко знай:

на такой крутизне
Может камень случайно сорваться —
Вот и нет под ногой ничего;
Может лед захрустеть и податься...
Или вдруг,

в довершенье всего,
Налетят одичалые ветры.
Бросят вызов неравной борьбе...
Полтораста крутых километров
Друг за другом встают на дыбы!
От вершин

и до дна преисподней
Все они за тобою следят:
«Ну-ка, парень,

на что-то ты годен?
И какой в тебе силы заряд?»
Но,

пройдя испытания эти,
Ты ответишь,
что сможешь вполне
Прозвенеть на высокой струне,
Грудью встретить напористый ветер,
Устоять
на любой

крутизне!

Тридцатый туристский маршрут — это пеший переход по западному Кавказу от поселка Ходжох, расположенного близ Майкопа, до базы Аше на побережье Черного моря.

Совершившие этот переход награждаются значком «Турист СССР».

ТАЙНА
ТОЛИ
СТАРОДУБА

ПИЛИП БАБАНСКИЙ

Жил-был в одном городе на Украине парнишка, романтик и немножечко фантазер, будущий следопыт Толя Стародуб. Как-то, возвращаясь домой из школы, он стал невольным свидетелем любопытной сцены: два незнакомца, вспоминая былые боевые дела, говорили о загадочной и подозрительной гибели партизанского отряда близ села Вишняки в дни Отечественной войны. Они высказали предположение, что гитлеровцы сумели подослать к партизанам провокатора, который и выдал отряд.

Толя Стародуб вместе со своей семьей попадает в село. Вместе со своим другом Митько Синицей, выслеживая расхитителей колхозного имущества, мальчик нападает на след предателя.

О том, как действовали бдительные парнишки, чем закончились их усилия, рассказывается в повести украинского писателя ПИЛИПА ДАНИЛОВИЧА БАБАНСКОГО «Тайна Толи Стародуба».

На Урале много выходцев с Украины. Они считают себя истыми уральцами, прославляют наш край большими делами, но не теряют связи с «ридной батькивщиной», интереса к ее литературе. В дни декады литературы и искусства Украины в Москве уральцы горячо приветствуют братскую республику, и «Уральский следопыт» печатает эту повесть. Перевод ее сделан для нашего журнала НАДЕЖДОЙ НИКОЛЕНКО.

Повесть печатается со значительными сокращениями.

ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА УКРАИНЫ В МОСКВЕ

«КРП»

Дмитро, или, как все его звали, Митько, полез в сумку, вынул завернутый в синюю бумагу учебник, а из-под обложки извлек квадратный листок плотной бумаги. Он положил его перед собой и начал читать:

— Мы, члены команды по розыску партизан... — начал он.

— Партизанской землянки... — поправил Толя.

— ...команды по розыску партизанской базы, в скобках «КРП», Анатолий Стародуб и Дмитро Синица, торжественно обещаем найти партизанскую землянку и выловить изменников Родины, предавших гитлеровцам партизанский отряд села Вишняки. Клянемся до конца беречь нашу тайну...

Через минуту, когда были поставлены подписи, Митько снова спрятал за обложку учебника лист бумаги, уже ставший серьезным документом.

Уроки тянулись ужасно медленно, и друзья сидели, словно на иголках. Во время последней перемены они собрались за углом школы. Договорились после обеда пойти в лес, на березовую поляну — провести заседание штаба «КРП» и сразу поискать партизанскую землянку.

Договорившись о встрече, ребята заторопились в класс. Толя, зашнуровывая ботинок, поотстал от друга. Затянув шнурки, он хотел уже бежать вслед за ним, но кто-то совсем рядом произнес его фамилию. Толя оглянулся. Возле забора

учитель Владимир Кондратьевич разговаривал с двумя высокими женщинами. Говорила высокая женщина, с худым и смуглым, как у цыганки, лицом:

— ...Раньше прислали бы нам такого, как Стародуб, зоотехника. Не человек, а огонь! Хоть и сердитый и закричит иной раз, зато и расскажет, и распросит, и покажет, что и как делать.

«Про отца говорят», — догадался Толя.

— Что? Дает вам перцу? — смеясь, спросил учитель.

— Перепадает. Но это ничего. Злее станем — лучше работать будем, — смеясь, ответила женщина. Потом оглянулась и прибавила тише:

— А Шептуна, наверное, снимут с заведывания фермой? Шляпа! Вчера ночью у него корм с фермы украли. Виновного пока не нашли.

— Ну и дела! — протянул Владимир Кондратьевич. — А сторож куда смотрел?..

Зазвонили на урок, и Толя побежал в класс. «Нужно обязательно рассказать Митьку о воровстве на ферме», — решил он.

ЗАСАДА

Неделя пролетела незаметно, и вот уже опять суббота.

Наскоро пообедав, Митько и Толя помчались в лес искать партизанскую землянку.

По ветхому мостику переправились через Орлик. Чуть слышно плещется о берег река, омывая корни старых верб, склонившихся над во-

дой. Перед ребятами открылась широкая поляна, поросшая густой, местами пожелтевшей травой. Поляну окружали высокие, неподвижные сонные березы в осеннем золотистом уборе, а там, дальше, в глубине леса, тихо роняли крупные резные листья клены, стояли величавые темно-зеленые дубы.

Они пересекли поляну и скоро оказались возле высохшего болота, поросшего редким кустарником.

Вдруг Толя присел и молча показал в сторону опушки. Среди кустов мелькал низенький худощавый человек с тяжелым мешком на плечах. Он шел по тропе в глубь леса. Выцветшая гимнастерка мелькнула среди деревьев раз, второй и, наконец, совсем исчезла в густых кустах.

И Толя сразу вспомнил незнакомцев, которых недавно видел в городе.

Толя тогда возвращался из школы. Чтобы сократить путь к дому, он свернул во двор и чуть было не наткнулся на двух мужчин. Один — высокий, крепкий, с пушистыми седеющими усами, — стараясь прикурить, раздраженно чиркал спичку за спичкой и громко говорил, будто покрикивал на другого — коренастого в солдатской гимнастерке:

— А ты помнишь, какой день сегодня?

— Ну, четверг.

— Эх, ты! «Четверг»... Не забыл сорок второй год!?

Коренастый опять замигал и, казалось, как-то сжался. А высокий продолжал:

— Ведь там, возле твоих

Вишняков, в этот день в сорок втором погибли почти все наши хлопцы!

— Да, да, припоминаю, — поспешно закивал коренастый.

— «Припоминаю...» Об этом всегда помнить нужно! — сердито пробасил высокий. Потом немного успокоился, закурил, наконец, и сказал:

— Эта история, как говорится, бывшем поросла. Времени после войны прошло много, люди теперь другими делами заняты. Да... А мне вот не дает покоя один вопрос: почему немцам тогда удалось так легко расправиться с нашим отрядом, а? Как ты полагаешь?

— Кто его знает...

— Го-то. Пожалуй, почти никто и не знает. А я вот все думаю об этом. И кажется мне, что...

Высокий помолчал, как бы раздумывая, стоит ли говорить это, и почти шепотом закончил:

— ...что нас тогда предали.

— Кто? — испуганно спросил коренастый.

— В этом и весь вопрос. Вот выйду на пенсию и всю остальную жизнь потрачу

на то, чтобы раскрыть, кто это сделал. Я его, хриstopродавца, непременно разыщу!

Коренастый испуганно втянул голову в плечи.

— А как там наша землянка, цела? — спросил высокий.

— Цела, цела.

— Смотри. Оберегай ее, как музей. Ребятишек своди, расскажи, как их отцы боролись с гитлеровцами.

— Хорошо... Ладно, — зашепшил коренастый. — Будь здоров! — И юркнул в подошедший автобус.

Высокий постоял, посмотрел вслед автобусу. Потом сплюнул и пошел в противоположную сторону.

Рассказав про этот случай, Толя заглянул в глаза товарищу и, облизывая пересохшие от волнения губы, закончил:

— Этот, который в лес ушел, очень похож на того коренастого, маленького. Надо за ним проследить!..

Митько молча кивнул, и они, стараясь не шуметь, двинулись вперед.

К зарослям подходили на цыпочках, почти не дыша, углубились в лес. Долго бродили среди кустов, трижды обшарили березняк и, не

обнаружив даже признаков незнакомца, повернули обратно.

Обоих охватило такое чувство, будто неизвестный человек, сделавшись невидимкой, стоит где-то за деревьями и наблюдает за каждым их шагом. Митьку и Толе хотелось как можно скорее выбраться к реке. Они почти бегом понеслись по тропе.

На лесной опушке Толя остановился.

— Митько, давай об этом никому... А вечером устроим засаду.

— Где засаду? На болоте?

— Да нет, где-нибудь вот тут. Может быть, он ночью из леса выйдет...

Митько постоял, подумал, потом, вдруг круто свернув с тропы, прыгнул в кусты и будто провалился сквозь землю. Толя бросился за ним и увидел глубокую яму, поросшую высоким бурьяном.

— Прыгай сюда.

Большое красное солнце тяжело опускалось за холмы, и ребята заспешили домой: надо было, перед тем, как идти в засаду, показаться на глаза матери Митька.

Дома они плотно наелись, захватили на всякий случай по куску хлеба, и друг за другом незаметно выскользнули на улицу.

Темнело. Из-за леса медленно выплывал на звездное небо узенький серп молодого месяца. В бледном причудливом лунном сиянии каждый бугорок, каждая кочка казались живыми существами. Между деревьями чудилось едва уловимое движение, слышался какой-то шелест и легкие вздохи.

В яму ребята не полезли, а сели на краю ее в траве и, прислушиваясь к каждому шороху, тревожно смотрели на тропинку.

— Толь, ты в сторону леса смотри, а я буду в другую, — распорядился Митько.

Долго молчали. А когда наскучило ждать, закусили и принялись рассказывать разные истории. Но вдруг Митько дернул Толю за рубашку: по тропке со стороны села к яме приближалась темная фигура. Ребята проворно скатились на дно убежища.

А человек подошел совсем близко. Уже можно было различить в тишине звуки его шагов. Они стали удаляться. Ребята поднялись по склону и, раздвинув стебли травы, стали осматривать незнакомца.

Одет он был в солдатскую гимнастерку и такие же брюки. В руках держал увесистую палку. И только когда человек скрылся в лесу, Митько прошептал, пораженный:

— Так ведь это же Левко Яцюк!..

Толя не знал демобилизованного солдата, веселого и работающего жоака сельских комсомольцев Левка Яцюка, поэтому и не понял, почему так удивился Митько.

— Ну и что же, Левко так Левко. За ним пойдём или здесь караулить будем?

— Давай подождём здесь. В лесу темно, и мы ничегошеньки не увидим.

Упала роса, стало холодно, а Левко все не показывался. Трудно было догадаться, делает ли он что-нибудь в лесу, или, может быть, и не заходил никуда, а по тропинке через лес прошел в поле и окольной тропой возвратился в село. Но зачем Левко ходит

ночью по лесу, озираясь, будто вор?

— Митько! А ты знаешь, что в колхозе воры на ферме корм воруют? — неожиданно выпалил Толя.

— Да ну? Кто тебе говорил?

— Знаю... Слушай, а тот с мешком, которого мы видели, тоже в гимнастерке был! Левко и был!..

— Ну-у-у... Не-ет!

— А этот Левко был в партизанах? — спросил Толя.

Митько фыркнул в кулак:

— Что ты! Он ведь только недавно отслужил в армии.

«Значит, тот коренастый, невысокий партизан и Левко — разные люди. А как похожи они. Надо разглядеть Левка днем — тогда все станет ясно».

ВСТРЕЧИ

Толя было свикся с тем, что его родным домом стал дом Митька. А теперь — еще лучше! И у Митька, и у Толи — по два дома. Дело в том, что вот уже третий день, как из города приехала мать. Толя с отцом перевезли весь домашний скарб в село, на постоянное жительство.

Пожалуй, не стоило рассказывать историю этого переезда, но в пути произошла одна встреча.

Почти всю дорогу от города до Вишняков семейство Стародубов проехало без особых приключений.

На последней горе, перед самым селом, когда грузовик с трудом преодолел крутой подъем, отец Толи, сидевший в кузове на вещах, вдруг забарабанил по кабине.

— Что там? — высовываясь из окна, спросил шофер Пилип Карпович. Оказалось, что из кузова выпал стул, и Толя побежал за потерей.

У подножия горы он увидел невысокого человека, державшего в руках их стул. Человек издали поклонился отцу. Толя присмотрелся к незнакомцу и остолбенел: перед ним стоял не кто другой как тот самый невысокий, коренастый мужчина, который в городе разговаривал с усатым великаном. Толя был так поражен, что, забыв поблагодарить, схватил стул и поспешно вернулся к машине.

— Папа, кто это?

Отец проворчал что-то невнятное.

За отца Толе ответил Пилип Карпович:

— Шептун, заведующий фермой.

— Он был... партизаном? — спросил Толя.

— Как будто, — неохотно ответил шофер.

На этом разговор и закончился. Шофер был неразговорчив, а Толя не знал, о чем еще спросить про Шептуна.

Вечером, после новоселья, Толя долго выпрашивал у Митька все о Шептуне. Митько тоже ничего толком не знал.

Чаще всего, идя из школы, друзья заходили к Стародубам, обедали, потом играли и готовили уроки. Но однажды дома никого не оказалось. Дверь была на замке.

— Вон какая-то записка, — сказал Митько и выдернул из щели бумажку. На ней было написано:

«Толя, ключ у тети Кирины. Отомкни квартиру, поешь и будь дома. Приду вечером. Мама».

— Ключ, значит, у нас. Пошли. Там и пообедаем, — предложил Митько.

Кирина Яковлевна, мать Митька, сидела дома. Ей нездоровилось, и она была очень расстроена: все, кто мог, пошли к молотилке, чтобы сегодня закончить об-

молот хлеба. А она вынуждена «толочься» в пустой хате.

— Мамо, а я пойду к молотилке? — спросил Митько.

— Отпустите, — поддержал его Толя и добавил: — Мы ненадолго.

И, не дожидаясь ответа, оба выскочили на улицу и помчались напрямик к фермам.

По обе стороны молотилки стояли две уже начатые скирды. Колхозники поднимали вилами слежавшиеся снопы и подавали их в машину. Один мужчина в выгоревшей на солнце гимнастерке, коренастый и крепкий, с маленькой стриженной головой, что-то весело покрикивал.

Митько толкнул Толю локтем.

— Знаешь, кто это? Вот тот, стриженный?

— Нет. А кто?

— Эх, ты, это и есть Левко Яцюк.

— Тот, который в лесу?..

— Ну да!

Толя с любопытством стал рассматривать Левку, а тот, ничего не подозревая, кричал:

— Эй, голубчики... Шевелитесь скорей, а то снопами забросаю!.. Бригадир, подбрось-ка им еще человека три — не управляются! Чего разглядываете? — обратился он к Толе. — А ну-ка, помогите!

Толя не знал, что нужно делать. Он постоял немного, посмотрел, как Митько, схватив охапку соломы, положил ее в желоб, и тоже бросился помогать.

— Молодцы, ребята! — похвалил их Левко, и Толе показалось, что после этих добрых слов даже молотилка заработала веселее.

Подъехал колхозный грузовик. Старичок весовщик в очках, стуча рычагами ве-

сов, взвешивал мешки с зерном, записывал в книгу. Колхозники грузили хлеб в машину. Среди грузчиков был и заведующий фермой.

Толя, заметив его, отвел Митьку в сторону.

— Вот этот маленький, который глазами мигает, и есть Шептун?

— Ну да.

— Нужно спросить его о землянке.

Пока друзья договаривались, машину загрузили, и Шептун полез в кузов.

— Митько! Спроси, может быть, и нас возьмут?

— Эге, когда вспомнил... Догоняй теперь, — ответил Митько. — Поехал уже.

Подошел другой грузовик. Толя очень обрадовался, когда увидел за рулем Пилипа Карповича.

— Сейчас поедem! — закричал он Митьку и побежал к шоферу.

— Пилип Карпович, возьмите нас. Мы один разик съездим.

— Будете помогать?

— Все сделаем, что скажете, — заверил Толя.

— И мешки на станции выгружать?

— Конечно! Только возьмите!..

— Что ж, придется взять, — смеясь, согласился Пилип Карпович.

Когда машину загрузили мешками с зерном, ребята залезли в кузов и уселись поближе к кабине. К Пилипу Карповичу подошел Левко Яцюк, о чем-то возбужденно пошептался с ним и тоже забрался в кузов.

Машина свернула по свеженакатанной дороге на луга и поехала вдоль болота. Напротив того места, где едва виднелась в камышах тропочка, ведущая к лесу, Пилип Карпович притормозил. Яцюк перекинул ноги через борт, легко спрыг-

нул на землю и через мгновение исчез в камышах.

— Митько! Давай и мы... — предложил Толя.

Ребятам очень хотелось съездить на станцию. Но ведь Яцюк пошел в лес! Надо же, наконец, узнать, что он там делает.

Не сговариваясь, друзья перебрались к заднему борту. Машина набирала скорость. Толя заколебался: ему никогда не приходилось еще прыгать с машины на ходу.

Митько выпрыгнул первым. Толя схватился руками за борт, опустил ноги и повис, не решаясь соскочить. Он слышал, как загремели шестерни, когда Пилип Карпович переключал скорость. Мотор заревел, задние колеса с глухим стуком провалились в ухаб и сразу же выскочили на бугорок. В это же мгновение Толя больно ударился о борт, разжал пальцы и упал на землю.

— Сильно ударился? — спросил обеспокоенный Митько. — Зубы целые? А ну, раскрой рот. Ого, кровь. Больно?

— Э-э-э. — Толя заматал головой, потом сплюнул и сердито сказал: — Ничего, пройдет. Идем скорее...

В лесу было тихо. Только шелестели под ногами опавшие листья, да противно чавкала болотная вода.

Миновав низинку, ребята вышли на поляну. Не успели они обсудить план действий, как перед ними появился Левко. Он посмотрел на друзей и спокойно спросил:

— Вы чего тут бродите?

— Домой идем, — независимо ответил Толя.

— А ну, поворачивайте назад!

Митько заершился:

— А что, нельзя и домой пойти?

— Ну, некогда мне с вами тут, — сердито сказал Левко. — Возвращайтесь назад, да бегом!

Ребята повернули назад, а Митько все-таки огрызнулся:

— Не очень-то.

— Шагайте, шагайте!..

Выйдя на дорогу, ребята оглянулись. Левка на опушке уже не было.

— А может, он тоже партизанскую землянку ищет? — значительно произнес Толя.

— Вряд ли, — протянул Митько.

Толя с досадой подумал о том, что не Шептун, а Левко ведет себя подозрительно.

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

Выходной. Из-за леса медленно встает мутное, будто заспанное, солнце. Над рекой и лугами низко висит туман. Раннее утро, а отец уже ушел на ферму. Толе не спится. Он встает с кровати, одевается и выходит на крыльцо.

В это время во двор вошел высокий худощавый мужчина в новом костюме из темно-синего сукна, такой же кепке и блестящих сапогах. На его морщинистом загорелом лице выделялись черные усы и живые глаза. Это был председатель колхоза Гречаный.

— Отец дома?

— Не...

— А мать?

— Дома!

Председатель постучал в дверь и вошел.

Толе стало скучно. Он вернулся в комнату, взял книгу и устроился с ней на подоконнике. В горнице

Гречаный разговаривал с матерью.

— Так я на ферме и потолкую с ним.

— Посидите, он должен вот-вот прийти, — предложила мать. — А то еще где-нибудь разоидетесь.

— Пожалуй, лучше пождать.

— Он обещал к семи... Да вот он!

Пришел отец. Взъерошив на ходу Толе волосы, он быстро прошагал в горницу, громко поздоровался с гостем и сказал:

— Давай, Сидор Митрофанович, сначала позавтракаем, а потом уж и делами займемся. Ты ведь тоже еще не завтракал?

Толя увлекся книгой, совсем забыл о взрослых, но восклицание отца — «А доказательства есть?!» — заставило его насторожиться.

— В том-то и беда, что... — начал было Гречаный.

— Ага! Нет доказательств? Подожди, не пройдет и недели, как мы найдем настоящих воров! Крепкие кадры тебе нужно на руководящие посты выдвигать. А то...

— Ну, чего ты кричишь? — успокаивал Гречаный. — Вопрос о Шептуне решен. От работы мы его освободили.

— Освободили... После того, как я всем вам головы прогрыз...

Толя даже рот открыл. Вот оно! Освободили Шептуна-партизана? Пилип Карпович, шофер, тоже пренебрежительно говорил о Шептуне.

Прислушиваясь к разговору отца с председателем, Толя не сразу заметил Митьку, входившего во двор. Тот, подойдя к окну, спросил:

— Что там у вас?

— Отец с председателем колхоза разговаривает.

— С Гречаным? Ого, вот так разговаривают! Даже на улице слышно.

— О Шептуне...

«КРП» ДЕЙСТВУЕТ

Митько и Толя после неудачной засады долго размышляли о Левке Яцюке. Кто он — злоумышленник или хороший человек?

Митько все больше склонялся к той мысли, что Лезко ходил в лес ночью по важным, но, конечно, хорошим делам. Не может быть, чтобы вожак вишняковской молодежи, секретарь комсомольской организации колхоза и вдруг — жулик. А, впрочем, кто его знает? Враги умеют маскироваться.

Неясные подозрения друзей неожиданно направились в определенное русло. Помог этому рыжий кот — любимец Толиной семьи.

Кот внезапно пропал. Его уже третий день не было дома. Кот не отзывался ни на грубые окрики, ни на ласковые призывы.

Толя даже запечалился. В самом деле: такой знаменитый кот и вдруг пропал. Грустный пришел Стародуб в школу к самому началу урока и шмыгнул за парту.

На уроке, выбрав удобный момент, чтоб не заметил преподаватель, Толя прошептал:

— У нас Барс исчез. Мать переживает...

— Это рыжий кот? — бесспокойно спросил Митько. — Может, явится?

— Вчера везде вышарил. Должно быть, собаки придушили.

Преподаватель строго посмотрел на них. Митько быстро нацарапал на промокашке: «Его никакая собака не возьмет. После уро-

ков поищем его, по селу пройдем».

Под вечер друзья отправились по селу, шли от хаты к хате и спрашивали хозяев:

— Вы не видели рыжего кота? Пушистый такой, сибирский?

Или:

— К вам не прибулдился кот?

Все отвечали одно и то же: «Нет, не видели».

Так ребята добрались до хаты Шептуна. Она стояла в самом конце улицы; двор был обнесен высоким камышовым забором. От хаты к сараю протянута толстая проволока, с которой свисала тяжелая цепь; конец ее исчезал в будке — значит, кудлатый пес-волкодав спит.

По двору бегали куры, валко прохаживались гуси, разгуливали индюки. Из небольшого хлева доносился стук топора.

Ребята заглянули в хлев и натолкнулись на самого Шептуна. Он ремонтировал загородку для борова, хрюкавшего тут же.

Шептун обернулся и строго посмотрел на хлопцев внимательными глазами.

— Что нужно?

— Мы кота ищем, — ответил Митько.

— Какого кота?

— Ну, такого, сибирского. Вот у него пропал.

Шептун снова принялся за свое дело и сердито проворчал:

— Никакого кота здесь не было и быть не могло. Наш Джек своего кота задушил, а от чужого и хвоста не оставит.

Толя не выдержал и фыркнул.

— Чего смеешься, не веришь? Будете здесь болтаться — он и вам штаны полатает! — пригрозил Шептун.

Собираясь уходить, Толя увидел в углу, у порожка, не-

сколько крошек жмыхов. Толкнул Митька и показал на них глазами. Но тот ничего не понял, и друзья быстро вышли на улицу.

— А ты видел в углу?.. — тихо спросил Толя.

— Что?

— Жмыхи. На ферме жмыхи разворовали. Расскажем отцу?

— А тайна? — напомнил Митько.

— О землянке — тайна. А об этом — можно.

МИТЬКО БОЛЕН

Отца Толя в тот день так и не дождался, — он поздно возвратился с фермы. Только на следующее утро Толя рассказал ему, что видел в хлеву у Шептуна крошки жмыхов.

— Ну и что же? — не понял Иван Кузьмич сына.

Услышав такой вопрос, Толя немного растерялся и неуверенно объяснил:

— Жмыхи ведь с фермы... Может быть, это он?

— А-а, вот оно что! Хорошо, я проверю. А ты не в свои дела не суйся, — спокойно ответил Иван Кузьмич.

Толя передал другу свой разговор с отцом. Уж не напрасно ли они подозревают Шептуна? Отец нисколько не заволновался. А Шептун, как-никак, партизаном был... Неужели такой человек может воровать?..

Разговаривая, ребята шли по берегу речки. После наедливых дождей наступила хорошая солнечная погода, днем было совсем тепло. Водная гладь так и манила к себе, будто не осень была сейчас, а жаркое лето.

Толя присел на траву возле самой воды.

— Не очень холодная, — сказал он, пробуя воду но-

гой, — еще купаться можно.

— Давай по разику окунемся? — предложил Митько.

Но Толя не ответил: он думал о Шептуне. В его представлении опять возникли два человека — высокий, усатый незнакомец и коренастый, сухощавый Шептун. Вспомнилось, как Шептун заспешил расстаться с усатым, — и новая мысль ошеломила Толю.

— Послушай!.. — сказал он таким тоном, что Митько вздрогнул.

— Ты чего?

— А что, если Шептун — предатель! Я тебе рассказывал, как он в городе с усатым разговаривал. Когда тот упомянул про предателей, которые партизан фашистам выдали, Шептун даже в лице изменился, побледнел.

Для Митька такая догадка была столь неожиданной, что он растерялся и молча уставился на друга. Потом проговорил, чуть заикаясь:

— А, м-может, и в самом д-деле!.. Побежали домой! Прямо через реку, так быстрее!

Среди густой осоки, наполовину вытянутая на берег, лежала коротенькая лодка-долбленка. К носу ее была прикована тяжелая цепь. На прогнивших крутых боках темнело несколько заплаток из ржавой жести.

— Вот и пароход! — смеясь, воскликнул Толя.

— А ну, поднатужься: рраз!.. — хлопотал Митько. — Без весла справимся. Садись.

Толя устроился на корме. Митько оттолкнул лодку от берега и прыгнул в нее.

Долбленка неустойчиво качалась. Толя потянулся к проплывающей мимо доске, чтобы взять ее вместо весла,

и нечаянно зачерпнул бортом. Вода хлестнула по ногам, оба, враз поджавшись, накренили лодку на другой бок, и она перевернулась.

Хлопцы очутились в воде.

— Ух!.. Ух!.. — выкрикивал Митько, поднимая тучи брызг. Рядом барахтался Толя.

— К берегу! К берегу! — командовал он.

Доплыли благополучно.

Выйдя из воды, разделись, выжали штаны, рубашки и развесили их на кустах.

Домой друзья пришли, когда уже стемнело. Толя чувствовал себя хорошо, а Митько никак не мог согреться. К ночи у него началась лихорадка, разболелась голова, хлопок закашлял, подскочила температура.

Наутро вызвали врача. Он покачал седой головой и сказал:

— Дело серьезное: двухстороннее воспаление легких...

В ЛЕСУ — ЧУЖОЙ ЧЕЛОВЕК

— Ч-ш-ш! Тише: Митько спит. Ночью ему было совсем плохо. Бредил, тебя вспоминал, — такими словами встретила на следующий день Килина Яковлевна Толю.

— Скоро выздоровеет? — шепотом спросил Толя.

— Скоро...

— Через сколько дней?

— Может быть, через неделю.

Ждать! Мало ли что за неделю может случиться. Толе нужно сегодня, сейчас же, посоветоваться с Митьком, рассказать ему о неизвестном звере, которого обнаружили недавно в лесу возле села. Говорят, зверь

этот небольшой, рыжий, а лазит по деревьям, что тигр. Хвост у него пушистый, как у лисицы. Обитает он в районе березовой поляны. Наверняка это одичавший кот Барсик... Да мало ли что надо немедленно, вот сейчас же рассказать другу.

— Ладно, — с сожалением проговорил Толя. — Пусть спит. Я, Килина Яковлевна, вечером зайду.

Возвращаясь домой, Толя все посматривал в сторону леса. Там где-то и чудной зверь и партизанская землянка...

— Ну, чего нос повесил? — неожиданно услышал Толя голос отца. Иван Кузьмич был в очень хорошем настроении, и Толе вдруг захотелось рассказать отцу про свою тайну.

— Папа! Ты знаешь, кто предал партизан?

— Что-о?... Предал?!

— Ага. Здешних партизан в сорок втором году кто-то фашистам выдал.

— Откуда тебе все это известно?! А ну, рассказывай толком.

Толе ничего не оставалось больше, как передать услышанный им разговор усатого партизана с Шептуном.

— Да-а-а, — невесело протянул отец. — Дела-а-а...

— А мы с Митьком... — начал было Толя. Но вовремя спохватился и не сболтнул о «КРП», о том, что они с другом следят за Левком и Шептуном.

— Что вы с Митьком? — переспросил отец.

— Да мы... нашего Барсика искали и не могли найти, — кое-как вышел Толя из неприятного положения. — Я сбегал в лес? Там, говорят, какой-то рыжий зверь появился. Наверное, он. Мама за него волнуется.

— Тут, брат, моя вина, —

доверительно рассказал отец. — Захожу я на кухню, смотрю, а кот — на столе. Над куриной тушкой старается... Хватил я его веником, а он меня — за палец. Видишь, насквозь прокусил. Тут уж я его — по-настоящему! Вот он и удрал в лес.

Толя побежал к лесу.

В чаще тихо. Горько пахло корой и прелыми листьями. Толя свернул с широкой, хорошо утоптанной тропы на едва заметную стежку, засыпанную листьями, мягко шелестевшими под ногами. Дорогу пересекли густые кусты орешника. Отводя в стороны ветки, чтоб не стегали по лицу, Толя пробрался через заросли и успокоился: впереди показался знакомый трухлявый мостик через речку.

Над быстрым течением с обеих сторон свисали вербы. Толя перешел на другой берег и оказался на березовой поляне, почти круглой, заросшей низкой травой. Кольцом стояли березы, печально опустив голые ветви.

Никакого зверя Толя не обнаружил. Но вдруг почувствовал, что за ним кто-то следит. Стало страшно. Когда на тропе выросла фигура мужчины, Толя чуть не вскрикнул. Перед ним появился человек средних лет, в сером помятом костюме, в стоптанных грязных сапогах. Невысокого роста, светловолосый, длиннолицый, он выпячивал свои толстые губы и говорил немножко в нос.

— Что ты тут бродишь, паренек? — спросил незнакомец, крепко беря Толю за руку.

— Ничего, — смело ответил Толя. — Я... у нас корова пропала, — соврал он и постарался сделать вид, что

плачет. — Пас корову и вот...

— А-а, понятно. Ты один, или с тобой еще кто-нибудь есть?

— Мы с отцом, — опять, теперь уже твердо соврал Толя.

— Та-ак...

Человек внимательно посмотрел на Толю, на палку в его руке и отпустил:

— Ну, иди ищи.

Толя шел сначала медленно, а потом не выдержал и помчался изо всех сил. Ветки нахлестывали его по лицу, а он все бежал. Наконец кустарник остался позади. Толя оглянулся. Никого не видно, ничего не слышно.

«Незнакомец нездешний, — решил Толя. — Чего к ночи в лес пошел? Очень подозрительно!.. Жаль, Митько болен»...

ТОЛЯ В ОПАСНОСТИ

На другой день после уроков Толя опять отправился искать кота. На березовой поляне, как всегда, было тихо и безлюдно.

Но вдруг кусты в стороне зашелестели. Повернувшись на шум, Толя невольно присел и замер, настороженно прислушиваясь. Тихо. Потом снова зашелестели ветви. Толя тихонько позвал:

— Барс!

И замер, прислушиваясь. Опять тихо шелестят кусты, но уже дальше, в глубине леса. Толя всматривался. Вот, далеко-далеко, на дереве мелькнул пушистый хвост. Толя побежал вперед, не спуская глаз с дерева. Дорогу перегородили колючие кусты терна. Среди них вилась заросшая травой и мелкими кустарниками едва заметная, очевидно давно заброшенная тропка. Она

ферма, как собаке пятая нога.

— Неудобно — ищи другого, поглупее. Мы тут ежедневно рискуем, а ты на нас наживаешься.

— Что? Я наживаюсь? Украсть каждый дурак сумеет. А попробуй-ка продать ворованное — с первого же раза попадешься!..

«Так вот где собираются воры! Поганят партизанскую землянку. Но кто же это с Шептуном? Нет, по голосу — не Яцук».

— ...Мели, что хочешь. Только я с тобой больше не знаюсь, — сказал Шептун. — Кому охота в тюрьму садиться?

— Ну так вот, если не хочешь сидеть в тюрьме, то будешь мне помогать, а если хочешь отсидеть лет десять — пожалуйста. Мне завить нетрудно.

— Чего тебе надо? — глухо вскрикнул Шептун.

— Хочу, чтобы ты помог мне организовать настоящее дело. Не крохи подбирать, как это мы сейчас делаем, а подъехать и сразу очистить кладовую. Ясно?..

Чтобы не пропустить ни слова, Толя подался вперед. Но под ногами хрустнула ветка. Голоса в землянке мгновенно смолкли. «Услышали!» — Толя похолодел от страха, но не растерялся и начал потихоньку, задом отступать от землянки. Споткнулся обо что-то, чуть не упал, повернулся, чтоб бежать, но было поздно...

В дверях землянки показался тот самый неизвестный длиннолицый, с которым Толя встретился накануне:

— Паренек, подожди-ка, — окликнул он. — Кому говорю!

Толя рванулся и побежал. Скорей, скорей! Колючки терна цеплялись за рубаху,

больно царапали руки, лицо.

Толя бежал.

Поляна уже близко. Скорее добраться бы до реки!

Толя зацепился за корень и упал, ударившись коленом обо что-то твердое. Не чувствуя боли, вскочил и побежал еще пуще, потому что услышал тяжелое дыхание и топот преследователя. «Сейчас догонит, что делать?» — мелькнула мысль.

И Толя схитрил. Он неожиданно упал прямо под ноги незнакомцу, но тот, спотыкаясь и падая, с разгона сильно ударил Толю сапогом по ноге. Толя тут же вскочил, отшвырнул фуражку, каким-то образом оказавшуюся в руке, и, вскрикнув от боли, опустился на траву.

— Ч-черт! — выругался неизвестный, поднялся и пошел к Толе.

— Дурень... Зачем убегаешь? Идем-ка со мной.

— Не пойду, — упрямо сказал Толя.

— Ну, это ты, любезный, шутишь. Карету подать, к сожалению, не могу, придется идти. — Он схватил Толю за шиворот и грубо приподнял.

— Вставай!

— Ой, нога болит!

— Ничего, как-нибудь потихоньку. Куда спешить?.. А то я и вот так могу...

Он схватил Толю за ухо. Хлопец понял, что убежать ему не удастся. Пришлось подчиниться.

— Давно бы так, — разжав пальцы, сказал неизвестный и повел Толю в землянку.

Землянка была маленькая, воздух гнилой, затхлый, как в старом погребе. Когда глаза привыкли немного к темноте, Толя увидел Шептуна, сидевшего на колоде,

возле грубо сколоченного столика.

— Что, опять корова сбежала? — насмешливо спросил неизвестный.

— Ничего я вам не скажу, — отрезал Толя.

— Так-таки ничего и не скажешь?.. А мы ничего особенного у тебя и спрашивать не собираемся. Скажи, что ты слышал, когда стоял около землянки!..

Толя молчал. И тогда неизвестный изо всех сил толкнул его. Толя полетел в угол на гнилую солому.

— Подумай. Что забыл — припомни, времени у тебя хватит. Мы с тобой еще поговорим, — сказал неизвестный и предупредил: — убежать не пробуй — отсюда не убежишь.

Они с Шептуном ушли, подперев колом снаружи тяжелую дверь землянки.

В ЗЕМЛЯНКЕ КТО-ТО ЕСТЬ!

Толя попробовал подняться, но резкая боль в ноге заставила его остаться на соломе. Стиснув зубы, он потрогал больное место. Дело плохо: нога выше ступни распухла, и ее жгло, будто огнем.

Тогда он встал на здоровую ногу, доскакал до двери и слегка толкнул ее. Она даже не покачнулась. Толкнул сильнее, налег всем телом — в притворе появилась щель.

Толя обрадовался и начал расшатывать дверь плечом. Но она лишь жалобно поскрипывала. Устав, он упал на мокрую земляную лежанку. Мысль о том, что побег невозможен, совсем обессилила его.

Знал бы хоть кто-нибудь

дома, где его искать. Зря Толя никому не сказал, куда идет. Теперь разве только Митько может догадаться. Но у него, больного, не будут спрашивать, а если и спросят, так разве он скажет? И он не видал еще землянки.

Свет, пробивающийся сквозь узенькую щель в двери, медленно угасал. Наступал вечер. Вдруг что-то мягкое коснулось Толиной ноги и замурлыкало.

— Барс! — воскликнул Толя, беря на руки любимого кота. — Барсик! Как ты сюда попал?

Коту, видать, не хотелось ластиться — он высвободился, прыгнул на землю и завожился в углу под столом.

«Яма там, что ли?» — подумал Толя и осторожно пополз под стол. Пусто. Под рукой только звякнула консервная банка. Никакой ямы нет.

— Барсик!

Кот мяукнул где-то сбоку. «Куда же он забрался?» Толя пошарил по стене — наткнулся на что-то холодное, мокрое, скользкое. «Ну, конечно же, это корень какого-то дерева!» Толя ощупал его со всех сторон, в одном месте обнаружил неширокую дыру, нагнулся и заглянул в нее. Сердце радостно забилося: в отверстие просвечивал кусочек звездного неба!

Дырка слишком узка, даже голова не пролезает. Надо расширить отверстие, пока не вернулись те, кто его закрыл здесь. И Толя начал лихорадочно рыть землю руками. Твердая, сухая, она поддавалась плохо, но дыра все же увеличивалась. Звезды, казалось, подмигивали Толе, подбадривали, прибавляли энергии. Отвалился большой ком земли, и его рука внезапно

оказалась на поверхности земли. Пальцы радостно скользнули по росистой траве. Толя ухватился за тонкие кустики, напрягся и с трудом выбрался наружу. Кот Барсик сидел, словно ожидая его.

ВОРОВ РАЗЫСКИВАЮТ

Толя знал, что из лесу ведут две тропинки: одна, хорошо известная ему, — к мостику через речку, другая — через болото на луг. Путь через болото почти не знаком Толе. Лучше, пожалуй, возвращаться из лесу через реку.

Толя пошел медленно: часто останавливался, напряженно вслушиваясь и всматриваясь в темноту. Вот, наконец, и березовая поляна. Он уже собирался выйти из-за последнего куста, как с противоположного берега реки послышались голоса:

— И связал же меня черт с таким олухом! Вместо того, чтобы помогать, ты дело портишь, — говорил кто-то.

— А что я мог сделать, если там сторож, — возражал другой, и в нем Толя сразу признал Шептуна.

— Сторож, сторож! Смотреть на тебя противно.. Трус! Хоть поест тогда принеси. Целый день брожу голодный, как собака.

— Принесу, принесу. Только немного попозже, — успокаивал Шептун.

Толя схватил на руки Барсика и притаился. Двое не вдалеке переходили речку.

Когда они исчезли за поворотом, Толя вышел на тропу. По шаткому мостику перебрался на другой берег, и, ступив на землю, окаме-

нел от испуга: перед ним стоял еще один человек.

— Ш-ш-ш! — предупреждаяще шикнул человек. — Ты почему тут?

Это был Левко Яцюк. Толино сердце сжалось, он онемел и не двигался с места.

— Ты глухой, что ли? — шепотом спросил Левко и взял хлопца за плечо. Утратив равновесие, Толя ступил на поврежденную ногу и, коротко охнув, опустился на траву.

Левко присел рядом и спросил:

— Что с тобой?

Толя хмуро ответил:

— Нога у меня... перебита.

Левко осторожно ощупал поврежденную ногу.

— Ой, больно! — отдернулся Толя.

— Ничего, потерпи... Тут болит?

— Тут.

— Нога у тебя целая, только распухла. Где же это ты так?

Толя рассказал:

— Они меня в землянке заперли... А я убежал.

— Гады! — процедил Левко и отвернулся.

Пораженный, Толя не сводил с Левко глаз. Неужели хитрит?.. Нет, не может быть! — решил он, а с языка слетело:

— Так вы... вы не с ними?!..

— Что? — не понял сначала Левко. Потом, сообразив, улыбнулся. — Чудак ты! Я за ними давно слежу. Давай-ка вот что сделаем. Они никуда не денутся, а тебя нужно доставить домой. Ты можешь идти?

— Потихоньку.

Толя поднялся с земли и сделал несколько неуверенных шагов.

— Э-э, так и до утра не дойдем. Садись-ка мне на

плечи. Я тебя до конторы донесу.

...В конторе было так накурено, что в сизой пелене Толя едва угадал среди собравшихся отца и Гречаного.

— Что с ним? Яцюк! — увидев сына, воскликнул Иван Кузьмич, бросаясь навстречу Левку.

— Он сам все расскажет. А я пойду ребят собирать, — сказал Левко и сразу исчез.

ОН ГДЕ-ТО ЗДЕСЬ!

Ночью Толя долго не мог уснуть, ожидая отца, но так и не дождался. Только утром, проснувшись, он услышал его возбужденный голос:

— ...Предатель... фашистам прислуживал во время войны. Он и партизан выдал.

Толя сбросил одеяло, сел. — Кто? Шептун?

— А-а, наш разведчик проснулся, — улыбнулся отец. — Нет, сынок, Шептун просто — вор и трус. Соберайся — волка ловить.

...Сельский милиционер и несколько колхозников, вооруженных охотничьими ружьями, засели на выходах из леса. Расставили патрульных на дороге к железнодорожной станции и возле выезда на шоссе. Землянку в лесу окружили так, что, казалось, и заяц не проскочит, но неизвестный выскользнул. Кто-то услышал, как зашелестели кусты, все бросились в погоню. Но он как в воду канул.

На другой день «прочесали» лес, но следов не нашли. Пустили собаку, она покрутилась возле землянки, добежала до реки — и все. Шептуна отправили в

районную прокуратуру. Он признался сразу, что исчезнувший предатель приезжал к нему «за материальной помощью». Но никаких делишек сотворить они не успели: помешал хлопец Стародуб.

Днем и ночью колхозники подозрительно присматривались к каждому чужому человеку, а старший конюх дядя Влас, направляясь поздно вечером из конюшни домой, задержал даже самого председателя колхоза Гречаного. Направив на него вместо винтовки палку, он не своим голосом крикнул:

— Стой, кто идет?

ХЛОПЦЫ ДОВОДЯТ ДЕЛО ДО КОНЦА

На очередном заседании штаба «КРП» в команду был принят сын председателя Вадька Гречаный. Хлопцы условились собраться после школы и вместе пойти в лес.

— Все кусты обшарим, а нападём-таки на следы предателя, — сказал Митько.

Встречались на опушке возле заброшенного колодца, обнесенного тонкими трухлявыми жердочками. Колодец круглый, широкий и довольно глубокий, но без сруба: твердая глинистая земля и так не обваливалась. Его выкопали несколько лет назад для полива посаженной здесь капусты, но так и не насыпали: пригодится когда-нибудь. И обнесли жердями, чтобы никто в него не упал.

Теперь одна жердь была сломана, и край колодца под нею обвалился. Митько пришел первым, Толя — за

ним. Увидел друга и бросился к нему.

— Куда лезешь? — крикнул бледный Митько, когда Толя хотел заглянуть в колодец. — И ты хочешь туда провалиться?

— А кто провалился?

Не успел Митько ответить, подошли другие ребята:

— Что случилось?

— Человек, — сказал Митько и показал на колодец. — Мертвый уже...

Вадим Гречаный лег на живот и долго всматривался в колодец. Потом встал и озабоченно почесал за ухом.

— Беги, Толик, в контору. Расскажи все моему отцу, пусть несут веревки и два крепких бревна, чтобы на колодец положить. Надо же вытащить.

Когда из села пришли мужчины — и председатель Гречаный, и Толин отец, и Левко Яцюк, — Левко объявился концом веревки, и его опустили в колодец. За собой Левко потянул конец другой веревки, чтоб объявить погребенного.

— Почему так долго? — нетерпеливо спрашивали сверху.

— Подождите, закурю, — донеслось снизу.

— Нашел время!

— Этот Левко всегда что-нибудь выдумает.

— Ну да, «выдумает». Спуститесь сюда, тогда узнаете! — сердито ворчал Левко. — Тут дышать нечем.. Вытягивайте. Только сначала меня!

Вытащили Яцюка. Он был бледный, руки у него дрожали. С сапог стекала густая бурая грязь.

— Ну, тяните, — хмуроскомандовал председатель колхоза Гречаный.

Медленно показались над колодцем белые спутанные

волосы, искаженное лицо, скрюченные пальцы.

— Он! — хмуро сказал председатель.

Все поняли, что это труп предателя и бандита, странно исчезнувшего после того, как его заметил Толя Стародуб. Колодец посреди поля, предатель бежал от облавы и провалился в него.

ЭПИЛОГ

Идут наши хлопцы по партизанским тропкам, на место гибели партизан, чтобы в день Великого Октября почтить их память.

Вот и партизанская землянка. Она вдруг показывается из-за зарослей, и передние от неожиданности останавливаются. Потом, притихшие, молчаливые, они медленно подходят ближе.

Закрывая дверь землянки, висит на ней огромный венок из зеленых веток ели и ярких живых цветов. Сбоку, на залитой солнцем поляне, стоят празднично одетые люди. Здесь и Гречаный, и Толин отец, и Левко Яцюк. А кто же тот высокий, что, склонившись, разговаривает с Толиным отцом?.. Ну, конечно, это же он! Толя толкает Митьку.

— Видишь вон того уса- того?

— Ну?

— Это тот самый партизан!

Митько кивает головой и восторженно разглядывает высокого крепкого человека с партизанской медалью на лацкане пиджака.

Люди подходят к землянке. Начинается митинг.

Учитель рассказывает хлопцам о том, как в семнадцатом году рабочие, крестьяне, солдаты и матросы сбросили власть панов и установили свою власть — власть Советов. И как в дни Отечественной войны советские люди защищали свою власть от нашествия фашистов.

— Сегодня мы пригласили сюда старого коммуниста — участника гражданской и Великой Отечественной войн товарища Чупрыну. Дадим ему слово.

Старый партизан вышел вперед, задумчиво погладил усы и тихо заговорил:

— Почтим память тех, кто бился за счастливую жизнь народа, кто погиб в этом лесу, защищая от фашистов наш родной край...

В глубоком молчании обнажились седины взрослых, темноволосые и белокурые головы ребят.

— А предателям Родины, пытающимся скрываться от людей, никуда не уйти, — добавил старый партизан в конце своей речи, — потому что и новое поколение хлопцев — бдительно и зорко.

И он пожал руку Толе Стародубу.

На страницах 81 — 84

ЧИТАЙТЕ ГАЗЕТУ СЛЕДОПЫТА!

ТИГР НАСТУПАЕТ

Г. БАБАКОВ

ПОВЕСТЬ

РИСУНКИ В. ВАСИЛЬЕВА

Окончание *

8. КЛЯТВА

Полуденный зной сменился мягкой вечерней прохладой. Цветочные клумбы в газонах расточали густой аромат резеды и душистого табака. На обочинах дороги по главной улице городка вкрадчиво шелестели окрепшие липы.

Учитель Алексей Иванович Жуков любил эти предвечерние часы, располагающие к размышлениям, отдыху, мечтам. Правда, сейчас ему было не до мечтаний. Посматривая поверх развернутой газеты на пустынную улицу, Алексей Иванович ждал своего любимого ученика Сергея Антонова и мысленно готовился к серьезному разговору с ним, сортировал «тревожные факты», перечисленные недавно на заседании исполкома райсовета.

Особенно рьяно выступал на заседании Иван Лукич Дремов. Он прямо-таки метал громы и молнии в адрес неизвестных разбойников и упрекал начальника милиции Ильиных в попустительстве.

— Я-то знаю, что может получиться из этих хулиганов, именующих себя «тиграми!» — негодовал Лукич. — Посмотрим фактам в лицо! Рогдая у меня сперли? Сперли! Но это мелочь! Согласен!.. Евстигнею Потапычу в его собственный огород пустили мыльную воду? Пустили! Это, допустим, баловство. Но, дорогие товарищи, завтра может произойти другое! Принесут ко мне конвертик с письмом такого содержания: «Дорогой или там уважаемый Иван Лукич! Сегодня к восьми часам доставьте к старой котельной, что за городской баней, пять тысяч рублей». Что вы на это скажете?!

— И доставишь! Ей-ей доставишь! — вдруг весело проговорил Ильиных.

— В том-то и дело...—Лукич внезапно умолк, обвел недоумевающим взглядом повеселевшие лица присутствующих и с обидой заключил: — Не шутить, а горевать надо, товарищ Ильиных! Да, да... У вас под носом — я утверждаю! — активно действует какая-то тайная хулиганская организация, а вы шутите. Категорически настаиваю на радикальных мерах! Всех этих «тигров»!..— Иван Лукич сжал пальцы в кулак и тяжело стукнул им по столу.

В комнате наступило короткое затишье.

— А городской парк и аллея лип? Это ведь тоже — «тигр»! — заметил один из горкомхозовцев.

Но это робкое замечание утонуло в шквале негодования многих других:

— Правильно, Иван Лукич! Надо выловить этого «тигра»!..

— У рыбаков монинского колхоза на озере капроновая сеть исчезла! Правда, мелкоячеистая, ею ловить нельзя, но это же опять — «тигры»!

— Что там сеть! — выкрикнул заведующий дорожным отделом, курчавый, низкорослый человек с круглым животом, очень похожим на крупный арбуз, припрятанный под рубашкой. — У меня на днях трактор и трамбовку с участка увели! Машины-ы-ы!.. Понимать надо!..

— Загибает! — поправил его Ильиных. — Твои машины в твоём же сарае обнаружили. Прочитай-ка записку, которая при них была. Что? Не хочешь?! Тогда я напомню, — он достал из полевой сумки затрепанный блокнот, полистал его и громко процитировал: — «Ваши машины, тов. Свиридов, уже месяц стоят без дела под открытым небом. Как сказал поэт: «Их моют дожди, засыпает их пыль, и ве-

* Начало см. в № 9, 1960 г.

тёр волнует над ними ковыль!».. Тигр... Не ковыль, а вы должны волноваться, товарищ Свиридов! Машины — государственная собственность, наши машины! Надо за подобные факты штрафовать руководителей организаций и предприятий. Небось, никто свой холодильник или пылесос на улице не оставит. А машины, что валяются в поле, в десять раз дороже.

— Так ты с «тиграми» заодно? — спросил испуганно Свиридов.

— Я их еще пока не знаю, — ответил Ильиных.

Тут же слова попросил директор промкомбината:

— Товарищи! Дело серьезнее, чем вы предполагаете. Эта банда уже вооружена. На той неделе наши работники из артели «Швейник» на покос отправились. Покосы у них в лесу. Вот они для безопасности ружья и захватили. День поработали, а на ночь — в балаган. Утром просыпаются — нет оружия. Пять двухстволок, будто корова языком слизнула! Пять ружей с большим запасом патронов!.. Я считаю, что наша милиция...

— И это нам известно, — спокойно прервал его Ильиных. — Уголовного дела не вижу. Вот, слушайте, — он вытащил из сумки листок и стал читать: — Сообщение участкового милиционера Федотова. 21 июля утром я обнаружил вышеуказанные ружья у себя в сенах вместе с комплектами патронов. В патронник одного из ружей оказалась вложенная записка. Читаю записку: «Товарищ Федотов! Согласно действующим правилам охоты, утвержденным облисполкомом, ружья конфискованы у горожан — рабочих артели «Швейник» — гг. Лушниковой И. Ф., Самарина К. К., Тешева Л. И., Барзуна И. В., Старанова И. И., которые в неположенное время охотились на водоплавающую дичь. Тигр!»

— Тигр! — выкрикнул Иван Лукич Дремов. Но больше ничего не сказал.

«...Чего доброго, попадут мои «тигры» в историю», — подумал Алексей Иванович, вспоминая заседание исполкома.

Из переулка показались ребята: Сергей Антонов, за ним Наташа с Виктором. Наташа задумчива, а Виктор, отчаянно жестикулируя, то и дело забежал вперед и что-то горячо доказывал Сергею.

— Наконец-то пожаловали, — ответив на приветствие, с шутливым недовольством проговорил Алексей Иванович. — Зову, зову... Или на каникулах вы со мной

уже и не считаетесь?.. Проходите, проходите смелее! Теперь долго не отпущу!

В комнате учителя было тесно, но уютно. У окна, обращенного в сторону фруктового сада, стоял письменный стол, заваленный книгами и рукописями. У одной стены — широченный диван, у другой — книжный шкаф до потолка. Виктор так и зашарил глазами по корешкам книг. Но большинство было произведениями ученых-математиков — Алексей Иванович преподавал математику. Правда, Виктор заметил и целую полку маленьких томиков — «Библиотечки поэта». Да, да, стихов. И так много поэзии Виктор еще никогда ни у кого не видел. Он потянулся было к зеленому аккуратному томику Ивана Бунина, но получил ошутимый толчок в спину и поспешно отошел к дивану.

— Веди себя прилично, — шепнула ему Наташа.

— Это, Виктор, одно из первых изданий Бунина. Посмотри. Там очень любопытные произведения, — проговорил Алексей Иванович, пряча улыбку. — Мне нравится Бунин. В его стихах есть и легкая грусть, и светлая радость, и нежная привязанность к природе.

Мало-помалу завязался разговор. Со стихов перешли к летнему отдыху, к съемкам фильма о природе.

— Сергей не помогает, — пожаловалась Наташа. — Все раскритиковал! Вы помните первоначальные замыслы?

— Поэма о природе нашего края?

— Ничего не осталось от поэмы! Этот одержимый требует, чтобы я снимала боевые кадры, кадры, разоблачающие браконьеров, злоумышленников и... и спасала природу, а не воспевала.

— Он, пожалуй, прав, — согласился Алексей Иванович. — Природу надо беречь. А критика фактами — действенная вещь.

— Критика?! — Наташа даже вскочила. — Пленки у меня кот наплакал! Надо было предлагать это, когда еще над сценарием работали!

— Пленку раздобудем! — вмешался Сергей. — На премиальные деньги купим. А любить надо действительно. Не вздыхать, а беречь!

— Премиальные? Откуда? За что? — удивился Алексей Иванович.

— Волчий выводок в Камышном болоте ликвидировали! — будто бы небрежно, но в душе гордясь, объяснил Виктор. —

Волка и волчат взяли, а волчица скрылась!

— Поздравляю, поздравляю! — Алексей Иванович был искренне доволен успехом. — Выводок?! Уж не после этого ли рейда карикатура в БОКСе райкома комсомола появилась? Кого это вы там изобразили? Не наши как будто?

— Толстый и тонкий, длинный и короткий! — подхватил Виктор. — Туристы-любители! Аполлон Мясников и Василий Дремов!

— Дремов — родственник Ивана Лукича?

— Племянник! Утят сетями ловили!

Наташа рассказала о первой встрече с Василием Дремовым и Аполлоном Мясниковым, о их поведении в городском саду, где они демонстрировали «провинции» новые модные танцы.

— Комсомольский патруль вчера вывел их с танцевальной площадки! Те и не пикнули. А Дремов даже распространяться начал о том, что-де, передовое всегда с трудом пробивает себе дорогу, что настанет день, когда весь мир признает мораль «практичного человека, лишённого предрассудков». Дурак! — заключила Наташа. — Гонор и у того, и у другого, а вот смелости...

— Зато у вас ее хоть отбавляй, — деловым тоном заметил Алексей Иванович. — Об этом-то я и хочу поговорить. Знаете ли вы, что в нашем районе действует какая-то таинственная организация, именуемая себя «Тигром»? Наименование, как видите, очень привлекательное, а дела...

— И дела... — Виктор хотел возразить Алексею Ивановичу, но Сергей так взглянул, что Виктор поспешно умолк.

— По имеющимся сведениям, — про-

должал учитель, — «тигры» натворили... много такого, что граничит с хулиганством.

— Деятельность «тигров» не должна вас беспокоить, — твердо и резко проговорил Сергей. — Они поступают справедливо. Я могу за это поручиться! Это мы, Алексей Иванович, называемся «тиграми», — смущенно добавил Сергей. — Так мы называем наш боевой отряд. У нас уже человек тридцать...

Наступило неловкое молчание. Учитель раньше догадывался, что все это проделки Сергея, но — отряд!.. Это было для Алексея Ивановича удивительной новостью: раньше были только разговоры на эту тему и туманные планы, которые ждали подробной разработки после согласования с руководителями района.

— Могу ли я поступить в отряд? Примете? или по возрасту не подхожу? — наконец проговорил он.

— Мы принимаем всех, кто разделяет наши взгляды, — Сергей повернулся к Виктору. — Кляtvу!

Не без торжественности Виктор вытащил переплетенную в пластмассовые пластины тетрадь-книжку. На ней была выгравирована клыкастая морда тигра. Под рисунком четко выведено:

оТряд
лИквидации
уГрозы
пРироды.

Выделенные крупно вторые буквы каждого слова даже при беглом взгляде читались четко: «Тигр».

Алексей Иванович взял книгу в руки, развернул ее.

— «Я, — громко начал читать он, — с этого момента принимаю под свою охрану великое наследство, которое оставили мне предки. Это наследство — чудесная природа нашего родного Урала!

Понимая ответственность перед грядущими поколениями, я клянусь беречь и пестовать наши реки и озера, горы и долины, леса, поля и луга.

Я клянусь охранять животный и растительный мир Урала!

Я клянусь восстанавливать загубленное и создавать новое, чтобы ПРИРОДА нашего края стала еще богаче и прекраснее, под стать наступающей эпохе коммунизма.

Я клянусь беспощадно, энергично, инициативно и творчески бороться с браконьерами, злоумышленниками и всеми,

кто сознательно или невольно стал врагом ПРИРОДЫ!»

— Где ставить подпись? — спросил Алексей Иванович, закончив торжественное чтение.

9. ВЗРЫВ НА РЕКЕ

Коротки летние ночи. Выслушаешь две-три побывальщины какого-нибудь заядлого рыбака или охотника, и уже зорька тебе подмигивает — за дело братья велит.

Иван Лукич любил поговорить, ошарашить неискушенных слушателей потрясающей историей из своей «бродячей жизни». После ужина он сел на своего конька и стал рассказывать байку за байкой. Шофер, которому все эти похождения были давно известны, курил, время от времени сплевывая на угли. Василий из вежливости слушал дядюшку. Аполлон спал.

— Странный у тебя приятель, — заметил Иван Лукич, когда храп Аполлона заставил его повысить голос. — Молчит, как пень.

— Он и на экзаменах молчит, — ответил Василий. — Даже профессора удивляются.

— Ладно, утром развеселим. Небось, и ты еще не видел настоящей рыбалки. Давай-ка подремлем малость.

Лукич долго еще ворочался с боку на бок, прислушиваясь к плеску волн озера. Дальнее — вдалеке от нашего городка, среди увалов, и ветры там гуляют постоянно.

Перед рассветом возле машины послышался подозрительный шорох. Ивану Лукичу показалось, что кто-то куда-то насыпал, а потом какая-то тень метнулась из кабины машины в чащу. Вскочив, он осмотрел машину, окрестности и ничего не обнаружил.

«Померещилось», — решил он.

Но наутро, когда сунулись за припасенной взрывчаткой, ее под сидением в кабине не нашли. Остался всего один самый маленький пакет в рюкзаке Ивана Лукича. Спорили, спорили — и решили, что забыли взрывчатку дома. Иван Лукич скомандовал своему шоферу быстренько съездить за нею, но тот никак не смог завести машину: в моторе почему-то прекратилась бензоподача.

И поэтому в лодку сели только двое: на весла — Аполлон, на корму — Васька Дремов. Иван Лукич, засучив штаны до колен, остался на берегу. Шофер продолжал безуспешно заводить машину, продавал насосом бензопровод.

Иван Лукич, беспокоясь за племянника, кричал:

— Не мешкай, Василий!.. Бросай в самую глубину!.. А ты, молчун, сразу к берегу, к берегу!.. Поняли?

— Понятно, дядя Ваня!

Васька прилично усвоил дядюшкины наставления. Вот он поднялся, держа в одной руке взрывчатку. Аполлон выгреб на середину озера и развернул плоскодонку. Васька поднес горящую спичку к запалу. Бикфордов шнур вспыхнул, и пакет взрывчатки полетел в воду. Аполлон подналег на весла, и лодка помчалась к берегу. Грохнул взрыв. Вода не взлетела столбом к небесам, а зеленым светящимся конусом поднялась над поверхностью и опала. Взрывчатка угодила в самый центр ямы. Тяжелая плотная волна про-

катилась по озеру Дальнему, сильно ударила в берега и затихла.

Иван Лукич как всегда выбрал удачное место: не прошло и минуты, как поверхность воды закипела от всплесков. Начала всплывать оглушенная взрывом рыба, Васька заметил громадную щуку.

Перевернувшись кверху брюхом, она все еще шевелила плавниками и двигалась, описывая круги.

— Гони! — рявкнул Васька на Аполлона. — К щуке преби! Вот это экземплярчик! Дай сачок! — И стал вычерпывать из воды в лодку полуживых окуней, чебаков, шук...

Иван Лукич по грудь в воде руками выхватывал из шевелящегося серебряного месива самую крупную, самую лучшую рыбу и выбрасывал на песчаный берег, а тысячи мелких оставались на поверхности.

— Вас фотографируют! — громко закричал шофер Ивану Лукичу.

— Что?!.. Кто фотографирует?! — Иван Лукич круто повернулся, на всякий случай закрывая локтем лицо.

На большом камне возле берега стояла девушка в синем купальном костюме. В руках она держала черную камеру с посверкивающими на солнце глазами объективов. До Ивана Лукича донесся мерный шелест шестеренок киноаппарата.

— Как ты смеешь?! — Иван Лукич бросился к берегу. Выскочил, побежал, поднимая тучи брызг, прямо на объективы. Испятнанное рыбьей чешуей, его лицо было искажено гневом, трикотажная рубашка расстегнулась, обнажая волосатую грудь. В бешенстве не замечая ничего, он с маху кинулся в воду, к камню. Но на глубине его кто-то схватил за штаны и потянул на середину озера.

— Василий! — успел крикнуть Иван

Лукич. Ему пришлось делать отчаянные усилия, чтобы удерживаться на поверхности, плыть.— Поймайте!.. Отберите аппарат... Да пленку, пленку!..

— Жми!— гаркнул Васька на лодке.— Это она!..

Аполлон сделал неловкий рывок, и одно весло, выскочив из уключины, упало в воду.

— Лови, раз-зява!..

Но поймать весло Аполлону не довелось. Едва он наклонился через борт, как из воды, носом к носу вынырнула голова в маске аквалангиста. Аполлон лишь успел увидеть сощуренные, решительные глаза за огромными стеклами — сильные руки схватили его за плечи и стащили в воду.

Лодка так накренилась, что Васька тоже мгновенно оказался за бортом. Тут же под водой его больно ущипнули за мягкое место.

— Ай! Аку-у-у-ула!..— заголосил он.

— Сам ты акула!— выругался Аполлон, выплевывая попавшую в рот мелкую рыбешку.— Это Серега! Тигр! Говорил вам: нельзя взрывчаткой!..

Все трое — Иван Лукич, Васька и Аполлон — что было сил поплыли к берегу. А их лодку, оставшуюся на озере, кто-то начал по-всякому вертеть, крутить, переворачивать, пока в ней не осталось ни одной рыбешки. Там то и дело взметались ярко-зеленые ласты, сверкали стекла маски, блестели серебристые баллончики со сжатым воздухом на сильной загорелой спине.

Камень к тому времени опустел. Лишь колыхались ветки густого черемушника на берегу, да где-то в глубине чащи хрустел сухой валежник:

— Ушла,— с сожалением проговорил доплывший первым к камню Васька подоспевшему Ивану Лукичу.— Что теперь делать будем?

— Будем составлять документ! — громко сказал кто-то на берегу.

Рыбаки повернулись, как по команде. У воды стоял капитан милиции Ильиных.

— А-а-а... Петр Савельич!— сделал вид, что очень обрадовался Иван Лукич.

Возвратились к машине. Водитель все еще не мог запустить мотора.

— Опять эти «тигры»? — мрачно спросил Иван Лукич у начальника милиции.

— Да. Я получил записку, что надо

принять срочные меры... Получили «вещественные» — две пачки взрывчатки, ваш портфель, фуфайку. Не отказываетесь? Ваши? — с насмешечкой сказал Ильиных и стал составлять протокол, удобно расположившись в коляске мотоцикла, на котором приехал.

Иван Лукич вдруг подобрел и ласково заговорил:

— Послушай, Петр Савельич! Человек ты заслуженный, серьезный. И зачем тебе нужны скандалы устраивать, районных руководителей дискредитировать? Зачем? «Охраняйте природу», «Рыбу берегите», «Лес не рубите». Ты думаешь, я за это не болею?! Я сам за охрану природы обеими руками проголосую, за настоящую охрану! А то что получается: охотников да рыболовов развели, а дичь и рыбу истребили. Леса повывурили, древесину хлыстами вывозят, мелодняк, подрост губят. Реки сточными водами, сплавом загадили,— ни попить, ни искупаться. А ведь я, брат, в этих местах с малолетства живу. Дичи-то, рыбы-то здесь было! Ай-ай-ай-яй!.. Коробами зайцев с охоты возили. Рыбу в Ирбит обозами отправляли. А теперь? Закон настоящий, строгий закон нужен! Вот! Тогда его уважать будут. В прошлом году друг ко мне из области приезжал. «Поедем, предлагает, уточек постреляем». Я в ответ — одиннадцать дней до начала охоты, инспектор засечет, штраф платить будешь. А он и спрашивает: «Сколько платить-то?» Поглядели в правилах охоты — 25 рублей уточка стоит. Друг мой даже рассмеялся: «Давай, говорит, сюда твоего инспектора, заплатим ему две сотни вперед и поохотимся как следует. Могу я себе, как отпускник, такую роскошь позволить?» Вот почему, Петр Савельич, нужен суровый закон! Стащи кто-нибудь утку с прилавка магазина — дадут самое малое год исправительно-трудовых работ, а с водоема — всего 25 рублей. Но ведь и там и здесь уточка народная, государственная... Ну, как? спросил он у шофера.— Скоро поедем?

— Придется вам на этот раз пойти пешком,— сказал Ильиных.— «Тигры» вам в бензин сахару насыпали. Вот, видишь, сами они об этом докладывают. Это для того, чтобы вы прежде времени не уехали с места вашего браконьерства. Мда-а... Бензин надо слить, заменить, и машину на буксире потаскать — мотор прочистится.

10. ЛОСЯТНИК

Сергей с Наташей стояли на обочине дороги и ждали машину, что должна доставить их в Тонкую Гривку.

— Это будут самые потрясающие кадры, — говорила Наташа. — Представь! Крупный план: на зрителей бежит разъяренный Иван Лукич... На всю жизнь у него теперь охота к рыбному браконьерству пропадет...

— Ты бы послушала, как он капитана Ильиных уговаривал! — со смехом вспоминал Сергей. — И так, и этак его обрабатывал. О дружбе напоминал. За свой авторитет беспокоился. Ну, а Ильиных — ни в какую: еще бы! Мы на обратной стороне заявления десять подписей поставили. Алексей Иванович порекомендовал сделать именно так. Согласился бы Ильиных замять браконьерство — мы вышли бы и сами акт составили.

— Сережа, не показалось тебе, что

этот Аполлон на озере специально весло уронил? — спросила Наташа.

Сергей задумался. Из-за поворота вынырнул грузовик. Еще издали шофер подал сигнал.

— Давай багаж! — Сергей перекинул через плечо рюкзак, взял под мышку штатив и вышел на дорогу.

Грузовик резко затормозил.

— Легки вы на подъем! — улыбнулся шофер, открывая дверцу кабины. — Не успел разгрузиться, а вы уж собрались. Рюкзак-то можно в кузов, никуда не денется.

— Нельзя в кузов, оптика! — Наташа села в кабину и положила рюкзак на колени. — Поехали.

На окраине Тонкой Гривки их встретил парень в синей рубашке-косоворотке и с темным курчавым чубом. Поприветствовав Сергея, он удивленно смерил Наташу взглядом:

— Ого, у нас и такие, оказывается, есть?

— А как же! — не без гордости ответил Сергей.

Парень многозначительно пожал маленькую Наташину руку своею большой, изрезанной шрамами, испятанной ввешимися в поры машинным маслом.

— Мы не опоздали?

— Как раз вовремя. После обеда лосятник в лес отправится. А мы сейчас пойдем. Еще один сейчас будет. Я, пожалуй, за ним сбегаяю.

Пока Сергей с Наташей готовили киноаппаратуру, появился еще один «тигр» — широкоплечий, коренастый крепш. Он все время улыбался, будто на показ выставляя ровный ряд белых зубов.

Через огороды, стараясь не попасться никому на глаза, все четверо выбрались в поле, пересекли его и скрылись в березняке.

Место для засады выбрали удачное: болотные кочки, покрытые густым непроглядным кустарником. Наташа отсняла на пленку самолет браконьера — хитроумную ловушку из согнутых берез, превращенных в мощные пружины, и двух петель из крепкого стального троса.

Теперь ей нужен был автор этого варварского самолета. Пока он не показывался. Ребята лежали, тихо разговаривая. Наташа сидела на кочке, прислушивалась к таинственным лесным шорохам и думала. Как здорово получается в жиз-

ни! Отец подарил ей фотоаппарат «Любитель», с которого началось ее увлечение будущей — и это так! — профессией оператора. Первые серенькие снимки, бессонные ночи в фотобудке, увлечение пейзажными съемками, любительская киностудия в школе. Витька, Сергей, «тигры». И вот она, Натка Лаптева, сидит с киноаппаратом в лесу, за тридцать километров от города. Сидит в засаде, поджидая матерого браконьера-лосятника для того, чтобы рассказать людям о его черных делах.

Наташа смотрит на старую, поросшую березняком гарь. Среди молодых березок одиноко торчит обуглившаяся сосна. Заросли иван-чая заполнили алыми гроздьями соцветий круглую поляну. Жизнь побеждает смерть. Уже не видно почерневших древесных стволов — жертв пожара. На их месте — новое, молодое, цветущее.

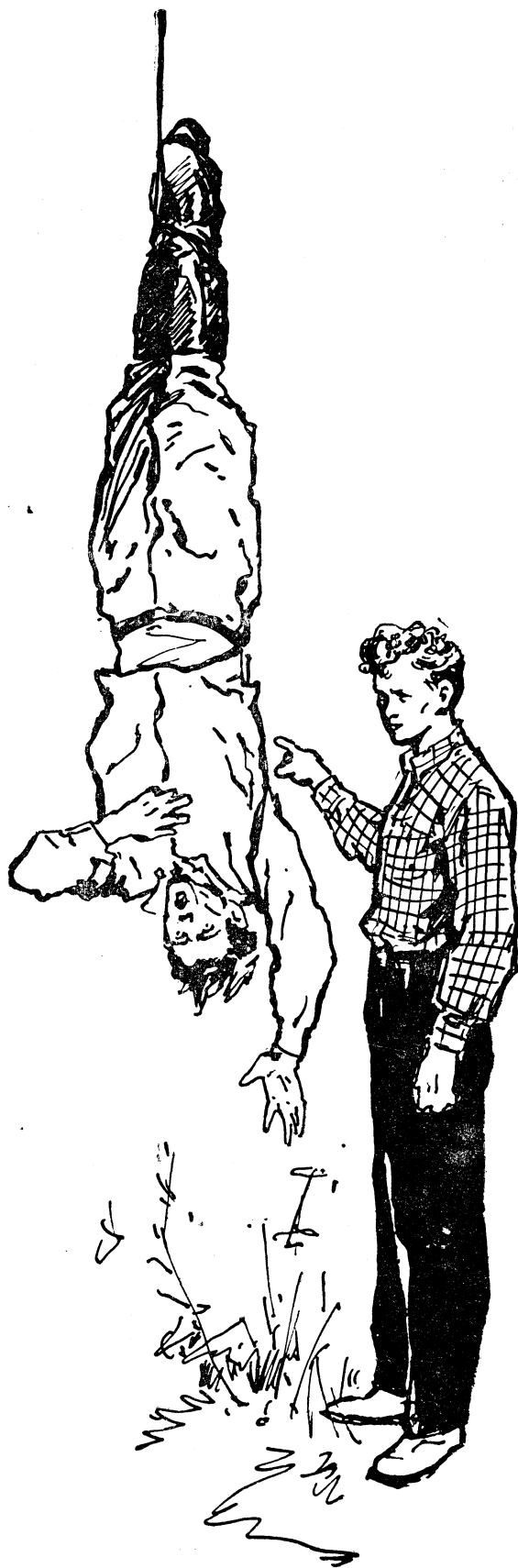
Наташа вздрогнула: из куста вынырнула большая бирюзовая стрекоза. Затрепетав крыльями, она повисла над Наткиной головой, потом описала круг и вдруг стремительно кинулась на комара. Съела его и бросилась на очередного. Словно маленький четырехкрылый истребитель, она патрулировала над головой Наташи.

Наконец-то лосытник появился вдаль, на тропе. Это был высокий, статный мужчина с красивым лицом и черными горячими глазами. Шел он легко, шел, как хозяин, уверенно. За спиной виднелись крошши, топор и ружье-однстволка. Возле самолота мужчина, заметив какую-то неточность, остановился, быстро сбросил на землю ношу и стал аккуратно поправлять свою насторожку.

В этот момент Наташа запустила навешенный на него киноаппарат. Лосытник испуганно оглянулся и увидел нацеленный объектив. Намереваясь отскочить в сторону, он выпустил насторожку из рук, и, словно две гигантские пружины, выпрямились, взметнулись вверх пригнутые березы. Стальная петля захлестнула ноги лосытника, и он, перевернувшись в воздухе, повис над землей вниз головой. Раздался его хриплый вопль. Сергей выскочил из засады, схватил топор и хотел перерубить петлю.

— погоди! — остановила его Наташа. — Пусть кто-нибудь из ребят покажет на него пальцем. Так! Правильно. Снимаю крупным планом.

В окошке видоискателя мелькала покрасневшая от напряжения, искаженная

гримасой испуга физиономия браконьера.
— Хватит.— Наташа опустила киноаппарат.— Рубите петлю.

Стальной трос лопнул после третьего удара. Браконьер грузно шлепнулся на землю, сел и, словно побитый щенок, заскулил. От его былой красоты, гордой осанки, уверенности и следа не осталось.

— Нету такого закону, чтобы людей подвешивать...— тянул он со всхлипом. А если бы мне петлей ноги повывергивало?.. Сталь ведь. Да и дерева...

— А лосей подвешивать есть закон? — ответил ему белозубый улыбчивый парень.— Ты, товарищ Кузьмин, о своей личной персоне заботишься? А о том, что общенародное?..

— Венька, давай лучше разойдемся мирно,— изменил тон лосятник.— Тебе ведь, смотри, в моей бригаде работать...

— Ничего, потерплю. Поговаривают, что бригадира скоро «повысят». Слушай. У гиблой елани и старого рудника свои самолеты без нашей помощи снимешь! Ясно? Завтра «тигру» доложишь. Пойдемте, ребята!

— Ружье, ружье, дьяволы, отдайте! — прокричал вслед Кузьмин.

— Поищешь! — отмахнулись от него.— Теперь поумнел? Сходишь в райком комсомола, в райсовет, в милицию — еще поумнеешь.

Наташа шла впереди, перескакивая и перелезая через поваленные пожаром толстые стволы деревьев. Взобравшись на одну из валежин, она случайно глянула в сторону и замерла: прикрыв боком лосенка, совсем рядом стояла лосиха.

— Тс-с-с,— Наташа присела и перезарядила киноаппарат.

Лосиха позировала спокойно. Лишь огромные похожие на рупоры уши тревожно шевелились. Пленка кончилась.

— Спасибо! — громко крикнула Наташа и засмеялась.

Лосиха испуганно прижала уши, круто повернулась и, подталкивая грудью неуклюжего рыжего детеныша, скрылась в лесу.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОБЕДА

В приемной председателя исполкома былолюдно, как всегда перед заседаниями. Иван Лукич Дремов, которому то и

дело задавали вопросы, отвечал невпопад и «терзал» папиросу за папиросой.

«Безобразия! — негодовал он про себя.— Включают в повестку дня вопрос о Васькином боре и ставят меня в известность всего лишь за два часа до исполнения. Все этот математик, этот самый Алексей Иванович под меня яму копает! Рыбная история тоже наверняка его рук дело».

Рядом громко говорили. Иван Лукич прислушался.

— В нашем сельсовете уже давно известно, что за «тигр» такой орудует. А ведь, говорят, хотели из этих «тигров» уголовщину сделать. Знать, встали они, «тигры»-то, кой-кому из начальства попер горла! Ох и шуткуют резко!..

— У меня в Кузнецовой пастух был. Пастух-то, надо сказать, хороший, да в брюхе больно плечист. По уговору все лето владельцы коров его кормили. Как очередь подходит, каждая хозяйка для пастуха и печет, и жарит, и парит. А уж чтобы к обеду чарку не подали — такого и вовсе не бывало. Короче — не жил он, а прямо-таки благоденствовал. Нет же, мало ему показалось. Придумал для себя специальное угощение. Выгонит с утра стадо на пастбище, а сам на старицу, диких утят ловить. Видишь ли, шашлыков ему хочется. Пробовали его урезонить, да куда там! Я, говорит, утят не в вашей стайке ловлю — и не ваша забота. И вот слышу как-то на улице превеликий шум. Выглянул из окна — что за картина! Вышагивает по дороге наш пастух в одних, простите, кальсонах. Женщины над ним потешаются, а он и бровью не ведет, чинно двигается прямо ко мне. В руках — бумаженция. А в ней сказано, что нарушителю закона об охоте на водоплавающую дичь пастуху Зотову выносятся на первый раз общественное порицание, что одежду он может получить у меня в сельсовете после того, как честно расскажет и признает свою вину. Подпись — «Тигр». Выслушал я Зотова, глянул — и действительно лежит на скамье узелок: его брючишки и майка. С той поры наш пастух утятны в рот не берет: тошнота появляется. Хе-хе-хе!..

Иван Лукич слушал эти рассказы и злился. Три дня подряд пильщики опять не хотят выйти на валку леса в Васькин бор. Сколько крови и нервов испортила Ивану Лукичу эта история. Кто-то рано утром опечатал сарай, в котором храни-

лись бензопилы. После команды немедленно приступить к работам в Васькинском бору к Лукичу прибежал бригадир пильщиков и объявил, что сарай с техникой опечатан. Иван Лукич сам отправился на место происшествия. В пробой и дужку замка была продернута бечевка. Концы ее покоились на фанерном квадратике, увенчанном сургучным наростом с круглой гербовой печатью в центре. Никто не знал, чьих это рук дело. Не знали, но все же не решились до выяснения открыть склад. Вызванный начальник милиции Ильиных определил, что печать поставлена обычной пятикопеечной монетой. Заминка была ликвидирована, но время для порубки упущено.

Вопросов в повестке дня было много, и Лукич, волнуясь, ждал, когда очередь дойдет до разговора о Васькинском боре. Наконец, председатель предоставил слово учителю Алексею Ивановичу Жукову. Алексей Иванович сказал, что бор надо сохранить, что нельзя разрешать Дремову вырубать его.

— Я пригласил сюда старейшего объездчика товарища Антонова,— закончил Алексей Иванович.— Прошу выслушать его.

— Как? — спросил председатель у присутствующих.

— Пусть говорит!!!

— Дать слово!!

К столу президиума вышел дед Сергея, помялся, не зная, с чего начинать речь, и вдруг, глядя в лицо Ивану Лукичу, начал как-то уж очень не по-советательскому:

— Лес у нас знатный, Васькин-то бор. Только не с той стороны, товарищ Дремов, ты начал к нему руки прикладывать: для строительства межрайонной базы древесины найти нетрудно. В лесу ведь мы живем. А Васькин-то бор... Сейчас преподам все в лучшем виде. Знаете, в старину книги разные выпускали с советами всякими. Как там лошадь от сапа вылечить или ожоги пользоваться. Конечно, дурости там много имелось, но и правильные советы были. Перед испытанными советами всегда ставилось слово: «Пробовано». Пробовано! И руками, и печенкой, значит, пробовано. Васькин бор у нас, коли взглянуть на стволы, ровный, как по линейке. Не дикорастущий он, товарищи, а саженый. Когда-то давным-давно, тому назад лет сто с хвостиком, в лесу этом остатки, слышь, пугачевского

войска прятались. Потом пришли в наши места царевы солдаты — людей побили, а бор спалили, чтобы извести крамолу. Через год, может и два, вышли на пепелище заводские работные людишки — завод-то наш старинный — и насадили деревья, — Васькин бор, значит, возродили в память о смелых людях. Подрос борок. Стали люди в нем пикники, да гулянья устраивать. С пятого года сходки, маевки рабочие в бору проводили, а в гражданскую бабы с ребятишками от Колчака прятались... А уж как Советская власть пришла, вовсе в бору весело стало. И войну бор выстоял. На заводе дров не было. В домах одни женщины остались. На себе за десять верст бревна таскали, а бор не тронули. Я в ту пору тоже в лесниках ходил. Идешь, бывало, по бору, глядишь: обняла сосну молодайка, заливаются слезами. Знать, с фронта вместо мужика казенная бумага пришла. Смело можно перед Васькиным бором слово «пробовано» ставить. Так-то, товарищи!.. А тут вдруг, на тебе, приехала экспедиция нивесть откуда. Осмотрела, обмеряла и записала в перестойные. А в лесхозе тоже недолго думали. Перестойный! Значит, под корень его!

— Это как же — вырубим? — возмутился директор лесхоза. — Почему я не в курсе? Кто разрешил?

— Лесничество! — выкрикнул с места Иван Лукич. — Заместитель твой!

— Быть того не может! Я это выясню! Безобразия!! Объехал ты его, Лукич, на вороных...

— Так вот, — опять заговорил учитель Алексей Иванович. — Отряд ликвидации угрозы природе, а сокращенно — «Тигр», предлагает прекратить в бору порубки и объявить его заказником.

— Правильно! — раздалось выкрики с мест. — Верно!

О сургучной печати и не вспомнили. Исполком вынес решение поддержать инициативу молодежи.

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

Итак, отряд перестал быть тайной. Теперь в его работе участвуют десятки людей. Кроме ребят, в нем и взрослые: заведующие сельскими клубами, зоотехники колхозов, рыбаки, охотники-любители.

Работы с каждым днем становилось все больше. Нагаша, Виктор и Алексей

Иванович заканчивали монтаж фильма. Сергей крутился, как белка в колесе. В штаб, на лесной кордон то и дело поступали новые сообщения: кто-то раскопал барсучью нору, косяля отравилась удобрениями на полях совхоза, рубят черемуху, чтобы обобрать с нее ягоды.

Число сигналов «Тигру» возросло не оттого, что люди стали хуже относиться к природе. Нет! Раньше подобных случаев было, конечно, больше. Но теперь все стали обращать на них внимание и беспокоиться.

И вот в один из суматошных дней к Сергею на лесной кордон пожаловал гость. Дед сообщил о нем внуку очень коротко:

— Серега, тебя.

Это был Аполлон Мясников. Стащив со спины рюкзак, он поставил его на завалину и хмуро сказал:

— Через две недели каникулы кончатся. Не прогонишь?

Сергей первый раз услышал его голос.

— Места на сеновале много, — Сергей помедлил и заключил: — Да и в доме найдется. Проходи.

Аполлон принес тревожное сообщение: у Лешаковской старицы «один тип» рубит черемуху.

Сергей хотел было по цепочке собрать человек пять, но, взглянув на Аполлона, решил: «Вдвоем управимся».

— Пойдешь со мной, Аполлон?

— Иду. Только, Сергей, меня зовут Евгением.

У Лешаковской старицы они застали такую картину: громадная черемуха валялась на земле с измочаленными ветвями, рядом белел свежий пенек. У черемухи копошился детина в спортивной куртке — Васька Дремов.

— Кончай работу! — рявкнул Евгений.

Тот повернулся и радостно замахал руками.

— Аполлон! Кого я вижу! Давай скорей помоги обобрать.

— Умер Аполлон, — сказал твердо Евгений. — И прекрати балаган!

Не успел Сергей сообразить, что происходит, Евгений подскочил к Ваське Дремову и, выкрутив у его носа увесистым кулаком, приказал:

— Сей деревья!

Васька побледнел, покорно взял в руки корзину с черемухой. Ягоды были крупные, блестящие, переспелые.

— Начинай! — рычал Евгений.

Васька зачерпнул полную горсть и швырнул ее на землю.

— Стой! Не так, — распорядился Сергей. — Надо по одной. Вот тебе ножик — выковыривай ямку, клади ягоду и приваливай землей. Да места выбирай повлажнее.

— Ничего не вырастет! — хныкал Васька.

— Еще как вырастет! — убежденно протянул Евгений и постучал пальцем себя по лбу. — Важно, чтобы вот здесь у тебя выросло!

Они провозились с Васькой весь день, заставив его довести дело до конца.

А вечером Евгений предложил план «оживления» работы общества охотников, как он выразился — «путем искусственного вливания».

— Пожалуй, ты прав, — говорил Сергей, выслушивая его соображения. — Не общество, а «брехаловка»!

В последние годы общество занималось исключительно торговлей охотничьими принадлежностями. Люди здесь собирались один раз в год на перевыборную конференцию. В остальное время заходили поболтать или послушать охотничьи анекдоты. Секции и подсекции существовали только в отчетах. Единственным культурно-массовым мероприятием был стрелковый тир на городском базаре: «Учись метко стрелять». В базарные дни этот тир осаждала молодежь, чтобы «пупльнуть» из «духовки» в жестяной круг или «садить» орла.

Большинство охотников в районе не имело охотничьих билетов, бланки область прислала лишь за несколько дней до начала охоты. И вот по плану Евгения «тигры» засели писать пригласительные открытки. Пусть все пожалуют за билетами к районному председателю общества.

Ради этих открыток пришлось поднять на ноги всех «тигров» — составить точные и подробные списки охотников. Их оказалось в три раза больше, чем числилось в обществе. Наташа напечатала фотоблани-открытки. На лицевой стороне был изображен веселый тигр с охотничьим билетом в руках. Над его головой тянул косяк уток. Под картинкой стихи:

Собираясь на охоту,
Дома забывать не след
Ни патроны, ни двухстволку,
Ни охотничий билет.

На обратной стороне открытки было написано: «Уважаемый товарищ, ваш охотничий билет ждет вас в обществе охотников, не забудьте зайти. Надеюсь на Вашу память. «Тигр».

Открытки пошли по адресатам разными путями: на заводе их получили из кассы вместе с зарплатой, другим посылались по почте, а третьим вручались под расписку.

Председателя общества неожиданный приток новых членов прямо-таки ошело-

мил. Гербовых марок в местной сберкассе не хватило, пришлось срочно запрашивать из области.

Патрули «тигров» в сезон охоты наводнили окрестные леса. Рассказывают, как один большой местный руководитель забрался в березовые мелоча под деревней Кузнецовой. Он убил рябчика и сидел ощипывал. Рябчик маленький. Охотник дергал синие, еще не отросшие, наполненные кровью стержни перьев и чертыхался. И вдруг, почти рядом с ним, в ельнике

тоненько пропищал рябчик. Охотник прислушался: «Неужели?» Да, это был рябчик-самец. Звонкая, серебряная трель повторилась.

— Ишь, шельмец, самочку зовет.— Охотник взял ружье и полез в ельник. Он достал из нагрудного кармана маленькую серебристую трубочку-манок, тщательно продул ее и, выждав немного, поднес к губам. По леску разнеслась нежная короткая трель самочки. Охотник манил мастерски. В конце каждой трели он пальцами пережимал отверстие манка, и голос самочки рябчика получался очень естественным. После третьей трели рябчик откликнулся — страстно, нетерпеливо. Охотник увлекся. Он манил, — рябчик откликнулся. Он снова манил.

Но, странное дело, рябчик и не думал лететь на зов. Тогда охотник стал подкрадываться к рябчику. Свист рябчика удалялся. «Чертовщина какая-то!» Охотник далеко зашел за ним, а долгожданный рябчик вдруг стал высвистывать марш, которым начинаются футбольные передачи. Потом в кустах раздался смех, затрещали сучки под чьими-то ногами.

Вернувшись, одураченный разозленный охотник у костра увидел вместо всех своих вещей записку: «Напоминаем: на рябчиков охота еще пока закрыта. снаряжение свое можете получить в районной милиции. Тигр».

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Районная комсомольская конференция проходила бурно. Большой зал заводского Дворца культуры был переполнен. Делегаты и гости съехались со всего района. Выступить в прениях по докладу секретаря райкома записалось столько желающих, что конференция грозила затянуться.

После прений все остались на местах. Ждали кино. Механик в будке что-то очень долго возился. В зале народ все прибывал и прибывал. Многие стояли на ногах вдоль стен. Наташа волновалась: как-то все пройдет? «Только бы Витька не напутал с текстом», — подумала она. Озвучить фильм они не смогли, поэтому Виктор должен был читать текст у микрофона.

Наконец свет погас. Зал замер. На экране появился родной городок, такой

знакомый и в то же время какой-то чужой. Впечатление было такое, будто знакомая вещь перекрашена в новый цвет: трубы завода, набережная, школа, пруд...

Потом зрители увидели Васькин бор, Манинское озеро, Лешаковскую старицу. Знакомые и дорогие места. Наташе казалось, что она слышала плеск волн о берег, шум ветра в соснах.

На ветку развесистой березы уселась кукушка и, раскачиваясь, начала куковать. Но вместо кукования в динамиках послышался ровный голос Виктора:

— О тех, кто любит свой край, хочет сделать его еще красивее, еще прекрасней, и о тех, кто портит родную природу рассказывает наш фильм.

Наташа облегченно вздохнула. Голос Виктора, слегка искаженный усилителями, звучал уверенно и мужественно.

«Роли исполняют», — пробежала надпись по экрану.

«Друзья природы: «Тигр» — отряд ликвидации угрозы природе».

«Враги природы: Матерый».

На экране появилась лобастая, с ослепительными зубами волчья морда.

«Иван Лукич Дремов — роль исполняет он сам».

На экране — Иван Лукич. Он стоял за письменным столом и что-то кричал в телефонную трубку.

Потом пошли портреты: лосятника, Васьки Дремова, пастуха — любителя утятин, техника со строительства дороги, директора бани. Все они производили впечатление порядочных людей.

Опять раздался голос Виктора:

— Из всех действующих лиц в фильме бездействует только Матерый.

Опять появилось изображение волка. Только теперь он лежал, распростершись на земле, у ног чернобрового парня, который опирался на ружье.

— Матерый, — продолжал Виктор, — сражен зарядом крупной картечи. Вспомните, по закону зоологии — там, где появляется тигр, волки жить не могут.

Теперь никто не мог оторвать глаз от экрана. Те самые люди, которых только что видели за обычной работой, шли в лес и превращались в преступников. Они ставили петли на лосей, глушили рыбу взрывчаткой, душили маленьких утят. Сцены разбоя чередовались с мирными, замечательными по красоте картинами природы, и от этого у всех на душе становилось тревожно.

На экране — лосятник, перевернувшись в воздухе, повис в петле.

— Так его! Правильно! — одобрительно загудели в зале.

На Ивана Лукича Дремова пленки, видать, не пожалели. Взрыв на озере. Иван Лукич с голой волосатой грудью хватает оглушенную рыбу. Вот лицо его перекопилось от злобы, и он, крича что-то, бросается прямо на зрителя. Кажется, он сейчас ударит.

В зале хохот.

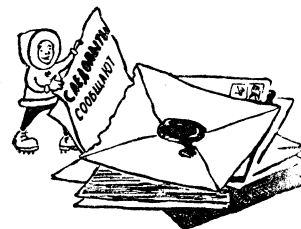
Экран внезапно погас. Стало темно. Наташа вскочила и хотела побежать в кинобудку — что случилось?

— Кина не будет! — озорно выкрикнул кто-то.

В зале вспыхнул свет. И все увидели, как меж рядов пробирается к выходу Иван Лукич. Его узнали. Он прошмыгнул, как загнанный волк, и ему вслед зааплодировали, засвистели, затопали ногами.

Киносеанс продолжался.

КОЛХОЗНАЯ ЛИСА

В начале мая я охотился на широкой, залитой разливом пойме. В тот день мне удалось подбить трех гусей. Два упали на болотце, а третий где-то за кустами, ближе к полю. Пока я доставал

двух первых, третьего на месте не оказалось. Поискав, я решил, что птица была только слегка ранена и улетела.

Вдруг недалеко, среди изреженного мелколесья, я

увидел совсем близко лису. Она не боялась меня, а только была обеспокоена моим присутствием.

Вечером разговорились с товарищем об охоте, и я рассказал о лисе.

— Верно, — поддержал он меня, — это наша лиса, колхозная. О ней и постановление колхозного собрания имеется.

Оказывается, три года назад лиса устроила нору в кустах рядом с колхозным полем, километрах в двух от селения. Но в первый же год ее жильё обнаружили ребята, достали лисенят, притащили их в деревню. Председатель колхоза велел лисенят отнести обратно в нору и запретил их трогать.

— Сперва-то он сделал это из жалости к маленьким зверькам, чтоб не пропали они напрасно, — рассказывал товарищ, — а потом обернулось так, что лисий вопрос обсуждался на общем собрании. И решили, чтоб лису в поле никто не трогал и не пугал. Наверное, ни в одном колхозе таких решений не выносили. А ведь правильное решение. Лиса-то кормится мышами да хомяками, а у нас на полях этих грызунов иные го-

ды тьма бывает. Почва черноземная, хлеба хорошие, — мыши и размножаются, едят наш хлеб. Мы не замечаем, а если подсчитать, так порядочно потерь получится. Вот мы и стали иначе смотреть на лису.

— А кур колхозная лиса не таскает?

— Нет. В селение не ходит: ей и в поле хватает корма.

Утром с Ваней, учеником седьмого класса, мы отправились к «колхозной лисе» на дом. Встретила нас она далеко от норы: бежала по открытому полю на глазах работающих людей.

— Вот как обжилась, — заметил Ваня. — Недалеко тракторы стучат, люди ходят и ездят, а она знай себе мышкует.

Мы подошли к норе. Около нее валялись свежие перья, пух. Вот почему я не нашел своей подстреленной птицы.

Ю. ЗЫКОВ

Главный редактор В. Очеретин. Зам. главного редактора Л. Неверов. Редакция: В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров (ответственный секретарь журнала), Ю. Курочкин, А. Малахов, Кл. Рождественская, Г. Томилов, В. Шустов.

Адрес редакции: Свердловск, ул. Малышева, 24; телефон Д1-22-40. Рукописи не возвращаются. Художественный редактор А. Асс. Технический редактор Я. Черников. Обложка В. Воловича.

Подписано к печати 12/Х 1960 г. Бумага 84×108/16, 25/8 бум. листа, 8,61 печ. листа, 11,28 уч.-изд. листов.
НС 11 492 Тираж 60 000. Цена 3 руб. Заказ 426.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, ул. им. Ленина, 49.

Обложка и вкладка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

Я ХОЧУ СТАТЬ СЛЕДОПЫТОМ

Я хотел бы стать туристом,
Но не знаю, как мне быть:
По дорогам каменистым
Мне не нравится ходить...

Я люблю красу природы,
Дым смолистый над лужком,
Я хочу ходить в походы,
Только лучше не пешком.

Я хочу в тайге суровой
Новые открыть пути.
Только вот... рюкзак тяжелый,
Где носильщика найти?!

И притом, как быть с обедом,
Как в палатке ночевать?..
Я хочу стать краеведом,
Если можно взять кровать!

А когда найдешь следы ты,
Мне, не медля, сообщи,—
Я хочу стать следопытом,
Но следы — ты сам ищи!

Если дождь шумит сердито,
Как пройти мне по грязи?!
Я хочу стать следопытом,
Но чтоб ездить на такси!

Е. Хоринская

27

СЕНТЯБРЯ

У НАС НА УРАЛЕ

НОВЫЙ ТЕПЛОХОД

На причале в небольшой речке Туре стоит новый теплоход. Он построен в Тюмени. Сегодня, 27 сентября, идет проверка отдельных систем и устройств.

Теплоход рассчитан на перевозку трехсот пассажиров и почти ста тонн груза. Проектная скорость его двадцать километров в час. Он назван именем сибирской реки «Чулым».

В навигацию 1961 года теплоход сделает свой первый рейс по Оби и ее притокам.

А ПЕЧЬ РАБОТАЛА...

В этот обычный мирный день бригада сталевара Ревдинского метизно-металлургического завода вела очередную скоростную тяжеловесную плавку. И вдруг обнаружилось, что в одном месте печь прогорела. В отверстие потекла вода. Что предпринять, чтобы не останавливать печь на несколько дней?

Механик цеха коммунист Валентин Лысов посоветовался со слесарями. Решили поставить воронку, в которую пошла вода из отверстия. Затем ее отвели в общую магистраль. Аварии предотвратили. Бригада сталевара Карашева продолжала работу.

ОСКОЛОК ВЫНУТ

В 1943 году Анатолий Смоленцев в бою был тяжело ранен. Осколок фашистского снаряда застрял в груди.

Прошло семнадцать лет, осколок напомнил о себе. «Нужна срочная операция», — сказал врач.

Утром 27 сентября под контролем рентгена хирург медсанчасти Дегтярского рудника Василий Петрович Ва-

ПОГОДА В ЭТОТ ДЕНЬ

Как в 1935 году, день двадцать седьмого сентября выдался ясным и теплым.

По всему Южному и Среднему Уралу, в степях Башкирии и Зауралья стояла сухая, теплая погода, только в горах местами утром ложился на землю хрустящий иней. Холодно было на Полярном Урале, в долинах рек Шарп и Шугор пролетал слабый снег, и термометры отмечали два-три градуса ниже нуля. А на Карском море и побережье Новой Земли уже начала хозяйничать зима. Там целый день кружились метели, засыпая зябкую землю полярных островов рыхлым снегом.

НА ФРУКТОВУЮ ОРБИТУ

В саду Амвросия Степановича Кондрашина собралась вся семья.

— За день рождения «Ракеты!» Счастливого ей пути по зауральской земле, — поднял тост хозяин.

На столе лежат сливы, большие продолговатые, похожие формой на ракеты. Поэтому их так и назвали. Это первый урожай нового сорта, собранный знатным курганским садоводом. Каждая слива весит не менее 40 граммов.

Пришло письмо из сибирского отделения Академии наук СССР: «Зантересовались Вашей работой, просим выслать черенки и косточки нового сорта сливы...»

На высокую орбиту взвилась «Ракета». Скоро возьмет она новые старты в плодовые сады Зауралья и Сибири.

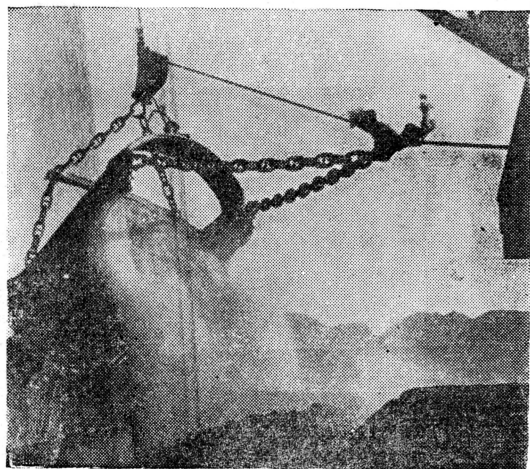
СВЕРДЛОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ ОБ ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ПРИРОДЫ

16 сентября 1960 года Исполнительный комитет Свердловского областного Совета депутатов трудящихся принял решение «Об охране памятников природы в области». Постановление берет под государственную охрану 73 объекта природы Свердловской области.

На территории памятников запрещен рубить лес, разрабатывать полезные ископаемые, пасти скот. За их сохранность несут ответственность председатели рай (гор) исполкомов.

В течение 1961 года комиссия УФАНа по охране природы, институты биологии и горно-геологический совместно с общественностью проведут обследование и описание памятников природы Свердловской области.

«Уральский следопыт» в 1961 году будет печатать фотографии и описание памятников.

ГОРОД, КОТОРОГО НЕТ НА КАРТЕ

— Город Светлый? Вы ошиблись, такого в нашей области нет!

Но тут же телефонистка междугородной станции Оренбурга признала, что ошиблась.

Несколько минут спустя мы разговаривали с городом, которого нет ни на одной карте и ни в одном справочнике. Это самый юный город в нашей стране. Он рожден во втором году семилетки.

Предоставим слово Федору Васильевичу Аршинову.

— Я директор никелевого комбината... Нет, он еще не выпускает продукции. Но будет выпускать, и много. По своей мощности это предприятие превзойдет известный всей стране комбинат «Южуралникель» в Орске.

Что делается у нас сегодня? Идет большая стройка. Только что я пришел со строительных площадок будущего города металлургов. Ему уже присвоено имя — Светлый. Сейчас сооружается первый микрорайон: десятки жилых домов, школа, больница. Скоро войдут в строй Дом культуры на 300 мест, хлебопекарня, детский сад и детские ясли, три магазина.

К концу семилетки в Светлом будет до 60 тысяч человек населения.

По телеграфу, телефону, авиапочтой от наших корреспондентов

СТО ИНТЕРВЬЮ

Как уральцы провели День мира 27 сентября 1960 года!
С таким вопросом обратились наши корреспонденты к представителям самых различных профессий.
Часть полученных ответов публикуется в октябрьском номере «Следопыта». С остальными читатели познакомятся в последующих номерах.

ВЯЧЕСЛАВ ВОЛОДЧЕНКО,
электротехник Богословского
алюминиевого завода

Вместе с другими рабочими 27 сентября я встретил у электролизных ванн. Принимая смену (а это было в час ночи), мне сказали, что наша бригада имеет в своем «активе» 8 тонн сверхпланового алюминия. Старался работать так, чтобы не было стыдно за себя перед товарищами.

В результате цифра сверхплановой выработки металла значительно увеличилась.

Середина дня ушла на отдых и подготовку к занятиям, а вечерние часы провел среди своих друзей по учебе, в стенах филиала Свердловского политехнического института, где учусь на II курсе.

А. В. ТРЕТЬЯКОВ,
кузнец, Североуральск

Мне 86 лет. Сыновья мои давно отдыхают на пенсии, а я шестьдесят первый год держу кузнечный молоток и не думаю скоро с ним расставаться. Мирный труд не старит меня. Я против всякой войны и, как любой добрый человек, хочу, чтобы мирно, спокойно и счастливо жили и трудились ра-

бочие нашего предприятия, а оно у нас не из плохих. В День мира коллектив уже работал в счет октября.

М. И. ПАВЕРМАН,
дирижер симфонического оркестра,
Свердловск

Этот день у меня был особенным. Музыканты симфонического оркестра нашей филармонии накануне вернулись из отпуска, и 27 сентября состоялась первая репетиция. Готовили пятую симфонию Шостаковича. Этим произведением выдающегося советского композитора наш оркестр открывает

свой юбилейный двадцать пятый концертный сезон. Нынче мы познакомим любителей музыки с новыми произведениями советских композиторов, в том числе с произведениями свердловчан Топоркова, Моралева, Щелокова, Пузеля, Фридендера, Гибалина и других.

Л. Д. ЕЛИЗАРОВ,
виктор Свердловского радио

27 сентября у нас были интересные передачи, посвященные Дню мира. Доволен тем, что я современник этого дня.

Озвучил сегодня научно-популярный фильм для учащихся ремесленных училищ «Техника безопасности». Скоро фильм выйдет на экраны города.

Р. С. НОВОСЕЛОВА,
контролер сберкасы, Свердловск

У меня большая радость. После работы заходила в ЖКО треста «Южгорстрой», там мне сообщили, что скоро я получу квартиру.

А. П. ЧАШКОВА,
зав. секцией игрушки, Свердловск

Вторник — обычно большой торговый день. Покупателей было много, особенно из детских садов. Сегодня в наш магазин поступила великолепная игрушка — pedalный автомобиль «Москвич». Еще никогда мы не продавали такой красивой машины. Выглядит она совсем как настоящая.

П. С. ХОХРЯКОВ,
закройщик ателье мод № 6,
Свердловск

Сегодня у нас не было никаких неприятностей. Заказчики уходили довольные, а это — самое главное.

Хорошо живут свердловчане. Почти все заказывают себе одежду из дорогих тканей.

Ол. КОРЯКОВ,
писатель, Свердловск

На последней странице сценария поставил сегодня последнюю точку, после даты: 27.9.60. Сценарий называется «Тайна стального слитка». Это для научно-популярного кино.

А еще на столе лежит рукопись повести. В ней речь о жизни сталеваров.

И тут сталь, и там. Только в сценарии главное — она, а в повести — люди, которые ее варят.

Она заслуживает того, чтобы о ней писали, наша славная уральская сталь. Главный металл. Металл брони и автомобиля, новых станков и домен, металл нашего могущества.

НИГМАНДЖАН МИНЗАРИПОВ,
бригадир проходчиков, лауреат
Сталинской премии

Я, старый горняк, много поработал и считаю, что мир и труд — это и есть счастье.

В День мира наша бригада стояла на трудовой вахте. 27 сентября мы прошли под землей семисотый метр двадцать первого километра.

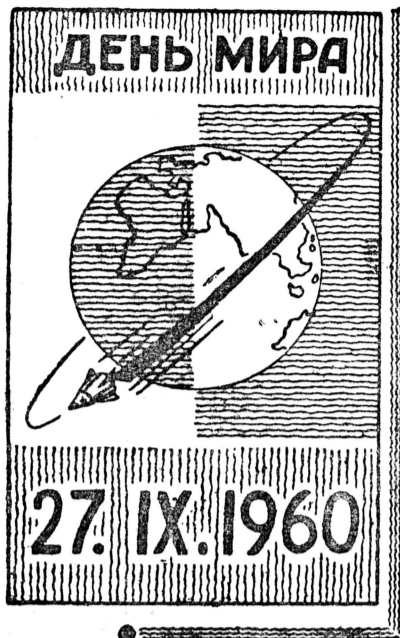
ВИКТОР ИВИНСКИХ,
слесарь Камского целлюлозно-
бумажного комбината, Краснокамск.

Сегодня?.. День самый обычный. Занимался своим привычным делом: вместе с научным сотрудником из Ленинграда налаживал автоматизацию шестой печи кислотного цеха. Система довольно сложная — вся на электронных приборах. Зато управление печью будет полностью автоматическим.

Что еще?.. Заходил в вечернюю школу, узнал расписание. Нынче кончаю десять

классов, пора задумываться и об институте.

МАРИЯ БОНДАРЕВА,
почтальон, Североуральск

Работаю почтальоном. Кому-кому, а мне хорошо известно, как простые люди стремятся жить в мире.

Я была очень рада, когда узнала, что одной из пенсионерок 27 сентября, в День мира, принесла радостную весть: у нее появился внук, а сына наградили за хорошую работу на стройке. Сколько подобных вестей в конвертах, которые я разношу!

М. Г. ТИХОНОВА,
киоскер-газетчик Союзпечати,
Свердловск

Обидно, что этот день для меня прошел неудачно. Почему-то не привезли центральных газет. А спрос на них сейчас особенно велик, в связи с работой сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Н. Г. БОЯРШИНОВА,
библиотекарь, Свердловск

Готовились к открытию абонемента для старших классов. Недавно наша областная детская библиотека переехала в другое здание (в бывшее помещение библиотеки имени Беллинского). Здесь гораздо просторнее. После ремонта чисто и уютно. Теперь ребята, наверное, еще охотнее будут приходить в нашу библиотеку.

Для них мы приобрели недавно около двадцати пяти тысяч новых книг. 27 сентября закончили составление систематического каталога для читателей абонемента. В этот же день готовили выставку книг о Репине.

ИЛЬДУС ХАБИТОВ,
артист Башкирского театра оперы
и балета, Уфа

Извините за наряд — у нас репетиция. Труд танцовщица требует постоянных упражнений. Эта репетиция уже вторая за сегодняшний день: четыре часа утром, еще четыре — сейчас. Нам с женой Майей Тагировой в начале октября танцевать в премьер: балете «Дон Кихот». Сами понимаете, как нужно готовиться.

Впрочем, между репетициями мы, как уже давно собирались, успели написать письмо в Бомбей, нашей близкой приятельнице, молодому индусскому врачу Киши Ананд. Мы познакомимся и хорошо подружимся с ней во время прошлогодних гастролей по Азии: выступали в Индонезии, Бирме, Непале и Индии. Приятно было сообщить далекому другу, что фильм-балет Свердловской киностудии «Журавлиная песнь», в котором я играл одну из ролей, уже вышел на экраны.

«УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

ФЛАГ НАД КАЧКАНАРОМ

Первое, что бросилось сегодня в глаза Владимиру Лучине, был красный флаг, поднятый над первой колонной. Монтажники намертво прикрепили древко к металлическим переплетам.

Люди имели право поднять этот красный флаг над первой колонной будущего Качканарского горнообогатительного гиганта. Они раздвинули тайгу и строят теперь самый юный город на Урале. Впереди еще много дел. Оторвав взгляд от флага, Владимир подумал: «Бетону бы сегодня побольше».

В кабинете начальника четвертого управления Карлюкова Владимир застал нескольких бригадиров. Все они работали на строительстве корпуса среднего и мелкого дробления комбината и хорошо знали друг друга. Начальник управления оглядел собравшихся. Все замолкли, предчувствуя серьезный разговор.

— Некоторые высказали предположение, — начал Карлюков, — что участку пора взять коммунистические обязательства, бороться за звание участка коммунистического труда. Давайте подумаем... В перерыв соберем всех строителей. Пусть они окончательно решат... Скажу только — мы сегодня находимся на главном участке строительства. С января начнется генеральное наступление на Качканар. Мы с вами — артиллерия, которая ведет артподготовку перед решительным броском вперед.

«Бетону бы только», — опять подумал Владимир. И, как бы отчая на его мысли, Карлюков сказал:

— Бетон обещают... Бетон будет... Но не в этом дело. Надо стать человеком коммунистического будущего — вот это потруднее.

...На свежееуженной опалубке, на металлических балках расселись ребята. Они живым колом окружили прораба, который читал новые обязательства.

— Ваше слово, товарищи! — сказал прораб, окончив читать.

— Наши ребята согласны! — первым встал бригадир Ковальчук.

— Бригада Чмутова — согласна!

— Бригада Фурсева — не подведет.

— Бригада Азаренко — за!

А над Качканаром гордо и призывно развевался красный флаг.

Евг. Спехов

Можно сказать определенно — уральская погода «коллабила» идею «Дня мира», именно в этот день она нахнула поздним теплом бабьего лета. И оттого на промышленной площадке строительства Белоаярской атомной станции им. Курчатова стало как-то веселее, праздничней.

Впрочем, и кроме этого у атомостроителей были основания для праздничного настроения: именно сегодня они завершили монтаж крупных блоков стен реакторного отделения.

Еще совсем недавно самой высокой точкой строительства была крыша машинного зала — огромная железобетонная буква «П». Но в августе и сентябре резко взметнулись ввысь стены реакторного отделения.

Бригада Леонида Бендера — одна из лучших на строительстве. В этом месяце она поработала особенно успешно. Самого бригадира еще нет на площадке; Бендер только-только вернулся из отпуска, и ребятам

будет приятно сообщить ему о своих успехах. Помощник бригадира Виктор Паршев говорит:

— Мы уже вперед заглядываем. Видите?

И он показывает на решетчатый, уступами, каркас, который плотники и сварщики «одевают» щитами опалубки. Завтра могучие краны поднимут его вверх, и это будет самая высокая — сорокатрехметровая отметка строительства.

Пока строитель — главная фигура на промышленной площадке. Но ему на смену уже приходят младшие братья-монтажники. Вот и сейчас — едва собрали стенку реакторного отделения, а монтажники уже тут как тут, оснащают ее своими узлами и деталями.

В тот день бригада Владимира Гилева устанавливала широкую площадку внутри реакторного отделения. Медленно, словно нехотя, поднимается стальная плита в воздух. Сам Владимир Гилев условными движениями рук передает

СТЕПНОЙ БАТЫР

«Степной батыр» — богатырь — так любовно называют в Башкирии молодой город Салавата, где комсомол ведет Всесоюзную ударную стройку нефтехимического комбината. Человеку, впервые сюда попавшему, показалось бы странным: улицы залиты асфальтом, стоят многоэтажные дома, повсюду десятки тысяч цветных, теневые деревья — где тут, собственно, стройка? Но в том-то и грандиозности комбината, что он, еще не достроенный полностью, уже породил город почти с семидесятитысячным населением.

Иван Афанасьевич Березовский, начальник комбината, с утра в хорошем настроении. Сегодня день, которого давно ждали. Можно подвести итоги сооружения нескольких новых химических установок.

— В общем, — голос Березовского звучал уверенно, — скоро дадим стране продукцию. От души можно сказать строителям: «Спасибо!»

Похвала адресована всей башкирской комсомолки, которая показала себя надежным шефом «Большой химии». Один лишь Уфимский горком ВЛКСМ за год прислал более двухсот энергичных парней и девчат. Сегодня комсомольские ударные бригады готовили к вводу катализаторную фабрику и другие объекты.

Но молодежь не стоит на месте. Ей светят новые маяки. Молодой город учится, чтобы лучше трудиться. По просьбе рабочих многие классы вечерних школ открыты прямо в общежитиях. Четыре тысячи студентов на Салаватском вечернем факультете Московского института нефтяной и газовой промышленности, в индустриальном техникуме и других специальных учебных заведениях города — ударной стройки...

Здесь создана замечательная кузница собственных научных кадров — заводская аспирантура. Сорок пять инженеров комбината стали аспирантами Московского нефтяного института.

На этой фотографии, сделанной 27 сентября, — аспиранты-производственники. Виталий Коваленя (на снимке — слева) решил в этот день уделить несколько вечерних часов своей диссертации «Комплексная переработка сернистых нефтей». Это очень злободневная и не до конца решенная проблема для всех районов Второго Баку.

В жизни Евгения Филиппова (второй слева) 27 сентября произошло важное событие. Он, начальник действующего цеха, попросил перевода на новый, трудный участок — в цех, который предстоит вести в строй. Сегодня просьбу Евгения удовлетворили.

Третий аспирант, Давид Крепер, работает заместителем начальника ремонтно-механического цеха.

После обеда он занимался подготовкой резервуаров под керосин для Индии. Башкирское горючее заменит топливо, которое прежде Индия покупала у англичан. Вечером аспирант Крепер превратился в педагога — он преподает математику студентам нефтяного института.

Живые дела, творческие поиски и находки — вот таков девиз молодежи Салавата, города ударной стройки.

Д. Сухов

НА УРАЛЬСКОЙ АТОМНОЙ

команды крановщику. Еще взмах, еще поворот — и концы балок входят в подготовленные отверстия.

— Порядок! — Владимир поворачивает к нам довольное, очень молодое лицо.

Его бригада вообще самая молодая у монтажников. Гилев недавно окончил техникум, три парня учатся в вечерней школе, один — в техникуме, еще один — Леонид Крестовен — даже в институте. Скоро эти самые ребята оденут белые халаты и в клинической чистоте будут сваривать сложнейшие нити паропроводов, налаживать дистанционное управление всеми процессами в «атомном котле».

Совмещение строительства и монтажа — тоже новаторское решение, которое позволит намного приблизить пуск первой на Урале атомной станции.

У строителей еще одна забота — поселок. Один за другим вырастают в уральском лесу удобные двух- и трехэтажные дома, красиво отделанные цветной штука-

туркой. В эти дни строители сдают восьмой по счету 24-квартирный дом. А всего в течение года на Постоянном поселке — так он называется в отличие от прежнего, временного поселка строителей — будет введено в строй десять новых домов. Это не считая новой школы — их в поселке уже две, — только что сданного большого корпуса и других культурно-бытовых учреждений.

Вечер 27 сентября. В клубе атомостроителей много народа: идет новый фильм. А афиши уже говорят о будущем: послезавтра слет бригад коммунистического труда, через неделю — первая лекция местного университета науки и культуры.

Поселок мирного атома устремлен в будущее.

Е. Анянцев

Очерк о строителях Белоаярской атомной станции «Одиннадцатый дипломат» читайте в № 12 «Уральского следопыта».

